

ИРКУТСКИЙ КРЕТМЬ

Православный альманах

№ 2 (14) 2015

ИЗДАЁТСЯ ПО БЛАГОСЛОВЕНИЮ МИТРОПОЛИТА ИРКУТСКОГО И АНГАРСКОГО ВАДИМА
МИХАИЛО-АРХАНГЕЛЬСКИЙ ХАРЛАМПИЕВСКИЙ ХРАМ Г. ИРКУТСКА, НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ЦЕНТР ИГУ

С Победой!

ОТЕЧЕСТВО

*Сердцевина Русской Победы
Митрополит Иркутский и Ангарский Вадим*

РОССИЯ И МИР

*Битва за Россию
Митрополит Иоанн (Снычёв)*

РУССКОЕ ИСКУССТВО

*Данный во спасение
О Валентине Распутине и его книге «Сибирь, Сибирь...»
Валентина Сидоренко*

ἉΓΙΟΝ ΠΡΩΒΡΑΖΗΝΙΟΝ ΤΑΥΤΟ
Ἐ ΠΡ ἸΛΙΑ Ἐ ΠΡ ΜΟΥΣΕΙ

ἉΓΙΟΣ ΠΕΤΡΟΣ

ἉΓΙΟΣ ΙΑΚΩΒΟΣ

ἉΓΙΟΣ ΙΩΑΝΝΗΣ

ИРКУТСКИЙ КРЕМЛЬ

Православный альманах

№ 2(14) 2015

ИЗДАЁТСЯ ПО БЛАГОСЛОВЕНИЮ МИТРОПОЛИТА ИРКУТСКОГО И АНГАРСКОГО ВАДИМА
МИХАИЛО-АРХАНГЕЛЬСКИЙ ХАРЛАМПИЕВСКИЙ ХРАМ Г. ИРКУТСКА, НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ЦЕНТР ИГУ

В ЭТОМ НОМЕРЕ:

ТОРЖЕСТВО ПРАВОСЛАВИЯ

В день Преображения Господня 5
Две проповеди
Святитель Лука (Войно-Ясенецкий)

ОТЕЧЕСТВО

Сердцевина Русской Победы 11
Митрополит Иркутский и Ангарский Вадим

Сибиряки в величайшей битве всех времен .. 19
Александр Голованов

Возвращение России 35
Беседа с Валентином Распутиным в 1990 году

СКРИЖАЛИ ИСТОРИИ

Тарас Афанасьев — толмач-дипломат,
сооснователь Селенгинска и Удинска 63
Эдуард Дёмин

СИБИРЬ ПРАВОСЛАВНАЯ

Байкальская обитель Любви 85
*Посольский монастырь и архимандрит Николай
Наталья Вертлиб*

Посольский монастырь и миссия
за Байкалом 97
Протоиерей Евгений Старцев

НАРОДНОЕ ВЕЧЕ

О святой мудрости и лукавом мудровании .. 107
Записки мирянина
Владимир Иовлев

РОССИЯ И МИР

Битва за Россию 119
Митрополит Иоанн (Снычёв)

РУССКИЙ ОБЫЧАЙ

Древляя вера 129
Анатолий Байборodin

РУССКОЕ ИСКУССТВО

Данный во спасение 141
*О Валентине Распутине и его книге «Сибирь,
Сибирь...»*
Валентина Сидоренко

Свеча 153
Рассказ из повествования «Раны»
Алексей Зверев

Готовься, Русь... 159
Поэма
Василий Забелло

РАДОНИЦА

Последний срок 165
Памяти Валентина Распутина
Владимир Личутин

Упокой, Господи... 169
Памяти Александры Нефедьевой

ВЗГЛЯД

В память о Победе 175
Размышления после выставки Владимира Гуляева

АВТОРЫ НОМЕРА

..... 186

Издается по благословию митрополита
Иркутского и Ангарского Вадима

Православный альманах
Выпуск № 2 (14), 2015 г.
www.harlamp.ru

Учредитель

Местная религиозная организация православный Приход
храма Харлампиевского г. Иркутска Иркутской Епархии
Русской Православной Церкви (Московский Патриархат)

Юридический адрес:

664025, Иркутск, ул. 5-й Армии, 59

Фактический адрес:

664025, Иркутск, ул. 5-й Армии, 59

Главный редактор

Протоиерей Евгений Старцев

Исполнительный редактор

Анатолий Байборodin

Художественный редактор

Елена Антхауф

Компьютерная верстка

Нина Мазутова

Корректор

Людмила Заступова

В журнале использованы фотографии из архивов «ИК», а также иллюстрации с интернет-порталов. Михаило-Архангельский Харлампиевский приход благодарит всех фотографов, в том числе, возможно, и не упомянутых, за братскую помощь в создании русского православного альманаха. Да хранит вас Бог, братья и сестры!

На 1-й странице обложки:

Фото из Центрального архива Министерства обороны РФ

На 2-й странице обложки:

Образ Преображения Господня (палехская традиция православной иконописи)

На 3-й странице обложки:

Фото Владимира Гуляева

На 4-й странице обложки:

Фото из Центрального архива Министерства обороны РФ

Для писем:

664025, Иркутск, ул. 5-й Армии, 59
E-mail: oestar@mail.ru; a-baiborodin@mail.ru

Контактный телефон:

21-70-26

Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Перепечатка текстов и иллюстраций, опубликованных в журнале, допускается только с письменного разрешения редакции.

Отпечатано в ООО «Репроцентр А1»

664047, Иркутск, ул. Ал. Невского, 99/2.
Тираж 1000 экз. Цена свободная

Альманах выходит при поддержке компании «Нордэкс»

- **В ДЕНЬ
ПРЕОБРАЖЕНИЯ
ГОСПОДНЯ**
Две проповеди
Святитель Лука (Войно-Ясенецкий)

Торжество
Православия

Крестный ход в Почаевскую лавру
в праздник Преображения Господня
(www.orthodox.org.ua)

В ДЕНЬ ПРЕОБРАЖЕНИЯ ГОСПОДНЯ

Две проповеди

Преображение Господне
(иллюстрация из рукописной книги «Лицевое житие преподобного Сергия Радонежского», собрание РГБ. XVI в.)

**Святитель Лука
(Войно-Ясенецкий)**

О свете духовном

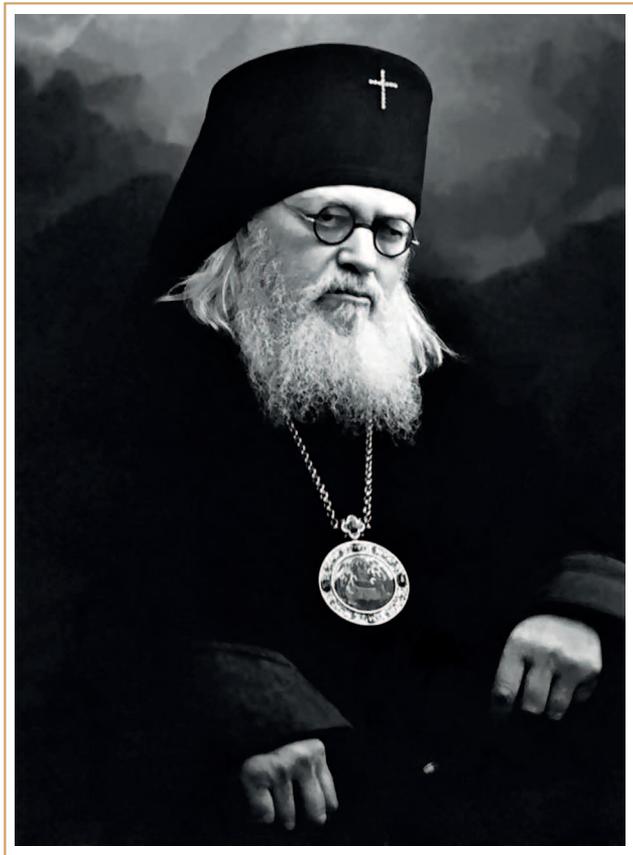
Проповедь первая

Всей великий день вспоминаем о преславном Преображении Господа и Бога нашего Иисуса Христа, когда явил Он нам Божественный свет Лица Своего, всего Естества Своего.

Надлежит нам вникнуть в то, что такое свет духовный. О свете духовном будет речь моя. Вы все знаете, как всякая живая тварь трепетно тянется к солнцу, к свету солнечному, с неба сияющему, к свету материальному. Знаете, как всякая букашка, всякая травка, всякий листок и цветок тянется всегда к свету. Свет солнечный, свет материальный ведом вам всем, и любите его вы все. Но все ли знаете, что кроме света солнечного есть еще великий свет, свет нематериальный, свет духовный? Все ли тянетесь к этому свету духовному?

О как тяжело мне сказать: нет, не все, далеко, далеко не все. Даже больше скажу: весьма немногие тянутся к нему, а всему остальному множеству живущих на земле не нужен свет духовный, знать не хотят о нем ничего. Им нужен только свет материальный: нужны те блага, которые связаны с этим светом. Скажу и больше: сделаю оговорку о том, что я раньше сказал, что все живое тянется к свету солнечному. Нет, нет, я не оговорился: есть много птиц, животных и насекомых ночных, которые ищут тьмы, избегают света солнечного, есть жабы и черви, есть рыбы подземных вод, которые не воспринимают света.

Есть и много подобных им людей, таких несчастных людей, которым нужен не свет, а

тьма, ибо знаете, что все воры и разбойники, все блудники и прелюбодеи ищут тьмы, дела свои темные творят во мраке, в ночной тьме. Свет им мешает, свет им невыносим, его они не любят.

И если они даже света материального не любят, то свет духовный, свет, воссиявший миру от Господа Иисуса Христа, тем более невыносим для них.

Ну что же, пусть не выносят, а тем не менее тот Божественный свет, который явил нам Христос на горе Фаворской, все так же сияет и никогда не перестанет сиять.

Нередко свинцовые тучи заслоняют солнце небесное. Есть люди, которые глаза свои закрывают от солнца, есть и слепые, не способные видеть свет.

О тех, которые не выносят света духовного, сказал в своем дивном Евангелии апостол и евангелист Иоанн Богослов, говоря о Господе нашем Иисусе Христе как о Свете, пришедшем на землю:

«Был Свет истинный, Который просвещает всякого человека, приходящего в мир, — всех просвещает, всех хотел бы спасти. — В мире, был и мир чрез Него начал быть, и мир Его не познал. Пришел к своим, и свои Его не приняли».

О какие страшные слова — свои Его не приняли!

«А тем, которые приняли Его, верующим во имя Его, дал власть быть чадами Божиими» (Ин. 1:9, 12).

И Свет этот светит и будет вечно светить, сколько бы ни отворачивались от Него, каким бы ненужным ни казался миру этот свет.

Но в глазах мира этот свет меркнет, меркнет чем дальше, тем больше: он сияет в небесах, а в душах человеческих он меркнет, как солнечный свет, заслоненный тяжелыми тучами.

Разве не помните, как померк свет Христов, какая страшная кровавая тьма водворилась над миром еще так недавно, когда творили свои неопишуемые злодеяния наши враги — немцы?

Разве не знаете, какой кровавый мрак, какая непроглядная тьма в сердцах тех солдат американских, тех летчиков, которые истребляют ни в чем не повинное население Кореи? Тьма, кровавая, непроглядная тьма...

И тьма все более и более сгущается, и страшно нам, страшно, когда видим, что эта тьма царит в сердцах множества людей.

Они на вид вполне благополучны, у них есть все: и силы, и бодрость, и красота, и обилие плодов земных, и красивые одежды — все есть у них. Кажется, они живы, но только кажется, ибо тьма их сердец есть духовная смерть. О них можно сказать словами Апокалипсиса: «...Ты носишь имя, будто жив, но ты мертв» (Откр. 3:1).

К ним относятся слова святого апостола Иоанна Богослова: «Кто говорит, что он во свете, а ненавидит брата своего, тот еще во тьме. Кто любит брата своего, тот пребывает во свете, и нет в нем соблазна. А кто ненавидит брата своего, тот находится во тьме, и во тьме ходит, и не знает, куда идет, потому, что тьма ослепила ему глаза» (1 Ин. 2: 9–11).

Для жизни истинной не свет солнечный необходим, а другой свет, свет духовный, освещающий и просвещающий сердца наши.

Разве мало было великих носителей света духовного в пещерах Киево-Печерского монастыря? Разве не жили без света солнечного эти великие люди, в сердцах которых воссиял великий, яркий, паче солнечного света яркий свет духовный?

Можно и живя без света, быть носителем света, можно и живя во свете солнечном, быть мертвым, не иметь в себе никакого света духовного.

В древней Персии поклонялись солнцу. Это жалкое язычество, но в этом язычестве можно усмотреть то, что люди, поклонявшиеся солнцу, понимали хоть отчасти, что такое свет духовный, что, поклоняясь солнцу, они поклонялись не только его свету, всеми видимому, но в материальном свете видели и то солнце правды, которым называем мы Господа Иисуса Христа.

Были в Персии и огнепоклонники. Можно ли сказать, что совершенно презренна вера их? Нет, в Священном Писании читаем: «Бог есть Огонь поядающий».

Эти язычники, эти огнепоклонники сами неясно понимали и чувствовали, что огонь может быть прообразом Божества, все очищающего, всякую скверну и нечестие поядающего. Это сознавали эти огнепоклонники. И их надо поставить выше тех, для которых нет никакого света духовного, ничего не существует, кроме материальных благ, кроме света от солнца, на небе сияющего.

А нам, христианам, в нынешний великий праздник показал Господь, что Его человеческое тело могло светиться божественным светом. Если так, если тело Богочеловека могло светиться божественным светом, то значит, и тела христиан, предназначенных к Богочеловеческому, тоже могут светиться небесным светом.

И знаем, знаем, что не только Господь в день Преображения Своего светился весь этим божественным светом, ибо Ветхий и Новый Завет приводят нам пример тому.

Когда опустился великий Моисей с горы Синайской, неся скрижали, на которых перстом Божиим начертаны были десять заповедей, то сияло лицо его светом божественным, и так яркое, так невыносимым был этот божественный свет, что просили израильтяне, чтобы закрыл Моисей покрывалом лицо свое, ибо не могут люди взирать на него.

Когда св. архидиакон Стефан стоял пред синагогом иудейским и бесстрашно говорил о Христе, «все, сидящие в синагогоне, смотря на него, видели лице его, как лице Ангела»

(Деян. 6:15) — как лицо ангела, значит, озаренное светом небесным.

Знаем и более: знаем, что лицо преподобного Серафима по временам светилось таким же небесным светом.

У него был друг, соседний помещик Мотовилов, который был добрым и чистым человеком. Он часто с ним беседовал, и однажды во время такой беседы Серафим сказал ему: «Посмотри на меня!» Мотовилов взглянул и ужаснулся, ибо вдруг лицо преподобного Серафима засияло божественным светом.

Вот видите, что Господь, открывая нам путь к Богочеловечеству, дал при этом и возможность светиться светом небесным, таким светом, как светилось все Его тело в сей великий день на горе Фаворской. О как это важно, как это велико, как это вожделенно! Если можем светиться светом духовным, светом божественным, неужели не приложим всех наших стараний, чтобы стать достойными этого?!

«Праведники в Царстве Небесном будут сиять небесным светом, если окажутся достойными. Праведницы просветятся, яко солнце, в Царствии Отца их». Так сказал Сам Господь наш Иисус Христос.

А теперь, пока живем мы в теле земном, надо помнить то, что сказал Господь: *«Еще мало время свет в вас есть: ходите, дондеже свет имате, да тьма вас не имет»* (Ин. 12:35). *«Веруйте во свет: да сынове света будете»*.

Воспевайте в сердцах ваших ту песнь, которую так часто слышите вы в нынешний день: *«Преобразился еси на горе, Христа Боже, показавый учеником Твоим славу твою, якоже можаху: да возсияет и нам грешным свет твой присносущный, молитвами Богородицы, Светодавче, слава Тебе»*.

19 августа 1950 г.

В день Преображения Господня

Проповедь вторая

С глубоким благоговением празднуем мы ныне одно из величайших событий в земной жизни Господа Иисуса Христа — Его Преображение.

Почему я называю этот праздник столь великим? Потому что благоволил Господь явить

всему миру чрез избранных Своих апостолов, свидетелей Преображения, Свою небесную славу.

Всю ли славу явил Он? О нет, далеко, далеко не всю. Славу Божию безнаказанно видеть нельзя: невозможно для человека увидеть славу Божию и остаться в живых.

Господь явил только небольшую часть славы Своей — Свой Божественный свет, но и это безмерно велико. Узнал мир чрез святых апостолов, что воссиял Господь Иисус Христос светом Божественным. Узнал мир, что кроме света солнечного, света материального, существует еще иной свет — Божественный. А этого не знали ранее, ни о каком Божественном свете не помышляли.

А как же надо было нам узнать о Божественном свете!

Свет материальный, свет солнца дает жизнь материальную всему живому на земле. Без него невозможна никакая земная жизнь. Он все животворит. Он в этом отношении безмерно более велик, чем всякий искусственный свет, хотя бы даже электрический, который ничего не животворит.

Но ведь свет солнечный животворит для жизни материальной, а кроме нее есть жизнь вечная, жизнь не материальная, а духовная.

Как солнце есть источник жизни телесной, так источник жизни вечной в Господе Иисусе Христе.

И этот Свет, просвещающий всякого человека, грядущего в мир, видели святые избранные апостолы на горе Фаворской.

Об этом свете, о носителе его Господе Иисусе так сказал св. апостол Иоанн Богослов: *«В Нем была жизнь, и жизнь была свет человеков»* (Ин. 1:4). Свет Христов есть истинная жизнь. В этих словах отождествляются свет и жизнь. Какую же жизнь понимать тут? Конечно, не жизнь телесную, конечно, жизнь вечную в общении с Богом. И источник этой вечной жизни, этого никогда не меркнувшего света только в Господе Иисусе Христе. *«И свет во тьме светит, и тьма не объяла его»* (Ин. 1:5).

В какой тьме светит свет Христов? Во тьме греховной, во тьме внешней, которой так безмерно много. Но эта тьма, эта духовная тьма никогда, никогда не может погасить этот веч-

ный Божественный свет, ибо «свет во тьме светит, и тьма не объяла его».

Вот какой свет показал Господь Иисус Христос на горе Фаворской — свет Божественный, тот свет, который составляет подлинную и самобытную сущность только одного Бога, ибо этот свет есть одно из преславных свойств Божиих. О Себе сказал Господь Иисус: «Я свет миру» (Ин. 8:12). Он свет всему миру: Его Божественным светом озарен весь мир.

Но читаем в Евангелии, что Илия и Моисей, явившиеся Господу Иисусу Христу во время Преображения Его, тоже сияли Божественной славою. А Моисей еще за тысячу лет до этого уже сиял Божественным светом при жизни своей. Когда сошел он с горы Синай, неся скрижали Завета, тогда лицо его сияло нестерпимым для глаз человеческих Божественным светом, и должен был он закрывать лицо свое покрывалом, ибо не терпели очи народа израильского взирать на этот свет. Что же это был за свет? Это был не самобытный свет, принадлежавший самому Моисею, — это свет, заимствованный от Бога, это отблеск Божественного света.

Знаете вы, что все планеты сияют нам не своим светом, это темные тела, не светящиеся, они сияют светом солнечным, отраженным в них. Они свет свой заимствуют от солнца. Так и все святые, и оба великих пророка, участники Преображения Господня, сияли не своим светом, а заимствованным от Бога. Даже о величайшем из людей, Иоанне Предтече Господнем, в Евангелии от Иоанна сказано, что он не был светом, но был послан, чтобы свидетельствовать о истинном свете — Господе Иисусе Христе.

Велико и преславно сиять отраженным светом Божественным, но постыдно и недостойно искать отраженной силы и величия сильных мира сего, как этого искали во все времена царедворцы и льстецы.

Есть много людей, считающих себя просвещенными, носителями света науки и философии. К ним обращены слова Христовы: «Итак, смотри, свет, который в тебе, не есть ли тьма» (Лк. 11:35).

О как необходимо им вдуматься в эти слова, сравнить свой мнимый свет с Божественным светом Христовым и понять бедность сво-

ей души. А Матфей приводит эти слова иначе: «Итак, если свет, который в тебе, тьма, то какова же тьма?» (Мф. 6:23).

Вот в эти слова вдумайтесь, эти слова хочу я разъяснить вам. Но их нелегко понять, и начну я издали. В далекой Индии живут религиозные мыслители и подвижники, которые именуют себя йогами. Они создали учение, правда, чуждое нам, но мудрое. Они говорят, что стяжавшие духовное зрение видят людей окруженными лучами различных цветов: добрые и чистые люди окружены прекрасным голубым сиянием, злые и жестокие красным, тупые и всецело преданные низменным интересам погружены в темное и черное излучение.

Может быть, и действительно видят они это, но зачем я об этом рассказываю вам? Затем, что в этом учении йогов есть некоторая доля истины, недалеко оно от великих и глубоких слов Христовых: «Добрый человек из доброго сокровища (души своей) износит доброе, а злой человек из злого сокровища износит злое» (Мф. 12:35).

Добром и светом души своей, неприметно изливающимся во тьму внешнюю, праведники освещают эту тьму. Они подобны человеку, идущему в темноте с фонарем: и себе освещает дорогу, и другим показывает ее.

А если и сердце человека тьма, то непроявляема для него и внешняя тьма («какова же тьма»). Горе ему, горе сугубое тому, чьи руки в крови, которого йоги видят окруженным красным излучением! Да не постигнет никого из нас такое страшное горе! Да услышит и исполнит Христос прошение наше: «Да воссияет и нам грешным свет твой присносущный, молитвами Богородицы, Светодавче, слава Тебе».

Но этого великого счастья надо заслужить усердным исполнением всех заповедей Христовых. Надо стать праведниками, которые просветятся, как солнце, в царстве Отца Небесного.

Аминь.

1951 г.

- **СЕРДЦЕВИНА РУССКОЙ ПОБЕДЫ**

*Митрополит Иркутский и Ангарский
Вадим*

- **СИБИРЯКИ В ВЕЛИЧАЙШЕЙ БИТВЕ ВСЕХ ВРЕМЕН**

Александр Голованов

- **ВОЗВРАЩЕНИЕ РОССИИ**

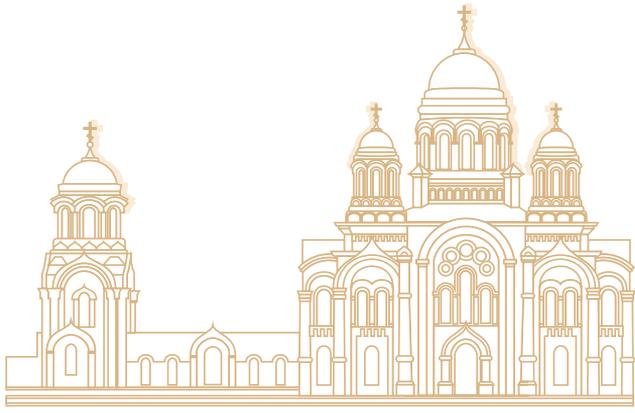
**Беседа с Валентином
Распутиным в 1990 году**

Победа!
(фото: i1.2photo.ru)

СЕРДЦЕВИНА РУССКОЙ ПОБЕДЫ

Митрополит Иркутский и Ангарский Вадим

Мой помянник об Упокоении все длиннее, и мне все горше читать его. Восходят ко Господу родные нетленные души. Ложатся в сырую сибирскую землю все те, с кем я строил духовную жизнь в нашем суровом Прибайкалье...

Совсем недавно я вычеркнул из списков о Здравии и вписал в списки об Упокоении имя благословенное, имя которое я произносил с особым благоговением на утренних и вечерних молитвах, и в храме, вынимая из него Божию частичку. Это имя великого нашего земляка, патриота, выдающегося писателя, раба Божия Валентина Распутина. Иркутяне хорошо помнят, как многотысячно хоронила его родная земля в солнечный весенний день, одного из лучших своих сыновей...

Через день после его похорон приходилась последняя родительская (третья) суббота в чреде Великого поста, и я вспоминал, как дивно Господь устроил погребение своего бесстрашного воина за Отечество наше. Словно незримая Его длань сметала все помехи, которые, как правило, сопровождают большие многочисленные торжества либо похороны. Все сложилось как бы само собою... В этом была воля Божия и Его благословение.

После прочтения молитвы о новопреставленном рабе Божиим Валентине я произнес имя своего деда Федота, которого поминаю все чаще в эти юбилейные для Победы дни. Федот Васильевич, фронтовик, вернулся с фронта с ранениями, с орденами и медалями; одни ордена Славы двух степеней чего стоят. Дед мой был прирожденным краснодеревщиком, редкостным мастером. Дерево чувствовал как любимую: бывало, бредет лесом, ласково поглаживает березку или сосенку. Всякую щепу обню-

хает. А его ловко сложенная, крепкая и благородная мебель теперь уж конечно реликвия и хранится как произведения прикладного искусства во многих столицах мира.

Но чаще я думаю о деде не столько как о редком умельце, сколько как о фронтовике, воевавшем против фашизма, а потом восстанавливавшем после оккупационную родную Белгородчину.

Бывало, бабка моя ворчит на него: мол, своей семьи нету, все бежит без оплаты подымать порушенное. Всем-то вдовам не поможешь, всех сирот не обогреешь.

— Что с них взять-то, — оправдывался дед, — им самим давать надо.

И помогал, и строил, и носил тайком картошку с хлебушком да дорогие кусочки сахару, чтобы сунуть сироте да бездомному нищему, которые половодьем разливались на послевоенной разрухе.

Да, вот он — День Победы! Великой кровью завоеванный, неимоверными тяготами тыла заработанный, врученный нам израненными нашими дедами. На вечное хранение, как алмаз драгоценный в сияющий венец России. Лишь бы нам бережно хранить память о войне, чтобы помнили потомки, знали цену жизни на родной земле...

О войне написано много! Много книг, статей, много снято фильмов и поставлено пьес в театрах. Я, родившийся через десять лет после Победы, любил слушать рассказы старожил и фронтовиков о довоенной и военной поре. Эти рассказы воспитывали во мне чувство Родины. А оно удивительно! И прав наш мудрый и великий земляк Валентин Григорьевич Распутин, сказавший, что только имеющий, воспитавший в своей душе чувство родины может опускаться в сокровенные глубины народного духа, истории, культуры. Мне было проще обрести чувство родины. Господь даровал мне это высокое чувство дивными рассказами моих старших земляков, воспоминаниями о боях, спасших Белгородчину, о горьких годах оккупации, о голоде, холоде. Бесконечные рассказы о разрухе и о том чувстве созидания, которое охватило весь край, да и всю Россию после войны. Все строили дома, сараи, землянки. И дед мой, Федот Васильевич, выходил из дома с тем же внутренним ощущением созидания, горячим желанием восстановить, поднять, создать... Потому что победили, потому что мир. Кому-то сия радость дается словом, кому-то руками, кому-то молитвою.

Храм Рождества Богородицы в Московских Путинках (www.etoretro.ru)

Было горе: вдовы, сироты, нищие, калеки заполнили страну. Но была и жажда жизни, жажда созидания. Потому что впереди был мир. И многие полагали, что вечный...

* * *

О войне написано немало. Описаны профессионально, с точки зрения военных наук, все ее фронты, котлы, дуги, маршалы, генералы, герои, подвиги и поражения. Писатели-фронтовики описали жесточайший военный быт: блиндажи, окопы, санитарные палатки с круглосуточными операциями. Писатели-народники выписали горчайшую правду тыла. Война звучала и в живописи, и в музыке. Но война живет и в народных преданиях, которые передавались из уст в уста, где звучала оголенная, неприкрытая правда, — народная правда о войне. Мы дышали и жили сей правдой, выраженной в искусстве и преданиях, и правда выплывала в наших душах в единое чувство любви к Родине и сыновнего понимания.

Войну, конечно же, ждали. Гитлер никогда не отказывался от своей внешнеполитической программы, озвученной им еще в его печально знаменитой «Майн Кампф», где планировалось великое и решающее столкновение с Советским Союзом. Собственно, американский капитал, который обильно вскормил германский фашизм, требовал в итоге одного — стереть с карты мира Россию.

Знал о войне Сталин, ничуть не обольщаясь договором августа 1939 года с Германией. План Барбаросса, «страшно секретный», был известен советскому правительству на одиннадцатый день после принятия его Вермахтом.

Знал о скорой войне народ, распевавший «Если завтра война...». Наконец, православная паства гонимой, почти скрывавшейся в катакомбах, как в начале христианских веков, Русской Православной Церкви передавала из уст в уста предсказания старцев о скорой войне, как поощении Божиим за отступничество от веры, поругание национальных святынь, за поруганные и оскверненные храмы. Эти пророчества переписывались тайно в школьных тетрадках, читались ночами при свече вместе с письмами из лагерей, где несло свой крест русское православное духовенство.

Отпадение от Христа не бывает безнаказанным. Но далеко не вся Россия отпала от Христа...

Я, чадо Русской Православной Церкви, милостью Божией ее архипастырь, и обязан глядеть на все события своего народа через Ее учение и Уставы. Возросший под попечительным взором старца Серафима (Тяпочкина), я много раз держал в руках такие школьные тетрадки с аккуратными записями. В этих тетрадках было много наивного, много от детской доверчивой веры, но иные поражали своими точными и огненными пророчествами.

Так, на 22 июня 1941 года был намечен взрыв храма Рождества Богородицы в Московских Путинках. В эти же дни церковный приход Николы Обыденного обязали передать ключи от храма... А взрыв был плановым в череде мероприятий «безбожной пятилетки», которая по плану богоборцев заканчивалась в 1943 году. Но 22 июня 1941 года, когда объявили войну, народ хлынул в православные церкви, в том числе и храм Рождества Богородицы, который по причине войны и не был взорван. А в сорок третьем вопреки чаяньям богоборцев состоялся Собор Русской Православной Церкви, и был избран Святейший Патриарх.

Множество пророчеств ходило среди церковной паствы о германской каре над Россией и Божией каре над Германией. Говаривалось, что Германия своим нашествием вернет Россию к вере и тем спасется Россия, разбив врага.

И как ни готовилась Россия к предстоящим испытаниям, но удар оказался неожиданным и страшным. Слишком неравными были силы. Технически Германия была вооружена до зубов, новейшим по тем временам орудием высокой мощности и проходимости. Против СССР были брошены наиболее совершенные машины, стремительные и поворотливые. Германия имела высоко обученную, вымученную, имеющую богатый боевой опыт армию.

Россия же еще не оправилась полностью после Гражданской войны. Не будем забывать, что в смутные годы было потеряно почти 18 миллионов русских. Кроме того, страна была измождена внутренней междоусобицей, а потому армия была недееспособна: техника разбросана по разрозненным соединениям,

да и армия не имела того боевого опыта, что имел Вермахт.

Первые месяцы войны были трагичны, и страна лишь Божиим промыслом не сломилась под страшными и сокрушительными ударами врага. Но как болезнь пробуждает защитные силы организма, направляя их против чуждой бациллы, так и Россия собралась мгновенно, готовая либо к победе, либо к гибели. Но не к рабству.

Из обеих столиц, из губернских больших городов и малых, из дальних сел, глубинных, крошечных деревень уходили с котомками на плечах мужики-кормильцы, отцы, сыновья, братья. Тыл ослабевал: женщины, старики да дети оставались дома, остальные — на фронт. На закрытых учреждениях висели таблички: «Все ушли на фронт». Начинался самый тяжкий, голодный, но и беспримерно победоносный марш войны, ибо Россия незримо, непрерывно в те годы стяжала Святого Духа, собирала самые здоровые свои силы, воскрешала глубинную память, чтобы по крупицам собрать ту

духоносность, с которой она с великой славою выходила из всех выпавших на ее долю многочисленных войн и страданий.

Такого жертвенного героизма, какой явила Россия в годы войны, никогда не ведала сытая Европа с ее внешней благопристойностью и расчетливостью. Разве забудутся подвиги героев первых дней войны: летчики — капитан Николай Гастелло и его экипаж, направившие свой горящий самолет на скопление живой вражеской силы и взрывоопасной техники; летчик Талалихин, который при отражении ночного

налета немецкой авиации на Москву сбил таранным ударом немецкий бомбардировщик и, раненный в руку, покинул с парашютом поврежденный истребитель.

Сейчас некие «правдоискатели» пытаются стереть из памяти народа подвиг знаменитого генерала Панфилова и его бойцов 316-й стрелковой дивизии, погибших до единого в четырехчасовом бою под Волоколамском, но не подпустивших фашистов к Москве. Александр

Матросов, Зоя Космодемьянская, Олег Кошевой, Сидор Ковпак с его партизанской армией... — несть им числа, героям Отечественной войны.

А непомерная тяжесть тыла, великое могущество слабых от голода и холода детей, сутками простаивавших на военных заводах, выпускавших оружие для фронтов. А женщины бескрайних деревень, двужильные крестьянки, пахавшие на коровах днями, ночами же косившие траву для своей коровки — кормилицы всей семьи.

На чем же зиждилась вся эта непобедимая сила? На том же, что и испокон веков — на вере, на молитве. На

безмерном подвижничестве молитвенников и духовников Отечества. На сломленном духе Россия бы не выжила, не говоря уж о Победе. И Россия вымолила сию благодать у Господа.

«Я не оставляю Россию» — возвестил Христос Спаситель в видении петербургскому протоиерею Борису Кириллову перед самым началом войны.

Матерь Божия вымолила Русскую землю. Склонились перед светоносным ликом Казанской Божией Матери в многочасовой покаянной молитве все духовники, вся Валаамская

Фото: www.to-world-travel.ru

каторга, митрополиты, архиепископы и епископы, весь священнический и монашеский чин, благочестивая паства, гонимая и затравленная довоенным большевизмом, который имеет отличные от русских национальных корней глубинные сатанинские корни.

Тысячу дней и ночей молился о спасении России и ее народа иеросхимонах Серафим (Вырицкий). Молился он у себя в Вырице, на камне перед иконой Серафима Саровского, устроенной на сосенке в саду. Этот уголок старец позднее назвал Саровым. В Москве молилась блаженная Матрона. По московским преданиям к ней приезжал за советом Сталин, и святая предсказала ему Победу, повелев не сомневаться, защищая Москву до последнего. В Красноярске при госпиталях творил молитвенные чудеса над операционным столом, почти вынимая раненых из могилы, епископ Лука (Войно-Ясенецкий).

В 1943 году вернулся из лагеря в Москву Алексей Федорович Лосев — монах, в тайном постриге Андроник, — знаменитый впоследствии философ, и Алексею Федоровичу была предложена новообразованная при Московском государственном университете кафедра философии, где он открыто и молитвенно проповедовал Святую веру.

Во время блокады Ленинграда при страшном голоде, холоде и непрерывной бомбежке из Владимирского собора вынесли икону Казанской Божией Матери и обошли с этой иконой вокруг города крестным ходом. Тем город и выстоял. Сбылись предсказания святого Митрофана Воронежского, сказанные царю

Петру I о том, что город сей избран Царицей Небесной, и пока Ее Казанская икона пребывает в городе, никакой враг не войдет в него. Существует предание, что с иконой Казанской Божией Матери Сталин и Жуков облетали Москву. И случилось чудо: немцы бежали в панике. Кроме Казанской, облетала столицу и Тихвинская икона Божией Матери, и 9 декабря 1941 года был освобожден город Тихвин.

Иеросхимонах Серафим (Вырицкий)

Не только молитвою, но и всеми средствами православные ковали Победу. На нужды обороны по всем приходам России был объявлен сбор средств. 30 декабря 1942 года с соответствующим призывом обратился к своей пастве митрополит Сергей (Страгородский). В ответ только в Московском Богоявленском соборе было собрано около полумиллиона рублей. Вся церковная Москва собрала свыше двух миллионов рублей. В блокаде Ленинграда православные собрали миллион рублей. Собирали средства в Куйбышеве, Тобольске, Иркутске... всего за войну православными приходами России было собрано 200 миллионов рублей. На средства ве-

рующих ушла на фронт танковая колонна имени Димитрия Донского. В один из ленинградских храмов неизвестные положили к иконе Николы Чудотворного пакет. В нем оказались 150 золотых десятирублевых монет царской чеканки. Кто-то мог выжить в блокаду на эти деньги.

Все это привело к серьезным изменениям в области церковно-государственных отношений. О чем и было решено 4 сентября 1943 года на совещании правительства, проходившем на одной

из загородных резиденций Сталина. В тот же день в Кремле Сталин принял специально доставленных по этому случаю из разных концов России виднейших православных иерархов: Патриаршего местоблюстителя митрополита Сергия (Страгородского), митрополита Ленинградского Алексия (Симанского) — будущего Патриарха и экзарха Украины Николая (Ярушевича). Беседа началась с патриотической деятельности Русской Православной Церкви. Результатом этой беседы было принципиальное изменение позиции Русской Православной Церкви в государстве. Было принято решение о созыве Архиерейского Собора и выборах Патриарха. Договорились о деятельности Священного Синода, открытии учебных заведений для подготовки церковных кадров и издательской деятельности Церкви. И, наконец, было решено «изучить вопрос (положительно) об освобождении архиереев и священников из лагерей и возможности беспрепятственного богослужения ими во всех городах России, прописке и свободном передвижении».

Итоги этой беседы были ошеломительны. В несколько лет на территории СССР были открыты тысячи храмов (22 тысячи общин), монастырей и учебных заведений. Сократились гонения на верующих и дикие шабаши всевозможных союзов «безбожников».

Русь Святая воскресалась! Церковь Святая выстояла!

Многажды многими чудесами порадовала Русская земля православных в том высоком стоянии перед Господом. Но самым радостным было чудо возвращения преподобного Сергия Радонежского в Троице-Сергиеву лавру. Известно, что после осквернения мощей Чудотворца в 1919 году в ночь перед проведением коштунственной церемонии исчезла драгоценная гла-

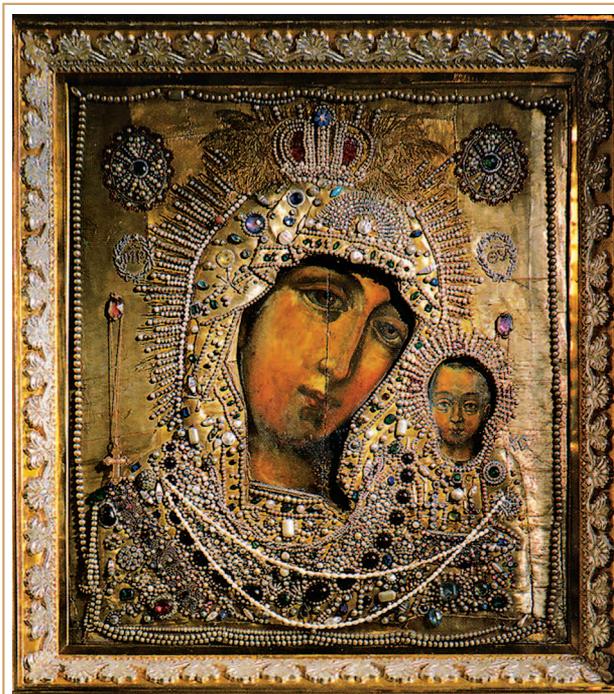
ва Святого. Много позже, почти через век вскрылись потрясающие подробности этого дела. В эту ночь священник, философ, ученый, словом, гений России Павел Флоренский и князь Олсуфьев отделили голову святого от мощей и спрятали ее в кадке с фикусом в доме князя Олсуфьева. Принимал участие в этом тайнодействии молодой трудник лавры Павел Александрович Голубцов, который и вывез святыню из княжеского дома, спрятав в укромном месте. Забегая вперед скажу, что в 1946 году в ночь перед открытием мощей драгоценная глава была возвращена

на свое законное место, на родные плечи Преподобного. Павел Голубцов впоследствии стал архиепископом Старорусским и Новгородским Сергием. Русский гений был расстрелян. Господь возвеличил его в сонме великомучеников.

Знаменитая Сталинградская битва началась уже с открытого молебна перед Казанской иконой. Ее возили в самые огненные места битвы, священники служили молебны под грохотом орудий и крестили солдат святой водой. Все мы помним исход этой великой битвы.

В глубинной памяти праведной этой войны сохранилось свидетельство, что уже в разгар боя за Кенигсберг, когда выдохлись наши войска, а немцы бились ожесточенно, и казалось, поражение наших войск неминуемо, появились священники с иконами. «Вот попов привезли», — шутили офицеры.

Священники отслужили молебен и пошли с иконой на передовую. Стеной шли, во весь рост, открытые всем огням. И вокруг немецкий огонь прекратился. Наши дали сигнал большого штурма — по суше и с моря. И случилось невероятное, немцы падали, как мухи, сдавались в плен и бежали с поля боя. Оказывается, в небе

Чудотворная икона Божией Матери «Казанская»
(Казанский кафедральный собор, г. Санкт-Петербург)

появилась «мадонна», как называли они Богородицу. И тогда уже наши войска почти безо всякого сопротивления вошли в город.

Более 20 000 храмов было открыто в военное время на всем великом пространстве России. Молились повсеместно и все. Вновь открывшиеся храмы были забиты молящимися. Молитва звучала и в окопах, и на пахоте, и на лесоповалах, и в лагерях.

А потому Победа была неотвратима.

Подводя итоги наших исследований, задаваясь вопросом, почему было попущено Госпо-

сердцевинный смысл Великой Отечественной войны. Россия вошла в войну уже почти атеистической страной, но в ее кроваво-огненном горниле Россия очистилась, выплавилась, вернула свою, дарованную ей Господом духовную сердцевину и вышла из войны вновь Православною Святою Русью.

Конечно же, она защитила и свои широты, спасла народ от лютого рабства и не только свой, но и народы Европы. Все так. Но не обратиться русский народ к своему Творцу — Победе не бывать!

Крестный ход в годы Великой Отечественной войны

дом столь великое испытание нашему народу, повторюсь, скажу как православный человек: за отступничество от Господа и Православной веры, за попрание заветов предков и поругание святынь.

«Россию куют беды и напасти. Не напрасно Тот, Кто правит всеми народами, искусно, метко кладет на Свою наковальню всех подвергаемых Его сильному молоту. Крепись, Россия! Но и кайся, молись, плачь горькими слезами пред Небесным твоим Отцом, которого ты безмерно прогневила!» — воскликнул провидчески праведный Иоанн Кронштадтский.

И заплакала в войну горькими слезами Россия, и взмолилась, и покаялась. И в этом

В этом основные уроки и духовные истоки Русской победы. Мы имеем, по словам Иоанна Кронштадтского, «неоцененное жизненное сокровище — Веру Православную, с Церковью спасающую». Ею и будем спасаться во все времена. Потому что «беды и напасти» вновь у порога, горят и кровят майданы, оскалились аки волчьи пасти и грозят не только санкциями, спасенные когда-то нашими предками, народы Европы и Америки...

Вспомним, чем спаслась Россия, обернемся на ее высокий и опять же, единственно спасительный Божий островок в пучине гибели: Веру, Церковь, заветы Божией Матери, святых Православных, — и тем всегда победим.

СИБИРЯКИ В ВЕЛИЧАЙШЕЙ БИТВЕ ВСЕХ ВРЕМЕН

**Главы из книги «Сибирские дивизии.
Засекреченный подвиг»**

Александр Голованов

Исторический официоз и память народа: противоречие

Захватывающий сюжет Второй мировой войны — противостояние лучших солдат Гитлера (войск СС) и лучших солдат Сталина (сибирских дивизий) — был засекречен и не изучался советскими историками. В художественных фильмах про войну эсэсовцы носили эффектную черную униформу с одним погоном на правом плече и с черепом на фуражке. Служили они либо в тайной государственной полиции — гестапо, либо охраняли концлагеря и травили людей в газовых камерах.

За этими скудными сведениями угадывалось нечто недоговоренное и окончательное злое. Но что? Нас не считали нужным посвящать в подробности о «черной гвардии» фюрера. А такого персонажа как воин-сибиряк и вовсе не было ни в военном кино, ни в литературе. И архивы сибирских дивизий были засекречены и недоступны взгляду исследователей, как невидимая сторона Луны. В маршальских мемуарах, процеженных сквозь сито цензуры, сибирские соединения упоминались редко и скупно.

Официоз темнил и замалчивал, народ же, напротив, превозносил воина-сибиряка как ангела-хранителя. На вопрос о том, кто в 41-м отстоял Москву, переживший войну москвич отзывался: «Как кто?! Сибиряки, конечно!»

Это была такая же данность, как всегдашний аншлаг на спектакли Большого театра. Как любой провинциал, командированный в столицу, придя к кассам Большого, я утыкался в табличку «Все билеты проданы». Однако почти весь оперный репертуар я прослушал, потому что знал волшебное слово. Надо было только

шепнуть интеллигентным седым старушкам-билетерам, что ты приехал из Иркутска (Новосибирск, Омск или Владивосток тоже годились. Главное, что ты — человек из Сибири). Для старушек это было свято. Мне находили свободное место или ставили стул в проходе.

На мне лежал отблеск славы отцов. А самым почитаемым боевым генералом для жителей столицы был дважды Герой Советского Союза, командующий войсками Московского военного округа иркутский уроженец Афанасий Павлантьевич Белобородов. В ноябре–декабре 41-го его Сибирская стрелковая дивизия остановила в сорока километрах от Кремля и в тяжелейших встречных боях разбила панцер-гренадерскую сверхэлитную дивизию СС «Рейх». За такую баталью дивизия Белобородова была включена в первую десятку соединений, составивших советскую гвардию.

Позднее я узнал, что защита Москвы — не единственная победа сибиряков в Великой войне. Когда профессия привела меня в Сталинград-Волгоград, там от людей, прошедших сталинградское побоище, я узнал, что фактически, величайшую в истории человечества битву на Волге выиграли мои земляки, сибиряки. Это было откровение.

От такого поворота темы голова шла кругом. Я предложил Центральному телевидению СССР сделать фильм-расследование о роли сибирских дивизий в Московском и Сталинградском сражениях. Мотивировал тем, что если народная молва подтвердится, это будет новая страница в истории Великой Отечественной. Мою сценарную заявку отклонили. И не просто отклонили. Впервые за годы сотрудничества меня отругали «за местническую попытку перетянуть одеяло истории всенародного подвига на отдельную группу населения». Ругань была неуклюжая, явно не от сердца, а по чиновной обязательке. Естественно было предположить, что тема особой роли моих земляков в войне табуирована не руководством Гостелерадио, а кем-то на самом верху. Там, где решают, что следует знать народу, а что нет.

Отказ обескуражил меня и заинтриговал. Интересно было выяснить, чем высокая боевая репутация сибиряков не угодна советской идеологии. Я «включил дурака»: стал изыскивать и подбрасывать начальству Центрального телевидения СССР все новые и новые аргументы в пользу исключительной роли моих земляков на фронтах Великой Отечественной. Нет, я не собирался давать повод заподозрить себя в опас-

ном вольнодумстве. В своих посланиях я был верноподдан и демагогичен.

«Весь год долбил корягу дятел». Но не спятил (как в стихе), а продолбил. Мне таки дали разъяснение. Неофициально. В доверительной атмосфере, под водочку с соляночкой в уютном ресторане Центрального дома журналистов. Наставить меня на путь истинный поручили человеку, чья фамилия значилась в титрах пафосно-исторических сериалов Центрального телевидения. Если судить по этим условно-документальным полотнам, то в советской истории «окромя явлений счастья никаких явлений нет»¹. Мой наставник редактировал эти сериалы, формировал их авторские коллективы. Если кто-то из сценаристов полагал, что кроме великих свершений имели место, скажем, незаконные репрессии, и настаивал на их отражении на экране, ему указывали на дверь. «Давай на «ты», — сразу предложил мне наставник и после третьей рюмки доходчиво растолковал, что моя версия никому не нужна. — Пусть Москву действительно спасли сибиряки. И что? В стране Советов никакая группа граждан не должна выделяться и торчать над толпой».

В подтверждение данного тезиса он по памяти цитировал правильные, идеологически выверенные закадровые тексты из фильма о Сталинградской битве: «Все республики послали к стенам Сталинграда своих сыновей». Обрати внимание, ключевые слова здесь «все республики». «Как же, как же, — хмыкнул я. — Помню. Эта мультка даже зарифмована и положена на музыку. «Когда страна быть прикажет героем, у нас героем становится любой». Ключевое слово «любой». Не заметить издевку было невозможно, но наставник и не думал обижаться. Глянул на меня беспечальными глазами и рассмеялся. Неясно только над чем: над дурацко-молодецкими виршами? Или над моим упорством, с его точки зрения тоже

дурацким? Передо мной сидел индивидуум, определивший себя формулой «Я не человек. Я — функция».

...Мой первый фильм о воинах-сибиряках «Сибирь стояла под Москвой» вышел на экраны через шесть лет после того, как виртуоз редакции убеждал меня в никчемности моей затеи. Правда, эту картину удалось сделать не в жестко регламентированной системе Гостелерадио, а в более либеральном ведомстве — Госкино. Полететь на премьеру в Москву я не смог, но из иркутского землячества позвонили, что, по крайней мере, в одном кинотеатре (кажется, в «Ударнике») публика аплодировала стоя. На следующий год жюри Московского кинофестиваля присудило фильму второй приз — «Серебряный Пегас».

Самое интересное, что с выходом фильма ко мне потекла информация о воинах-сибиряках. Без каких-либо усилий с моей стороны передо мной возникали ветхие орденские книжечки и ветхие же, оправленные в рамки, листки благодарностей Верховного Главнокомандующего И.В. Сталина, а главное — живые люди, те самые из легенды. Их усаживали перед видеокамерой и расспрашивали, как они жили на войне. Из их рассказов и из военной хроники (советской и трофейной) сложился документальный сериал «Сибирские дивизии. Засекреченный подвиг». Легенда о воинах-сибиряках, словно дерево, выросла в историческую правду. В конечных титрах наших фильмов шли протокольные перечни сибирских частей, бившихся под Москвой и в Сталинграде.

Еще в этих картинах, наверное, впервые после войны прозвучали подлинные фронтовые песни. В них пелось «От тайги, тайги дремучей, от Амура, от реки молчаливой грозной тучей в бой идут сибиряки». Или «Эх, Сибирь, Сибирь родная, за тебя мы постоим, волнам Рейна и Дуная твой поклон передадим»².

...Защита Москвы — не единственная победа сибиряков в Великой войне. <...> Фактически, величайшую в истории человечества битву на Волге выиграла моя земля, сибиряки. <...> Достойные противники «сверхлюдям» Гитлера отыскивались только в России. Точнее, в той ее части, что зовется Сибирью.

После того как «Засекреченный подвиг» вышел на телеэкраны, у меня на руках осталась масса интереснейших материалов, которые по разным причинам в сериал не вошли. Более того, приток новой информации о войне еще усилился. Незнакомые мне люди, посмотрев сериал, стремились поделиться со мной тем, что они слышали от своих родителей и родственников-фронтовиков. Зачем на меня валится все это? Что мне делать с этими сведениями? — спрашивал я себя, но удовлетворительного ответа не находилось. Впрочем, привычка ставить перед собой вопросы — занятие продуктивное. Настал момент, когда я понял, чего не достает в «Засекреченном подвиге».

Из двух сторон смертельного противостояния (сибиряков и «эсэсов») я знал и понимал только одну — своих земляков. Как всякий мальчишка, рожденный в 45-м, я рос среди фронтовиков. У одного из моих школьных друзей отец был офицером СМЕРШа, у другого — фронтовым хирургом. Мой школьный учитель физкультуры и военного дела был минером. В моем дворе жили водитель пусковой установки гвардейского миномета «Катюша» и командир стрелкового взвода. Мой отец, два моих дяди, близкие знакомые нашей семьи — все участвовали во всенародном подвиге, известном нам как Великая Отечественная война.

От них я узнавал о войне то, чего никогда не решался сказать народу трусоватый и скудоумный советский официоз. Характеры моих земляков, составивших сибирские дивизии и армии, были мне знакомы по жизни. Но приходилось признать, что о характере их противников я знаю очень мало. Что это за люди были нацисты, если во всей Европе не нашлось армии, способной противостоять их военной мощи?

Достойные противники «сверхлюдям» Гитлера отыскивались только в России. Точнее, в той

ее части, что зовется Сибирью. Осенью 41-го неисповедимыми путями «черная гвардия» фюрера и сибирские части Сталина нашли друг друга. И после Московской битвы до конца войны немецкий генштаб будет очень внимательно отслеживать все перемещения самых опасных для Вермахта советских соединений — сибирских. Их появление на каком-либо участке советско-германского фронта неминуемо сулило немцам наступление, прорыв, катастрофу.

И я погрузился в историю лучших соединений Вермахта, которые с 1939 по 1941 год приобрели репутацию непобедимых. Сперва проштудировал «Историю дивизии СС «Рейх», той

самой, что прошла Польшу и Нидерланды и в 41-м схлестнулась под Москвой с Сибирской дивизией Белобородова. Затем — историю самой партийной армии Вермахта — 6-й, где каждый пятый был членом НСДАП, и с которой, по характерному выражению Гитлера, «можно штурмовать небеса». (Именно 6-я армия положила к ногам Гитлера Париж, Харьков и обещала ему взять Сталинград. Но помешали сибиряки.) Затем пришлось вникнуть в историю уникального сообщества СС и изучать все — от порядка отбора и воспитания членов СС и их жен до отчетов организованной Гиммлером секретной

экспедиции в Тибет. И теперь я, наконец, могу рассказать своим читателям о том, какого грозного противника одолели наши отцы и деды.

Средняя продолжительность жизни — четыре часа

С августа 1942 года мир напряженно следил за ходом величайшей битвы в истории человечества — Сталинградской. Здесь решалась судьба мировой войны, судьбы воюющих и завоеванных Гитлером государств. Для русского народа эта битва решала вопрос: жить ему на свете или не жить. Именно сибирякам вы-

В Сталинградской операции участвовали тридцать три сибирских соединения, то есть дивизии и бригады. Это без учета авиационных, мотоциклетных полков и отдельных батальонов, сформированных в Сибири. Одиннадцать сибирских дивизий, бригад и сорок два полка за победу на Волге преобразованы в гвардейские.

пало принять главную тяжесть и муку Сталинградского побоища. Из наших земляков почти полностью состояли 62-я и 64-я армии, которые как раз и угодили в самое пекло и сражались там с первого и до последнего дня.

Сталинград (до революции Царицын) — большой промышленный город, протянувшийся почти на 50 километров по течению Волги. И сражение в этом большом городе кипело тысячами отдельных очагов. Тут дерутся за цех тракторного завода, тут за жилой дом, тут за кучу развалин... При этом так интенсивно работали все виды оружия, что в иные дни в Сталинграде царил сумрак: тучи дыма и пыли заслоняли солнце. А ночи озарялись пожарами и вспышками разрывов. Это был ад, длился он полгода, и каждое мгновение кого-то настигала смерть. В течение полугода здесь почти никто не сдавался в плен, никто — ни наши, ни немцы, даже возможности не допускал уйти из Сталинграда. Здесь стояли только насмерть.

По штабной статистике в уличных боях и в атаках за Мамаев курган рядовой красноармеец жил и действовал на передовой в среднем четыре часа. Когда его убивали или ранили, его место занимал другой боец, и этому другому тоже было отмерено жизни четыре часа. И Сталин, и Гитлер запретили своим армиям отступать. Не каждый фронтовик сегодня помнит номер сталинского приказа — 227, но формулу этого тяжелого приказа «Ни шагу назад!» военное поколение запомнило навсегда. Отступление без приказа, невзирая на обстоятельства, каралось расстрелом.

Почему, спрашивается, все уперлось в Сталинград? Очевидно, логические мотивы — обойти Москву с востока и отрезать европейскую часть СССР от Урала и Сибири — у Гитлера имелись. Очевидно, что у Сталина имелись причины, чтобы Гитлеру этого не позволить. На этом очевидность и заканчивается. Успешное летнее наступление открыло перед Гитлером широкий стратегический выбор: идти на Волгу или штурмовать Кавказ и захватить нефтяные поля Каспия. Были и иные варианты, с точки зрения военных, беспроектные для Третьего рейха. Но Гитлер был убежден, что он справится с русскими армиями и на Кавказе, и на Волге.

Афанасий Ощерин (фото из архива автора)

Афанасий Ощерин, в 1942 году — старшина, командир взвода:

— Что такое штыковая атака... Тут надо было хорошо фехтоваться, тут только на смерть бьют. И вот, выходя из этой атаки, некоторые становились белыми — седыми. А иные даже мешались умом.

Гитлер не раз давал понять своему окружению, что его поступками руководит некая потусторонняя сила — грозная и мрачная. По христианским воззрениям, это была дурная, черная мистика. Гитлер не скрывал, что слышит «голоса», и подчас материализовал их в стратегические решения. Так, вопреки аргументированной позиции германского генштаба — сконцентрировать силы и ресурсы на одном из стратегических направлений — фюрер решил наступать сразу и на Кавказе, и на Волге.

Причем на Сталинград он двинул свою лучшую 6-ю армию под командованием фон Паулюса. По характерному выражению фюрера, с такой армией можно было штурмовать небеса. Это были не просто слова. Именно 6-я армия положила к его ногам Париж и Харьков. В ней сражались лучшие, испытанные солдаты фашистской Германии. Каждый пятый — нацист. Фюрер заклинал их взять Сталинград, и они обещали ему это сделать.

До тысячи бомбардировщиков ежедневно долбили город, выковыривая из руин его за-

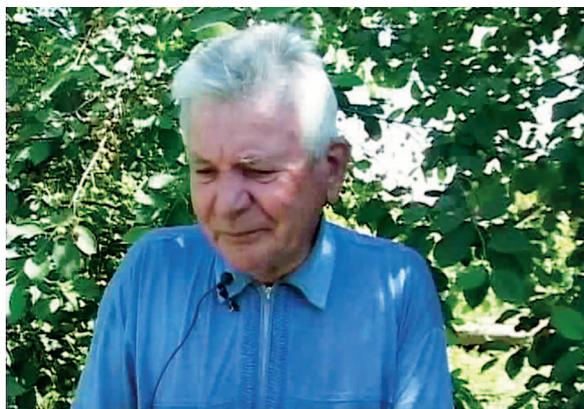
щитников. И Гитлер, и Сталин — каждый поставил здесь на карту свою политику, престиж, честь. Унтер-офицер Вальтер сообщает своим родителям в Берлин: «Это — ад. Мы атакуем ежедневно. Если нам удастся утром отбить 20 метров, вечером русские отбрасывают нас обратно».

Старшина Афанасий Ощерин через шестьдесят лет после битвы ничего не забыл: «Первый бой под Сталинградом я вспоминаю такой: мы прибыли на шестьдесят вторую переправу. Поняли сразу, что бой будет необычный, сложный, страшный. Смотрим — Сталинград горит, Волга в огне, разбиты все баржи, катера, пароходы, горючка с них вытекла и горит. И вот нам по этому огню приказано было переправляться на правый берег, к Мамаеву кургану. Кратковременный митинг прошел. На нем присутствовал Василий Иванович Чуйков. Он и похоронен теперь там, на кургане. Василий Иванович приказал нам взять курган Мамаев во что бы то ни стало... Трупов было столько! И немецкие солдаты, и румынские, и наши! И когда мы все-таки взяли Мамаев курган, выполнили приказ, я посчитал: из батальона нашего семнадцать человек осталось».

«Немец этого не выдерживал...»

Из инструкции подразделениям 62-й армии Чуйкова по штурму отдельных зданий: «Уже внутри здания противник может перейти в контратаку. Не бойся! Ты уже взял инициативу. Действуй злее гранатой, автоматом, ножом, лопатой!» Отличная инструкция! По словам командарма 62-й Василия Ивановича Чуйкова, на деле это выглядело так: «Когда мои солдаты сходились с немцами лицо в лицо и молотили друг друга чем придется, немец этого не выдерживал».

И снова из воспоминаний старшины Ощерина: «Что такое рукопашная, мне запомнится на всю жизнь, до самой смерти. Тут надо хорошо фехтоваться, тут только насмерть бьют. Из этого боя некоторые наши солдаты приходили белыми — седыми. А иные даже мешались умом. Там, в Сталинграде никакой передовой не было. В каждом здании, в подвале, в окопе — везде огневые точки. Нам дали приказ

Николай Мазница (фото из архива автора)

Николай Мазница, в 1942 году — старший лейтенант, командир роты:

— Нам Чуйков указал рукой на Мамаев курган: вот вам выйти туда, и там умирать будете, так отдайте свою молодую жизнь подороже... Я вспоминаю: передо мной лужи крови, а сколько ребят лежало! Ну что такое: сто человек, и через час их нету! Я с ними шел, и их уже нету! Это не забудешь.

выявить эти огневые точки, где какие есть: где миномет, где пулемет. И чуть эта разведка нам не стоила жизни. Вместо одной ложины пошли по другой и оказались у немца в тылу. Видим, что мы в окружении и будем уничтожены. Я притворился убитым. Измазал лицо кровью из раны — ранен был. Лежу. И вот подходят ко мне двое. Один наступает мне на живот ногой, берет меня за кобуру, отрывает. Ну, думаю, сейчас выстрел будет. Или мать меня в сорочке родила, или что... Но эти двое пошли от меня».

Спросите любого сталинградца и вам скажут: на сибиряках тут все держалось

62-й армией в Сталинграде командовал генерал-лейтенант В.И. Чуйков. После войны, уже будучи маршалом Советского Союза, Василий Иванович в своих воспоминаниях перечислил все войсковые части, соединения, которые особо отличились в уличных боях и на Мамаев-

вом кургане. В частности, стрелковые дивизии Батюка, Сологуба, Гуртьева, бригаду морской пехоты Антонова, отдельный полк НКВД — десятки частей, все пребывание которых в сталинградском пекле было подвигом. Они проявляли чудеса жизнеспособности. Самолеты немецкие их бомбят, а они придвинулись вплотную к позициям противника, и командование немецкое вынуждено прекратить воздушную штурмовку, потому что их бомбы начинают падать на своих.

Или, скажем, сибиряки затрудняются выбить немцев из здания, просят артиллерийскую поддержку: дайте гаубицу, а то немец из пулеметов бьет плотно, не подойти. Надо шархануть двадцатимиллиметровым. Артиллеристы в ответ: «Гаубица есть, доставить не можем, тягач разбило снарядом». А гаубица тяжелая, тонны две. И тогда сибиряки разбирают орудие и ночью на себе частями перетаскивают на огневую позицию. Там собирают и вышибают немцев из здания.

И пока они держат противника в постоянном напряжении, Ставка подтягивает резервы и замыкает кольцо вокруг Сталинградской группировки немцев.

Среди этих геройских бригад и дивизий Чуйков называет Сибирской только одну — 284-ю дивизию Батюка. Прочие — они вроде как не из сибиряков состоят. Но нам удалось установить, что почти все упомянутые маршалам дивизии все-таки состояли из сибиряков.

Ключ к этой закодированной информации дал нам ветеран Сталинградской битвы, ныне уже покойный Афанасий Иванович Ощерин (выше мною цитированный). Служил Ощерин в полку НКВД, влитом в состав армии Чуйкова, и ходил в рукопашную на Мамаев курган. От Афанасия Ивановича мы узнали, что этот полк был набран в 1940 году из жителей Иркутскосельского района, прошел боевую выучку в Хабаровском крае и в 42-м брошен в Сталинград.

Стали уточнять у других наших ветеранов Сталинградской битвы: в каких именно частях они воевали и где эти части формировались. И постепенно открылся полный список частей, которые добывали победу в Сталинградской операции. Этот список очень

Виктор Башанбаев (фото из архива автора)

Виктор Башанбаев, в 1942 году — младший лейтенант, ротный политрук:

— Я ребятам: «Ур-ра! За Родину, за Сталина — вперед!» И все выскочили из окопов, штыки примкнули. Идем. «Не бойтесь, — кричу, — если вы их не убьете, они нас убьют!» И врукопашную! Ребята видят — я одного заколол, идут дружно, зло. Гитлеровцы побежали, кричат что-то, некоторые наши по-немецки понимали, перевели мне: немцы, мол, испугались нас и кричали: «Сибирские дикари, сибирские дикари!»

велик. Он свидетельствует о том, что сибиряки составляли ядро нескольких сталинградских армий.

Рассказы людей, переживших сталинградское пекло, полны благодарности и преклонения перед воинами-сибиряками. Вот характерное свидетельство, одно из многих.

Гамлет Даллакян, в 1942 году — младший лейтенант батальона связи:

«На берег Дона нас вышло сорок пять человек, под моим началом. «Мессеры» налетели, сорок два человека погибли, осталось нас трое. Видим, что за Доном наши. Рассвело, и мы поплыли. И не столько плыли, сколько тонули. С нашей стороны заметили нас, поплыли навстречу. Здоровые такие ребята, сибиряки оказались. Я уже не мог держаться на воде, хватал воздух и меня опять тянуло в глубину.

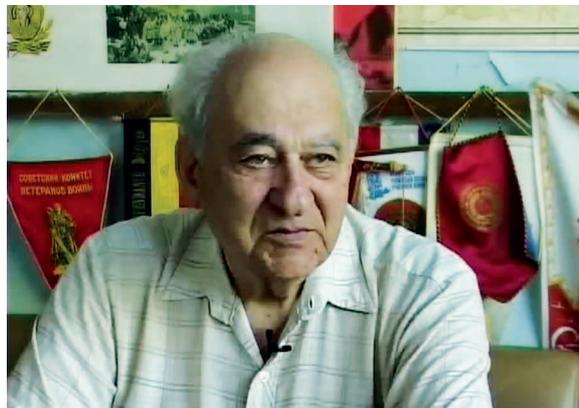
Михаил Матросов (фото из архива автора)

Михаил Матросов, в 1942 году — рядовой, разведчик артполка:

— Я в качестве посыльного оказался на совещании командиров рот и батальонов. И комдив распекал офицеров за то, что они все плохо организовывали атаки, кроме пятой роты. А один ротный отозвался: «Еще бы! В пятой-то роте пятнадцать сибиряков. За ними вся рота в атаку поднимается». Вот как уважали в Сталинграде сибиряков.

Сознание терял. А когда очнулся — лежу на спине такого богатыря, он одной рукой меня держит, другой гребет. Вытащил нас на берег всех троих живыми. Вы спросите у любого сталинградца, даже гражданского человека, все они скажут: на сибиряках тут все держалось. Спасибо им».

Зачем скрывался, затушевывался подвиг наших земляков, зачем из маршальских мемуаров цензоры вычеркивали эту подробность? — Таковы были требования идеологии. Вот характерный образец пропагандистского текста советского телевидения: «Вся страна послала к стенам Сталинграда многих и многих сыновей разных республик в ряды 62-й и 64-й армий». Пустовато. Но стандарт выдержан: все советские люди воевали одинаково хорошо, никто не должен был выделяться.

Гамлет Даллакян (фото из архива автора)

Гамлет Даллакян, в 1942 году — младший лейтенант батальона связи:

— На берег Дона нас вышло сорок пять человек, под моим началом. «Мессеры» налетели, сорок два человека погибли, осталось нас трое. Видим, что за Доном наши. Рассвело, и мы поплыли. И не столько плыли, сколько тонули. С нашей стороны заметили нас, поплыли навстречу. Здоровые такие ребята, сибиряки оказались. Я уже не мог держаться на воде, хватал воздух, меня тянуло в глубину. Сознание терял. А когда очнулся — лежу на спине такого богатыря, он одной рукой меня держит, другой гребет. Вытащил нас на берег всех троих живыми. Вы спросите у любого сталинградца, даже гражданского человека, все они скажут: на сибиряках тут всё держалось. Спасибо им.

И снова главный козырь Верховного — сибирские дивизии

Теперь известно, что в Сталинградской операции участвовали тридцать три сибирских соединения, т. е. дивизии и бригады. Это без учета авиационных, мотоциклетных полков и отдельных батальонов, сформированных в Сибири. Одиннадцать сибирских дивизий, бригад и сорок два полка за победу на Волге преобразованы в гвардейские. Сорок два полка — это

в пересчете на войсковые соединения соответствует тринадцати-четырнадцати дивизиям. Значит, из упомянутых тридцати трех сибирских соединений (дивизий и бригад) как минимум двадцать четыре вошли в Советскую гвардию.

Таким образом, именно сибирские дивизии во второй раз после спасения Москвы стали непобедимым козырем Верховного Главнокомандующего.

Итак, фюрер не позволил своей любимой 6-й армии заблаговременно убраться из Сталинградского котла. Это решение Гитлера по мотивации было так же спорно, как и предыдущее решение — летом 42-го наступать в двух стратегических направлениях одновременно. Шестая армия была обречена. И Бог, и русский мороз — все здесь было враждебно германцам. И мертвым им предстояло лежать в мерзлой чужой земле. Сдающихся в плен Геббельс по радио пугал Сибирью. Но им уже было безразлично, где замерзнуть: здесь или в Сибири.

Из состава 6-й сухопутной и 4-й танковой немецких армий, а также из 8-й итальянской, 3-й и 4-й румынских армий, 4-го воздушного флота и 8-го авиакорпуса люфтваффе, участвовавших в Сталинградской операции, противник потерял полностью тридцать две дивизии и три бригады (свыше восьмисот тысяч солдат и офицеров), почти две тысячи танков и самоходных орудий, три тысячи боевых и транспортных самолетов, двенадцать тысяч орудий и минометов, свыше семидесяти тысяч автомобилей всех видов.

Особенно стойко сражалась 6-я армия фон Паулюса. Она сдалась, только потеряв до семидесяти процентов личного состава и полностью утратив боеспособность.

Для того чтобы охватить взглядом протянувшуюся на сотни километров панораму сталинградского побоища, пришлось бы подняться в космос. Миллионы авиабомб и орудийных снарядов перепахали, превратили в безжизненный лунный ландшафт территорию, равную Соединенному Королевству Великобритании с Северной Ирландией. В масштабе Земли — это планетарная катастрофа. Такие катаклизмы изменяют картину мира и сознание человечества.

Илья Бригидин (фото из архива автора)

Илья Бригидин, в 1942 году — сержант, командир пусковой установки гвардейского миномета — «Катюши»:

— Я из-под Сталинграда вообще не думал, что живой приду. День и ночь нас бомбили, особенно за нами, за «Катюшами», знаете, как охотились! И разведка немецкая, и самолеты, и артиллерия. Как откуда залп дадим, так и пошло на нас всё валиться: бомбы, снаряды... Самая страшная война была: Сталинград и Курская дуга. Видимо, ни один солдат не думал живым вернуться.

Французы, радуйтесь! В Сталинграде русские отомстили немцам за Париж!

Победа в Сталинграде переломила ход Второй мировой войны: наступлению немцев был положен конец, фронт покотился вспять, на запад. США и Англия теперь смотрели на нас другими глазами. Из агонизирующего, как им казалось, государства, которому и помогать-то нет смысла, СССР сделался их главным стратегическим союзником по антигитлеровской коалиции. Объемы поставок по ленд-лизу, до того почти символические, возросли многократно. А союзники Германии — Япония и Турция — отныне и слышать не хотели призывов Гитлера участвовать в боевых действиях против СССР.

Оккупированная Франция радовалась: «В Сталинграде русские отомстили немцам за

Париж!» Тут имелось в виду, что именно 6-я армия Вермахта, за два года до своего разгрома на Волге, сокрушила оборону Парижа, промаршировала по Елисейским полям и стала пользоваться Францией как служанкой.

Характерно, что в завершающей фазе сталинградской операции немцы претерпели от нашей армии все то, что мы претерпели от них в начале войны: танковые рейды по тылам противника на глубину до двухсот километров с захватом железнодорожных узлов, аэродромов и уничтожением на них всего и вся.

Так, в декабре 1942-го танковый корпус генерала Баданова прорвался к стратегической базе снабжения армии фон Паулюса на станции Тацинской западнее Сталинграда. Танкисты уничтожили на земле (на взлетных полосах и на железнодорожных платформах) свыше трехсот боевых и транспортных самолетов люфтваффе и около ста пятидесяти вагонов с военными грузами, включая пятьдесят цистерн горючего.

Четверо суток танкисты Баданова блокировали аэродром, отбивая атаки втрое превосходящих сил немцев. К исходу 28 декабря у них оставалось только по 5-6 выстрелов на орудие. Горючее израсходовали полностью. Заместитель командира корпуса по технической части гвардии инженер-полковник Орлов составил коктейль из авиационного бензина, керосина и масел, на котором дизели «тридцатьчетверок» работали. Истребив за время рейда 11 тысяч солдат противника и нанеся огромный материальный урон армии фон Паулюса, уцелевшие танки Баданова протаранили окружение и ушли к своим.

В Сталинграде совершилась метаморфоза: командиры различных рангов избавились от пугливой оглядки и паралича воли, навязанных им жестокими репрессиями состава предвоенных лет. Сталинград стал той решающей битвой, победить в которой они могли только «смертью смерть поправ». Как армия Петра I в войне со шведами мгновенно (в масштабе исторического времени) нарастила боевое мастерство и от поражения под Нарвой пришла к победе под Полтавой, так и Советская армия от поражений 41-го пришла к исторической победе в Сталинграде. При этом

и в XVIII веке, и в XX нам противостояли лучшие армии Европы.

Разбирая действия Баданова, военные эксперты указывают на точное оперативное управление боем, эффективную разведку и управление огнем и, разумеется, на предприимчивость, проявленную при нехватке боеприпасов. Все захваченные у немцев противотанковые орудия танкисты по-хозяйски использовали при отражении танковых атак противника. Аналитики также отметили эффективную тактику маневрирования танками при налетах вражеской авиации.

После войны в Западной Германии были опубликованы воспоминания бывшего пилота люфтваффе Курта Штрайти «О тех, кто вырвался из преисподней». По его описанию, события в Тацинской выглядели так: «Утро 24 декабря 1942 г. На востоке брезжит слабый рассвет, освещающий серый горизонт. В этот момент советские танки, ведя огонь, внезапно врываются в деревню и на аэродром. Самолеты сразу вспыхивают, как факелы. Всюду бушует пламя. Рвутся снаряды, взлетают в воздух боеприпасы. Мечутся грузовики, а между ними бегают отчаянно кричащие люди. Все, что может бежать, двигаться, лететь, пытается разбежаться во все стороны. Кто же даст приказ, куда направиться пилотам, пытающимся вырваться из этого ада? Стартовать в направлении Новочеркаска — вот все, что успел приказать генерал. Начинается безумие... Со всех сторон выезжают на стартовую площадку и стартуют. Все это происходит под огнем и в свете пожаров. Небо распростерлось багровым колоколом над тысячами погибающих, лица которых выражают безумие. Вот один Ю-52, не успев подняться, врезается в танк, и оба взрываются со страшным грохотом в огромном облаке пламени. Вот уже в воздухе сталкиваются «юнкерс» и «хейнкель» и разлетаются на мелкие куски вместе со своими пассажирами. Рев танков и авиамоторов смешивается со взрывами, орудийным огнем и пулеметными очередями в чудовищную симфонию. Все это создает полную картину настоящей преисподней».

Сталинградская катастрофа потрясла Германию. Ни одно поражение Рейха — ни разгром группировки Роммеля в Северной Африке, ни даже гибель танковых армий Гитлера на Курской дуге — не оставило таких шрамов на

сердцах немцев. Руины города на Волге и русская морозная степь вокруг стали одной сплошной могилой для полумиллиона лучших солдат Вермахта и для трехсот тысяч солдат Италии, Венгрии и Румынии.

Ужасали обстоятельства их смерти. Гибли они не только от оружия, но от холода, голода, гнили заживо в смраде собственных нечистот.

Сталинград заставил содрогаться и военное, и следующие поколения немцев, наводя их на мысль о собственной вине и неотвратимости возмездия.

ший у матери на шее. Немец увидел мешочек, подумал, что она там прячет драгоценности, и отнял. Увидев всего лишь горсть крупы, он с досады дал очередь из автомата, убив и женщину, и ребенка».

Здесь сгорела армия Ленина-Троцкого и возродилась Русская армия

«Никто и никогда не бился при Армагеддоне...» Но генеральная репетиция этой битвы, ожидаемой в конце времен, состоялась в Ста-

Утратившие силы и желание воевать немецкие, румынские и итальянские военнослужащие десятками тысяч сдавались в плен в Сталинграде (фото из архива автора)

«Снабжение питанием местных жителей является ненужной гуманностью. Никакие исторические и культурные ценности не имеют значения» — это из приказа по 6-й армии Вермахта, хранящегося в музее-панораме «Сталинградская битва». Здесь же свидетельства жителей Сталинграда о том, как именно исполнялся этот приказ. «С нами в подвале пряталась молодая мать с грудным младенцем. Молоко у нее пропало. И от голодной смерти ребенка спасал только мешочек манки, висев-

линграде. В пекле на Волге окончательно сгинула Красная армия Ленина и Троцкого. То, что не сгорело, переплавилось в Русскую армию.

После Сталинграда наши военнослужащие получили новую (точнее, старую) форму: армии вернули дореволюционные знаки различия — погоны. Это был самый заметный (но не первый) шаг возврата к имперской военной атрибутике. Еще до войны для комсостава РККА были введены «царские» офицерские звания. В сентябре 1941 года был восстановлен инсти-

тут гвардии. Сталин, как всегда, действовал постепенно и всегда точно выбирал момент.

Рабоче-Крестьянская Красная Армия (РККА) уникальна в истории тем, что создавалась не для защиты Отечества, а для подавления и уничтожения той части русского народа, которая по естественным причинам не приняла русофобской природы большевиков. Антибольшевистские восстания казачества и крестьянства были подавлены с примерной жестокостью, по современным понятиям — геноцидом. Численность карательного контингента

дыри красных партизан, имевшие темное уголовное прошлое: Котовский, Каландаришвили, Щетинкин и др. В Сибири превентивно ликвидировали и партизанских вожаков помельче, чьи отряды бойко грабили в колчаковском тылу почты, кооперативы, а иногда и поезда на Транссибе. Этим чекисты отстреливали из опасения, что антиколчаковское движение может со временем повернуться против совдепов. Бывшие пропагандисты-подпольщики, растлевавшие армию на фронтах Первой мировой, теперь гнили на нарах.

Морозная волжская степь между Волгой и Доном стала общей могилой для полумиллиона лучших солдат Рейха. Ни одна из военных катастроф — ни разгром танковых армий под Курском, ни поражение группировки Роммеля в Африке — не оставила таких рубцов на сердцах немцев. Сталинград заставил содрогаться и послевоенные поколения немцев (фото из архива автора)

РККА только в малолюдной Сибири достигала четырехсот тысяч штыков и сабель.

Назначенную ей братоубийственную роль Красная Армия исполнила. И как мавр, сделавший свое дело, обречена была уйти в небытие. Гражданская война закончилась. И «красных героев» уже зачищали системно. В начале 20-х «при невыясненных обстоятельствах» были убиты самые одиозные коман-

В первые же дни Великой Отечественной их расстреляли. «Вступивший в сделку с лукавым да не сетует на обман». Организатора Красной Армии Льва Троцкого изгнали из СССР еще в 1929 году. В последовавшее десятилетие репрессии перемололи уже девяносто процентов высшего состава РККА. В 1940 году палач добрался и до Троцкого. Остальное довершили 41-й год и Сталинград.

Мамаев курган, г. Волгоград (фото из архива автора)

Мамаев курган — на топографических картах высота 102. Кто овладевал курганом, тот и контролировал город, лежащий на плоском берегу Волги. С этой высоты можно было на выбор стрелять по любому зданию.

А главное, в зависимости от того, чьи корректировщики находились на вершине Мамаева кургана — наши или немецкие, — та сторона и контролировала город, его окрестности и армейские переправы через Волгу.

Корректировщики устраивались в водонапорных баках, построенных на высшей точке кургана, и оттуда по телефону или по радиации наводили огонь артиллерии на любой объект в их зоне видимости.

Понятно, что дрались за курган с особым ожесточением, и он многожды переходил из рук в руки. Даже В.И. Чуйков сбился со счета и не мог сказать точно, сколько раз его армия брала, отдавала и снова занимала высоту 102. А еще участники боев говорили, что слякоть здесь была красная, и сапоги скользили по крови.

После войны кто-то посчитал, что на каждом квадратном метре Мамаева кургана находится до тысячи пуль и осколков. Земля была так нашпигована железом и свинцом, что здесь даже трава не росла.

Когда фронт откатился на запад, сталинградские школьники засадили склоны деревьями, но все саженцы засохли. И только после войны, когда сверху насыпали толстый слой грунта, удалось вырастить этот парк.

Для многих соратников Сталина стало неприятной неожиданностью его решение о восстановлении патриаршества в Русской Православной Церкви. По сути, это был отказ от ленинского курса на богоборчество и уничтожение религии. Сталин вернул Церковь к участию в жизни страны. И партийным функционерам пришлось принять это как результат прагматических соображений Хозяина.

На оккупированной территории немцы инициировали возобновление деятельности приходских общин, закрытых до войны большевиками. Изголодавшийся по причастию народ валом повалил в храмы. Узнав об этом, Сталин не захотел уступать Гитлеру ресурс православного патриотизма. И повелел: пускай себе молятся и радеют о победе русского оружия. Вновь избранному Патриарху Сергию он подарил «паккард». Что на самом деле думал при этом бывший семинарист Джугашвили, мы не узнаем никогда.

Тема «Сталин и мистика» циркулирует в виде многих версий и легенд. Есть среди них и такая, что ночами он якобы молился в Успенском соборе Кремля. Однако надежных данных о религиозности Сталина нет. Стало быть, и нет смысла плодить домыслы на сей счет. Уверенно утверждать можно только одно: репутация СССР как атеистического государства Сталина больше не устраивала. С высокой степенью достоверности можно предположить, что у него имелись причины скрывать свое неприятие некоторых ленинских постулатов. В частности, в троцкистско-ленинскую химеру мировой революции Сталин не верил. Он верил в империю. С его точки зрения, ленинский прогноз на братание всех народов в экстазе пролетарского интернационализма был иррационален. Но мумия Ленина еще была «живее всех живых», и революционная химера владела умами миллионов коммунистов. Он с этим считался. И открыто опровергать догмы канонизированного вождя не рисковал.

Выморочные идеологические штампы оказались столь живучи, что даже страшные потрясения 41-го года не сразу отрезвили апологетов пролетарского интернационализма. Так, бойцы дивизии Белобородова под Москвой с изумлением слушали приехавшего на фронт

инструктора Политуправления РККА относительного того, что «немецкие солдаты — это вчерашние немецкие рабочие и крестьяне. А значит — наши братья по классу. И наша задача — переагитировать их на нашу сторону». Здравомыслящие сибирские мужики на фантазера из Политуправления смотрели как на деревенского дурачка — снисходительно.

Дурь о классовом родстве выбили из комиссарских голов сами «одноклассники». Массовые убийства мирных людей, включая женщин и детей, на оккупированных территориях, захват и отправка в Германию русских рабов, тотальное ограбление страны, в том числе и вывоз в Рейх русских черноземов — все это не оставило места для иллюзий даже у самых твердолобых интернационалистов-ленинцев.

Злая ирония истории выразилась в том, что политруки 41-го года³ вторили большевистским провокаторам года 17-го. Тогда большевики совместно с германским генштабом устраивали акции братания русских солдат с немецкими. Мотив классового родства эксплуатировался нещадно и вещественно подкреплялся угощениями с немецкой стороны: шнапсом, колбасой и сигарами. Грандиозные провокации и запредельно лживая пропаганда в армии и в тылу были оплачены немецким золотом и проведены большевиками при попустительстве Временного правительства Керенского. Так, Ленин и кайзер Вильгельм (каждый в своих интересах) развалили русский фронт, когда победа России и ее союзников уже была делом решенным.

Нет, политрукам 41-го не привиделось бы и в страшном сне призывать солдат к массовому дезертирству (что успешно проделали большевики в 17-м). Но схожесть мотивов о пролетарском братстве очевидна. Только в 17-м это были предательство и провокация, а в 41-м — глупость и театр абсурда.

Комиссарская дурь в начале войны нередко проявлялась и в маниакальной подозрительности к своим же бойцам и командирам. Здесь тон задавал главный комиссар РККА, начальник Политуправления и заместитель наркома обороны Лев Мехлис, которого некоторые современники считали безумным⁴. Сталин был наслышан от военачальников о грубом и

деструктивном вмешательстве Мехлиса в дела командования, но терпел его за собачью преданность. Однако когда Мехлис в 42-м дезорганизовал действия Черноморского флота и армии, из-за чего немцы захватили Крым, Сталин сместил Мехлиса с поста замнаркома обороны и понизил в звании. Подстать Мехлису действовали и его подчиненные. Бдительность в их исполнении больше походила на паранойю.

Так, в 41-м будущую легенду Сталинграда, офицера без страха и упрека Николая Батюка едва не расстреляли за... трусость. Тогда в боях на Украине полк Батюка отбил у немцев переправу через Северский Донец и продолжал удерживать ее даже тогда, когда соседние полки под напором немцев отступили. Из чего дивизионный комиссар сделал вывод, что Батюк замышлял... сдать в плен. Героического полковника живо приговорили, и вскоре он без сапог и без портупей уже стоял перед расстрельной командой. Но его солдаты, прослышав, что «Батю сейчас шлепнут», примчались к месту казни и освободили своего комполка.

В конце 41-го Батюка назначают командиром сформированной в Томске 284-й сибирской стрелковой дивизии. А через семь месяцев обстановка вокруг Сталинграда уже была столь критичной, что для ее исправления Сталин самолично отбирал сформированные в Сибири войсковые соединения, и в разговорах по ВЧ⁵ обстоятельно расспрашивал их командиров о качестве и состоянии личного состава. Лаконичные, но исчерпывающие ответы Батюка (дивизия укомплектована по штатному расписанию, обучена, большинство командиров имеет фронтовой опыт), видимо, устроили Верховного, поскольку он распорядился немедленно грузить дивизию в эшелоны.

В Сталинград дивизия Батюка прибыла 21 сентября, когда армия фон Паулюса уже завладела почти всей территорией города и Мамаевым курганом. Мало того, противник за-

хватил еще и пристань армейской переправы и тем самым прервал водное сообщение 62-й армии с «большой землей». Подвести продукты и боеприпасы, эвакуировать раненых стало невозможно.

Чуйков приказывает Батюку восстановить разорванную немцами в трех местах оборону 62-й армии и выбить немцев с Мамаева кургана. А для начала сибирякам предстояло атаковать немцев прямо с воды, с Волги-матушки, чтобы очистить от них причалы и восстановить сообщение между правым и левым берегом.

Строго говоря, при абсолютном господстве немцев в воздухе и тройном превосходстве в танках, поставленная Чуйковым задача была невыполнима. Но Батюк и его сибиряки приняли ее невозмутимо, как должное.

Морским пехотинцам, пришедшим в дивизию в качестве пополнения, Батюк приказал навязать немцам, обороняющим пристань и участок берега, рукопашный бой. Тихоокеанцы распахнули на груди гимнастерки так чтобы стали видны тельняшки, сменили каски на бескозырки, высадились с десантных барж в воду и показали немцам, какое это неблагодарное дело — драться с морпехами.

За три дня боев сибиряки выполнили невыполнимый (для других) приказ командарма Чуйкова. Самой большой крови им стоил Мамаев курган. Потери дивизии с 21 по 24 сентября составили 1587 человек. Свой наблюдательный пункт комдив Николай Батюк перенес на вершину кургана. Трудно было взять высоту 102, вошедшую в историю как Мамаев курган. Но не легче было удержать ее в руках.

Курган был *единственной* возвышенностью над обширной степной равниной, где раскинулись Сталинград и его пригороды. Для наблюдателя, поднявшегося на курган, и город, и Волга, и Заволжье раскрывались как на ладони. В мирное время — прекрасная смотровая площадка. В войну — единствен-

Для многих соратников Сталина стало неприятной неожиданностью его решение о восстановлении патриаршества в Русской Православной Церкви. По сути, это был отказ от ленинского курса на богоборчество и уничтожение религии. Сталин вернул церковь к участию в жизни страны.

ный пункт управления огнем артиллерии всех видов.

В зависимости от того, чьи корректировщики — наши или немецкие — в данный момент находились на высоте 102, тот и контролировал и город, и подходы к нему, и переправы через Волгу. Поэтому за обладание курганом дрались без пощады, не считаясь ни с какими потерями.

О том насколько крепка была оборона Мамаева кургана, свидетельствуют воспоминания немецкого офицера Г. Вельца: *«...На русские оборонительные позиции обрушивается залп за залпом. Взлетают слепящие гирлянды снарядов. Там уже не должно быть ничего живого... И вдруг в воронках и на огневых точках появляется русская пехота, которую мы уже считали уничтоженной. Глазам своим не верю. Как, неужели после ураганного огня, там еще жива оборона? Каждое мгновение мы видим, как валятся наземь наши наступающие солдаты, остальные несутся назад. Что за наваждение, уж не приснился ли мне этот бой?.. Заколдованное место!»*

А вот еще одно свидетельство, на этот раз адъютанта Паулюса полковника В. Адама. Беседуя в полевом госпитале с раненым в Сталинграде унтер-офицером, он услышал от него такое признание: *«В сущности, здесь нет настоящих позиций. Русские дерутся за каждую развалину, за каждый камень. Нас всюду подстерегает смерть. Здесь ничего нельзя добиться бешеной атакой, напролом, скорее, сложишь голову. Мы должны научиться вести штыковой бой... До сих пор мы посмеивались над русскими, но теперь это в прошлом. В Сталинграде многие из нас разучились смеяться».*

Итак, Сталинград задвинул в сторону лукавые мифы и вернул России ее традиционные ценности, в первую очередь, историческую духовную опору — Православную Церковь. Спрашиваю себя: а пришел бы Сталин к решению о церкви в иных обстоятельствах? Не факт. Но небывалое напряжение и смертельная опасность 1941–1942 годов привели его к некоему внутреннему сдвигу. А великая победа на Волге сделала его триумфатором, который мог позволить себе если и не все, то многое.

Характерная подробность. Гитлер, будучи яростным богоборцем-сатанистом, до времени скрывал свое отношение к религии, поскольку большая часть немцев позициони-

ровала себя христианами. Он даже стерпел публичное осуждение католическими епископами его акций «расовой гигиены» — убийств душевнобольных и детей с врожденными уродствами. Но в своем близком окружении фюрер не скрывал, что будущая Германия будет «свободной от попов». И гордился тем, что ни один из лучших представителей нации, т. е. членов СС, в церковь не ходит.

Таким образом, Гитлер и Сталин в отношении религии двигались на контркурсах. Один исподволь готовил ее изъятие из жизни народа, другой, напротив, стал осаживать воинствующих безбожников, а потом и вовсе решил, что Советский Союз больше не будет атеистическим государством.

Примечания

1. Псевдонародная частушка, призванная свидетельствовать всеобщую радость от результатов сталинской коллективизации.

2. Песни Сибирских дивизий собрал, сделал их студийные записи и передал автору руководитель Иркутского театра народной драмы, заслуженный деятель искусств России Михаил Корнев.

3. По счастью, далеко не все политруки РККА подвинулись рассудком на почве интернационализма. Эта навязчивая идея поразила в основном работников центрального аппарата ГЛАВПУРа. Командиры многих сибирских частей и соединений характеризовали своих комиссаров как достойных офицеров, являвших собой пример для подчиненных. В частности, очень ценил комиссара своей дивизии Бронникова генерал Белобородов.

4. Константин Симонов в своих воспоминаниях о войне цитирует характерное свидетельство о «диком произволе» невежественного, но бешено энергичного Мехлиса в Крыму: «Запретил рыть окопы, чтобы не подрывать наступательного духа солдат. Выдвинул тяжелую артиллерию и штабы армий на самую передовую... Три армии стояло на фронте 16 километров, дивизия (10–12 тысяч человек. — А.Г.) занимала по фронту 600–700 метров. Нигде и никогда я не видел такой насыщенности войсками. И все это смешалось в кровавую кашу, было сброшено в море, погибло только потому, что фронтом командовал безумец...»

5. Правительственная и военная телефонная связь в СССР. Технология ВЧ обеспечивала режим секретности телефонных переговоров за счет различных систем кодирования сигнала.

ВОЗВРАЩЕНИЕ РОССИИ

Беседа с Валентином Распутиным в 1990 году

* * *

А. Байбородин: Мне бы хотелось, чтобы из нашего разговора вышло не репортерское интервью и не диалог критика и писателя, а беседа представителей двух литературных поколений. Хотя границы их, конечно, размыты в общем литературном процессе, но, тем не менее, я представляю худо-бедно то писательское поколение, которое идет за вашим след в след. Говорить о заслугах двух литературных поколений пока не хочется — рановато, не в пользу моих сверстников-писателей будет сравнение, а хотелось бы сказать вначале вот о чем: ваше поколение писателей — и особо те, кого величали «деревенщиками», — по духу и слову было все-таки ближе к матушке-земле, к природе, к родовым корням и самому крестьянскому миру. Мои сверстники, те, кому сорок и под сорок, уже откачнулись от земли душой, потеряли родовые связи, во многом утратили и само народное миропонимание, закрутившись в мутных уловах современной городской жизни. Хотя, конечно, про всех этого не скажешь, всех под одну гребенку не причешешь, и тем не менее...

В 1990 году я, счастливый, сподобился записать беседу с Валентином Распутиным, Царство ему Небесное; потом расшифровал диктофонную запись, довел до ума свои суждения, а распутинских не касался, и не потому, что Распутина боялся как огня и восторженно молился на писателя денно и ночью, а потому что его ответы виделись мне мудрыми, ясными и яркими. Но столь велико было мое изумление, когда я, передав Распутину рукопись, отпечатанную на машинке, получил ее назад почти переписанную, сплошь испещренную характерным распутинским почерком, мелким, убористым, похожим на бисер, нанизанный на тугую, потаенную нитку. Правка продолжалась и в корректуре, лишь потом беседа увидела свет. Трижды беседу с Распутиным под разными заголовками, иногда в сокращении, печатали в прибайкальских изданиях¹; опубликовали в журнале «Лепта», который мимолетно мелькнул в журнальном мире. И ныне, спустя четверть века, чудом откопав рукопись в своих архивных залежах, предлагаю ее читателям; и не в связи с упокоением всесветно славного русского писателя, не ради согрева души и рук в лучах славы, а потому что мысли, изложенные в беседе, и сегодня злободневны.

А. Байбородин

На мой взгляд, народные писатели-прозаики, скажем, астафьевского поколения и вашего, суть крестьянские писатели. И это как знамение, что в самую лихую пору для русской деревни, пережившей раскулачивание и раскрестьянивание, писателями стали сами крестьянские сыны. Если в прошлом веке литература была в основном дворянской, а на рубеже веков — разночинной, интеллигентской (она принесла много нравственной путаницы и порухи), то со второй половины нынешнего столетия круто «окрестьянилась». «Деревенскую» прозу можно сравнить лишь с крестьянской поэзией начала нынешнего века (Есенин, Клюев, Клычков, Орешин, Ганин, Карпов, Ширяевец). Видимо, вещее слово деревенских прозаиков было не случайным; оно, русское слово, зазвучало там, где народу было тяжелее, скорбнее, но где все же светило еще духовное и национальное спасение России.

Писательское слово, бессознательно пытаюсь хоть как-то, хоть в малой мере восполнить недостающее слово православных пастырей, явилось среди самых униженных и оскорбленных, среди самых угнетенных, какими были русские крестьяне, явилось, чтобы посылно утешить, ободрить, напомнить крестьянству о

той духовной крепости и чистоте, какие жили в нем многие столетия.

Словом, ваше писательское поколение знало и любило крестьянский мир, а посему и хотелось бы начать наш разговор с земли, ибо для русского человека в недалекие времена не было ничего серьезнее вопроса о земле. Недавно прочитал основательную мысль Достоевского, сказанную им в «Дневнике писателя»: *«Русский человек с самого начала и никогда не мог и представить себя без земли... Уж когда свободы без земли не хотел принять, значит, земля у него прежде всего, земля — все, а уж из земли у него и все остальное, то есть свобода и жизнь, и честь, и семья, и детишки, и порядок, и церковь — одним словом все, что есть драгоценного».*

В начале нынешнего века революционная власть изуверски обманула русский народ с землей, потом огнем и мечом сгубила цвет крестьянства (я имею в виду кулаков), потом еще и раскрестьянивала несколько десятилетий, сознательно и бессознательно; но вот теперь, благодаря многолетней борьбе лучших сынов крестьянского мира, благодаря тому же Василию Белову, писателю и депутату, члену Верховного Совета СССР, вышел наконец-таки Закон о земле. И вот в связи с этим Законом я гадаю: будет ли это началом духовного и хозяйственного возрождения русского крестьянства, а значит, и национального возрождения России?

В. Распутин: Ты сказал здесь цитату из Достоевского, которую можно продолжить его же мыслью и тоже о земле. Она звучит так: *«Это уже какой-то закон природы, не только в России, но и во всем свете... если в стране владение землей серьезное, то и все в этой стране будет серьезным, во всех то есть отношениях, и в самом общем и в частностях».*

Воистину, это основа, альфа и омега любого общества, любого государства. На земле, на отношении к земле стоит всё — и материальное благополучие, и духовное, и нравственное, и настроение народа. И когда, как у нас, человек десятилетиями отлучался от земли и даже наказывался за хозяйское отношение к земле, эта противоестественность, эта несправедливость не могли сказаться только на крестьянине — это перешло на все общество, на всю

систему экономических и межчеловеческих отношений. **Остался безземельным крестьянин — осталась без хозяина земля — осталось бездомным общество.** А хуже этого ничего ни в каком государстве не бывает.

Но теперь вот Закон о земле. Какие есть надежды в связи с принятием Закона о земле?.. Думаю, наконец-то может явиться хозяйское отношение к земле, бережливое отношение к хлеборобной ниве. Это не есть, разумеется, только отношение к пашне, но — ко всему миру, связанному с пашней и чувством хозяина, — к природе, моральным законам, ценностям труда и человеческой жизни; т. е. человек займет подобающее ему место в мироздании. Пашня — только ниточка, за которую потянетесь целый клубок взаимосвязанных оздоровительных понятий, но она та ниточка, которая способна распутать их и расположить в необходимом порядке.

Это, конечно, очень важно сейчас — принятие Закона о земле, передача земли крестьянину. Будет ли это началом возрождения российского крестьянства, а значит, и началом возрождения России?.. Можно надеяться, что будет. Хотя за семь последних десятилетий чувство хозяина в мужике сильно ослабло, перешло в иждивенчество. Да и крестьянин, в сущности, перестал быть крестьянином. Ведь посмотри, само название *крестьянин* шло от *«христианина»*. **Насколько человек, работающий на земле, был в вере, насколько святым было его отношение к ниве хлеборобной!** А сейчас крестьянин и не называет себя крестьянином — вроде как стыдится старопрежнего звания. Таким же манером было опорочено и уничтожено и слово, и понятие «мужик». А кто такой мужик? Это осторожный, основательный, работающий, мудрый, непостижимо выносливый, нравственно крепкий и суровый, православно милосердный россиянин, на горбу которого, как на китовой спине, столетиями держалась и процветала матушка-Россия. И вот дожили до лихолетья, когда мужик стал пониматься как червь земляной, как скот рабочий. Везде, на тех же съездах Советов, сельские работники называют себя аграрниками, а это совсем другое. Тут нечто чуждое, механически холодное — *аграрник*. Если бы вместе с землей вернуть крестьянину еще и

духовное начало, которое в нем жило веками, тогда бы, наверно, легче было вести речь о возрождении крестьянства.

Первородно крестьянское в сельском жителе сильно порастратилось, поэтому многие не хотят возвращаться к земле, брать надель, отруба, хозяйничать где-то на заимках, работать обособленно от деревни, от сельского мира, и работать от темна и до темна. Тут желающих мало. Сказывается, правда, еще и недоверие к тому, насколько это серьезно — передача земли. Не откажется ли власть от своих обещаний? Люди привыкли в последнее время не доверять власти. И, видимо, справедливо... Поэтому человек сегодня и к Закону о земле относится настороженно.

Всё вместе эти сроки оттянет — т. е. отдалится само возрождение крестьянства, и рассчитывать, что завтра-послезавтра случится решительный перелом в сельском хозяйстве, разумеется, нельзя. Хотя я уверен, что в конце концов это произойдет. И вот тогда весь круг крестьянского мира будет постепенно возвращаться: имеется в виду и быт, и традиции, которые крепили и духовно возвышали поселян, и само поклонное отношение к земле, к родителям своим, к могилам и заветам предков... Одна нить непременно потянет за собой другие. Когда человек встанет ногой на земле, он примется и душой на этой земле.

Что касается национального возрождения России, здесь многое будет зависеть от той роли, которую выберет для себя интеллигенция. **Если бы эти силы — крестьянская, как нутро России, и интеллигентская, как нервные ее окончания, — сошлись в понятии России, сошлись в совместных трудах по очищению и возвращению духовных и культурных ценностей нации, тогда бы возрождение России состоялось.** Я потому особо выделяю роль интеллигенции, что она, производя или импортируя новые идеи, распространяя их как передовые, не всегда умеет примерить их на характер и историческую судьбу своего народа, на его национальную самобытность и своеобразие, и вносит в народное сознание немало сумбура. Как это ни горько, но у России нет, или почти нет (ту, что есть, научились всячески чернить), преданной ей интеллигенции. Научная и техническая ее

часть соблазняется чужими образцами; творческая, как правило, служит мировой идее, не заботясь о той очевидной истине, что национальная идея и в мировую внесла бы больше свежести и пользы.

И наконец, в сельском мире является и проблема фермерства... Если наш крестьянин превратится в фермера — только как производителя сельскохозяйственной продукции, без духовного крестьянского наполнения, без сопутствующего его труду особого мира обрядности и поэзии, — в таком случае придется говорить о цели нашего возрождения как о хлебе едином.

А. Байборodin: В связи с Законом о земле, с фермерством важно, в чьи руки попадет земля — в руки земледельца или крупного землевладельца, который, чтобы воротить капитал и проценты, иссушит дотла силы земли и мужика, работающего на земле, а потом бросит их. Вот на съезде Советов Союза, в печати до хрипоты спорили по поводу колхозов. Есть мнение, что их нужно разогнать и повсеместно вводить фермерство. Но есть и, на мой взгляд, более трезвое суждение, что лучшие из них нужно укреплять и, может быть, переводить на истинный кооперативный путь, когда колхозник имел бы не только оплату за свой труд, но и пай от чистого дохода колхоза, и пай этот распределялся бы выборным советом и делился справедливо, по количеству и качеству труда. И тут бы можно поучиться у артелей, добывающих золото, где, при какой-то нравственной ущербности жизни и внутреннего мира приискателей, внешний принцип труда и распределения отработан четко.

В. Распутин: Самое главное, не нужно разгонять колхозы и совхозы. Как говорил в свое время Александр Солженицын, такой большой стране необходимо многообразие. И в этой большой стране, на землях, лежащих в разных климатических условиях и в разных зонах, конечно, многообразие нужно и экономическое, т. е. сельское многообразие. Пусть живут и колхозы, и совхозы, и фермерство, и подряды пусть будут — все, что угодно, лишь бы это работало. Может колхозник или совхозник становиться и пайщиком. Только не надо в это бросаться как в панацею от всех бед. Есть

хозяйства, подготовленные к этому, а есть совершенно не готовые. А просто так стать пайщиком, только для того чтобы им быть, из этого мало что получатся. Здесь нужно соразмерить и возможности, и потребности. И тогда уж рассчитывать.

Я недавно побывал в совхозе недалеко от города Усолья-Сибирское. Это большое откормочное хозяйство, директор там народный депутат СССР И.А. Сумароков. Замечательное хозяйство, которое прекрасно работает. Хороший поселок, почти город. Едва ли народ сейчас оттуда побежит за любыми пряниками. Быт устроен, зарплата хорошая; рабочие знают, чем будут заниматься завтра и послезавтра, знают, что в сложных условиях, которые предвидятся, не останутся ни голодными, ни брошенными. Крепкое хозяйство, крепкое руководство — так неужели же в погоне за новыми формами от всего этого отказаться?

А. Байбородин: Я думаю, крепкие колхозы еще и потому не распадутся, что они по некоторым признакам близки российской деревенской общине. А в русском характере общинность испокон веку была заложена, обработана многими столетиями. Хотя в отличие от колхоза в общине гибко и праведно сочеталось единоличное владение землей с мирским управлением этой землей. Вот к чему должны бы прийти колхозы. В общине земля вроде и принадлежит хозяину, но обращение с ней, мера ее контролировалась советом старейшин или, попросту говоря, советом умудренных стариков, у которых могучий земледельческий опыт, житейская мудрость сочетались с высочайшей нравственностью, — как в христианской заповеди: будь кроток, как голубь, и мудр, как змея. Ранешний деревенский старик, глубоко православный, чаще всего иным и быть не мог, ибо готовил, очищал свою душу перед ликом грядущей вечности, а посему и мирской корысти у него было намного меньше, чем у молодого крестьянина, у которого ко всему еще и мало было нажито мудрости, хозяйского опыта.

В одном из очерков о русском забайкальском крестьянстве я писал о внутриобщинных наказаниях за нерадивое отношение к земле у староверов-семейских. **Одним из самых тяжких преступлений считалось в семейской об-**

щине преступление перед землей (не засеял ли, поздно ли посеял, запустил ли ниву, не убрал ли хлеб вовремя и зерно осыпалось), за которое у нас в Забайкалье потчевали «земляничкой» — попросту говоря, пороли плетьюми или замоченными тальниковыми вицами. В Словаре русских говоров Забайкалья так и написано: «Земляника». Наказание крестьян плетьюми за плохое отношение к земле. <...> «Выходит староста из сборни, подходит к мужикам и говорит: кто седне должон землянику получать? — Вот им надо дать землянику. Хлеб у них на пашне наполовину осыпался». Орлов Г. «Поугощали нас, бывало, раньше земляничкой. Мой-то отец землянику не получал, а его братаник четырежды штаны спускал». Катков И.»

Бытовал миф о том, что ударом по общине явились реформы российского государственного деятеля Петра Аркадьевича Столыпина, хотя, как мы теперь знаем, премьер-министр России выразился ясно: «Закон не призван учить крестьян и навязывать им какие-либо теории, хотя бы эти теории и признавались законодателями совершенно основательными и правильными. Пусть каждый устраивается по-своему, и только тогда мы, действительно, поможем населению. <...> Нужно снять те оковы, которые наложены на крестьянство, и дать ему возможность самому избрать тот способ пользования землей, который наиболее его устраивает. <...> Пусть собственность эта будет общая там, где община еще не отжила, пусть она будет подворная там, где община уже не жизненна, но пусть она будет крепкая, пусть будет наследственная».

У русской общины в столыпинскую пору явно просматривались и недостаток — она затрудняла обогащение и развитие отдельного, наиболее расторопного крестьянина, и достоинство — она, тяготея к уравниловке, напоминала монастырскую общину, где не забывалось участие, сострадание к слабому хозяину, к неудачливому, к пережившему житейское лихо. То есть община, проигрывая иногда в материальном смысле, выигрывала в человеческом, в православно-христианском.

В. Распутин: Община — это целый мир общения с землей, пользования землей, мир отношений между людьми. А что до колхозов, то они, действительно, близки к общине. Но возврат к ней, если он возможен, произойдет лишь

на новых основаниях. Время ушло, первородная русская община, которой интересовался Маркс, канула в Лету.

В самом деле, это был особый мир: духовность, справедливое распределение земли, общие склады — мангазеи — на случай неурожая или несчастий, свои законы, свой суд, свои авторитеты. Я вспоминаю послевоенную деревню в трудное и лихое время. Осиротевшая без мужиков, надорванная нуждой, забитая несправедливостью — подыхай с голоду, но гниющие в поле колоски не трогай, — она противопоставила этому лихолетью общинный дух, всем колхозом (понятие общины как «мира» тогда уже перешло в «колхоз»), спасая каждую попавшую в беду душу от властей и ретивых до исполнения законов людей. Потребовалось — вспомнилось и отыскалось само собой, будто тут и было, потому что общинность, союзность, товарищество в характере нашего народа, и при благоприятных условиях (а благоприятные условия для нас это — «не мешай») они приносили и, надо надеяться, принесут еще хорошие плоды.

А. Байбородин: По сей день, кстати, выжили от исконной русской общины *помочи*, когда миром в деревне косят сено или рубят избу. Но продолжая разговор о русском крестьянстве, мне было бы интересно услышать ваше мнение о том, является ли сейчас наша деревня незамутненным родником духовности, нравственности? Об этом ведь в свое время немало и с любовью было написано прозаиками вашего поколения — я имею в виду деревенских писателей. Я, еще недавно сельский житель из глухомани, знаю, что мои земляки набрались тех же пороков, что и горожане, и в деревне, к тому же, все нравственные язвы как-то болезненно выпячены, ибо там не скроешься в бетонных муравейниках, в многолюдстве, там все на виду. Говорят, если человеку сто раз сказать, что он свинья подкорытная, то он начинает хрюкать, а русскому народу, еще недавно сплошь крестьянскому, это говорили несколько десятилетий после революции. Вот Михаил Пришвин в двадцатом году записал в своем дневнике: «*Был у Каменева (Лев Розенфельд, председатель ВЦИК. — А.Б.), говорил ему о «свинстве (отвращение к Октябрю): убийства, ложь, грабежи,*

демагогия, мелкота и проч., а он в каких-то забытых мною выражениях вывел так, что они-то (властители) не хотят свинства, и вовсе они не свиньи, а материал свинский (русский народ), что с этим народом ничего иного не поделаешь». И это сказано о народе, на духовность которого с надеждой на спасение смотрел весь мир.

В. Распутин: Можно говорить с большой натяжкой, что деревня остается источником духовности и нравственности. Хотя была крепостью нравов. И тем не менее, если в городе смывается, сливается черное, белое, порядочное, непорядочное, добро и зло, то в деревне все это имеет грани. Но нравы сильно пострадали — и в первую очередь, из-за пьянства.

Однако сам **характер земледельческого труда предполагает нравственность — когда человек работает на земле, когда хозяин.** Сама природа нравственна, сама земля нравственна, и человек, который с ними связан, должен быть добрее и честнее, чем тот, который от земли оторван. Былинный источник силы от матери родной земли, это ведь не просто красивый образ, а истина. Содержание этой истины и расшифровывается как раз теми словами Достоевского, с которых мы начали нашу беседу.

Вообще, говоря о возрождении, нетрудно, я думаю, понять, что оно начинается с «малости» — с осознания себя россиянами. Но посмотрите, сколько из-за этой «малости» идет споров и с каким трудом она нам дается!

А. Байбородин: И вот тут трудно удержаться, чтобы опять же не привести вещи слова Достоевского по этому самому поводу: «*Если общечеловечность есть идея национально русская, то прежде всего надо каждому стать русским, то есть самим собой, и тогда с первого шагу все изменится. Стать русским — значит перестать презирать народ свой. И как только европеец увидит, что мы начали уважать народ наш и национальность нашу, так тотчас же начнет и он нас самих уважать».*

В деревне долго и крепко оберегался чисто русский характер со всеми его благами и огрехами. Чаще всего про деревенского мужика или бабу и говорили: вот и на обличку, и на повадки чисто русские люди. Но теперь, похоже, и в деревне стал вырождаться этот своеобразный русский характер с присущей ему совестливостью, сердечной отзывчивостью, осторожностью, не-

торопливостью и основательностью, с редчайшей выносливостью и неприхотливостью.

В. Распутин: Тут надо говорить не только о русских. Сейчас деревня стала многонациональной, и чисто русские села редкость. Даже там, где были у нас в Сибири «семейские» общины, и они разбавлены. Но человек национально лучше помнит себя, конечно, в деревне — там даже в смешанных браках муж и жена могут грубовато подшучивать друг над другом, но чтить друг в друге и уважать национальные черты. Там долго хранились национальные традиции, обычаи, да и по сей день они живы.

Национальности не могут исчезнуть, как бы ни пытались некоторые «интернационалисты» создать человека мирового лица: сам этнос, если бы даже каждая клетка его задалась целью предать себя забвению, находит внутреннюю силу, которая умеет постоять за себя.

А. Байбородин: Имеется и такая скорбная точка зрения, что национальное своеобразие, выраженное в трудовых и праздничных обрядах, в поговоре, костюме, исчезает под нажимом технического прогресса. Вот почти замер на Руси чисто крестьянский образ жизни, отходят в прошлое, порастают быльем наши поэтические обряды, связанные с пашней, с природой в целом. И я с этой точкой зрения — что техническая цивилизация угнетает и умертвляет народную культуру, а вместе с ней и народную нравственность — я с ней был согласен. Но вот, к примеру, Япония, сверхцивилизованная в техническом отношении страна, а ведь сохранила свое национальное своеобразие, свою обрядовую культуру. Хотя бы в какой-то мере, видимо, в чисто внешних проявлениях.

В. Распутин: Ты говоришь о Японии, где, казалось бы, научный и технический прогресс, которому все молятся, должен был подорвать национальное естество. Нет, этого не происходит, потому что превыше всего там стоит национальный дух.

Национальное самообережение у одних народов имеет спокойный эволюционный характер, как в той же Японии; в других случаях, как у нас, как в Европе, национальное самообережение носит взрывчатый революционный характер. Но так или иначе, та сила, та цель, благодаря которым национальность была вызвана

к жизни, требуют от человека исполнения своей воли. Интернациональное должно быть подчинено национальному; уважение народов друг к другу имеет своей предтечей самоуважение, т. е. накопление и развитие в себе качеств, достойных уважения со стороны других.

А. Байбородин: Япония, насколько я представляю, ставит ощутимые заслоны — вот, к примеру, даже от китайцев, чтобы не раствориться в их сродственной, древней культуре.

В. Распутин: Едва ли у нас это возможно — я имею в виду национальные заслоны, — потому что наша страна многоязычна. Япония все-таки однонациональна, хотя китайцев и корейцев там немало. Да, они заботятся о своих рядах: не так-то просто очутиться и осесть в Японии человеку другого мира. В японский мир трудно вжиться — из-за того же языка, из-за традиций, идущих из глубокой древности, которые невозможно усвоить, из-за чего-то на каждом шагу чисто своего японского, невыразимого, присущего только этому народу, что никогда не пристанет к постороннему.

Когда мы говорим *русские*, то зачастую имеем в виду духовную, а не родовую сущность. Впору говорить российские, поскольку с живущими в России народами мы настолько сжились, что неотделимы друг от друга. В пределах России принимать какие-то национально-оградительные меры бессмысленно и неправомерно, ибо вся Россия — община народов. Национальность у нас, повторяю, становится духовным, а не расовым понятием. Однако ни один народ, разумеется, не хотел бы, чтобы Россия обратилась в Вавилон; никто не согласится потерять свой язык, свою культуру, свое национальное лицо, и речь должна идти о их правовой защите со стороны государства, равно как о механизме духовной самозащиты. Второе мне представляется более важным и действенным.

* * *

А. Байбородин: Русские патриоты, кроме, видимо, отечественных национал-большевиков, считают, что возрождение русского народа невозможно без приобщения его к православия, поскольку лишь в Церкви, при всех ее внутренних сложностях, хранилась в посильной чистоте и крепости национальная

духовность, как, собственно, и сама народная культура. Русская интеллигенция, еще недавно за версту обегавшая православные храмы, теперь проявляет живой интерес к христианству и в какой-то мере посылно даже приобщается к Церкви. А в будущем, можно предположить, к православию придут и рабочие с крестьянами, ибо не будет счастливой жизни без любви к Богу и ближнему.

В. Распутин: Возвращение к православию, вообще к религии, это, пожалуй, самая большая неожиданность последнего времени...

А. Байбородин: Да, если учесть дозволенный и поощряемый светской пропагандой сатанизм «массовой культуры», которая насилует и угнетает наш дух на каждом шагу; тогда как народную и классическую культуру власть капитала нагло выпихнула на задворки...

В. Распутин: И началось обращение к православию еще до перестройки, а когда появились для того возможности, приобрело массовый характер. Пожалуй, и Церковь сама поначалу растерялась от нарастающего притока желающих вернуться в ее лоно.

В Церкви меньше сельских жителей, это верно, но ведь и храмов в селах почти не осталось. Хотя **в крестьянстве черты православного человека больше сохранились. Для интеллигенции — это как бы возвращение блудного сына, крестьянский же мир в силу своего мироощущения не мог окончательно расстаться с христианским сознанием, в полной мере и не был отлучен от религии.** До храма далеко, школа, скажем, в Сибири в деревенском углу, редкость, но настроение и религиозный календарь всегда оставались при нем, при крестьянине. Его чувство глубже, он под каждым пропагандным ветром не гнется.

При внешнем взгляде деревенский человек более консервативен, в нем труднее было вытравить Христа, но теперь труднее будет Его и вернуть обратно в крестьянскую душу. Хотя, опять же, самое старшее поколение наших сельчан в действительности с Ним и не разлучалось, изменился лишь язык и способ общения.

Это, разумеется, мнение «и не за всю деревню» — деревня сейчас разная, да еще и при наших российских просторах, да еще и при социальных переломах, которые не могли прой-

ти бесследно для крестьянина, и все же в общем, я думаю, это справедливое мнение.

А. Байбородин: Как и вам, мне повезло: я прожил детство и юность в деревне, в глухоманном, за сотни верст от города, в озерном, лесостепном Забайкальском краю, еще не загубленном технократами; потом я несколько лет самоуком изучал народоведческую литературу, где, кстати, можно назвать имена великих русских ученых, которых мы после вынужденного семидесятилетнего забвения теперь открываем: Александр Афанасьев (не только собравший русские народные сказки, в волшебный мир которых мы погружаемся раньше, чем в жизнь, но и создавший гениальный труд «Поэтические воззрения славян на природу»), Сергей Максимов («О нечистой, неведомой, крестной силе», «Сибирь и каторга», «Куль хлеба» и многие другие произведения), Иван Снегирев («Русские в своих пословицах»), Иван Сахаров («Сказания русского народа»), М. Забылин («Русский народ. Его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия»), А. Ермолов («Народная сельскохозяйственная мудрость в пословицах, поговорках и приметах»), Алексей Макаренко («Сибирский народный календарь»), Георгий Виноградов и другие. Все эти исследования — девятнадцатый век, и все они только теперь начинают издаваться. Если припомнить, что для русского человека («материал свинский», по Льву Каменеву-Розенфельду) была закрыта и сама история государства Российского, написанная Карамзиным, Соловьевым, Ключевским, Костомаровым, как закрыта была духовная, православно-богословская литература, то вроде и поверишь невольно московской «Памяти», толкующей об антирусской, сатанинской силе, взявшей в кровавое лихолетье всю власть и потом надолго закрывшей русскому человеку доступ к своей великой культуре и истории.

Но об этом уже основательно сказано (особенно в литературе белой эмиграции), а мне, наблюдавшему, посылно изучавшему крестьянский быт, хотелось сказать, что в деревне православие имело много природно-языческих начал, и возможно, таковым оно и будет в крестьянстве. Смирится ли с этим Русская Православная Церковь?

В. Распутин: Она с этим смирилась давно, столетия назад, даже не смирилась, а сознательно соединила в себе элементы языческого народного мировоззрения и собственного, христианского, не поступившись, разумеется, своими постулатами. Соединила — чтобы не уродовать народную душу, замешанную на поклонении природе, и в то же время своим учением эту душу облагородить и возвысить. Православие даже некоторые свои праздники подстроило под старые языческие. Ну какой же русский человек без поверий в силы природы! Мы с тобой деревенского происхождения люди и знаем, что без темных, казалось бы, поверий в леших, домовых, банников, русалок наше детство было бы неизмеримо беднее. Ведь это же особый богатый и поэтический мир, без которого мы, быть может, и не стали бы писателями. Так что язычество и православие противопоставлять нельзя, они срослись в едином древе, где старинные корни питают вытянутый к небу ствол с зеленой листвой. Русское крестьянство язычески крепко стояло на земле, но сердцем и главой обретало в христианском небе. Вообще, новая идеология только тогда приживается, когда она не уничтожает старую.

А. Байбородин: Дело в том еще, что если в городе православные храмы (отдельные хотя бы) еще так-сяк выжили после страшной войны с ними безбожников-космополитов, то в деревне с ними власть имущие расправились еще круче — целые поколения сельчан прожили без храмов. Сейчас идет восстановление церквей в городах, но деревня пока еще не может толком раскататься, вернее, трудно ей, ограбленной за семьдесят лет, обработанной духовно и материально, подняться на такое дело. Да и государство, культурная общественность пока еще мало внимания обращают на проблему сельских храмов, да и сама Церковь, мне кажется, еще не знает, с какого бока к ним подступаться. Хотя и тут есть исключения. Вот недавно я посетил деревянную церковь в селе Большое Голоустное — она при царе была миссионерской, и там крестили иноверцев, чаще всего бурят. Издали ее видать — красуется на высоком берегу Байкала, и вот теперь там идет реставрация. Перед тем храм был повторно освящен иркутскими священниками во гла-

ве с архиепископом. И примечательно то, что церковное здание оживает не для кощунства и грив и забав, а для исполнения своего истинного, законного назначения — для православной службы. Теперь, словно бывшие иноверцы, могут окреститься в храме наши уже соплеменники.

В. Распутин: Да, сейчас и новые храмы строятся в городах, и старые оживают, вот и деревня принимается постепенно восстанавливать то, что сохранилось. Деревня от села чем отличалась? Деревня, где есть храм, это уже село. Так и сейчас, церковь будет приметой современного, знающего себе цену села.

* * *

А. Байбородин: Происхождение, пристрастия, писательская тема невольно увели наш разговор в деревню. Но теперь мне бы хотелось коснуться в беседе некоторых политических вопросов, имеющих прямое отношение к России. В свое время (это уж давненько, однако) вы сказали в одном из выступлений, что, дескать, чего это Прибалтика пугает нас отделением? что, может, лучше уж России отделиться?.. А Горбачев в беседе с москвичами чуть позже сослался на ваши слова, прибавив (с неясным оттенком), что, мол, если бы Россия отделилась, то лет через пять-десять стала бы одной из самых могучих и богатых держав мира. Дескать, и такая есть точка зрения...

Но возможно ли в каком-то обозримом будущем отделение России от тех, кто выкормился подле нее, и от тех, кто теперь не желает жить с ней под одной крышей? И главное, может ли Россия вернуться к своему старинному, испытанному тысячелетием национальному способу управления державой? В конце концов, Англия, имея выборное, демократическое правительство, не отказалась и от королевы, и гордится тем.

В. Распутин: Об отделении... Я не знаю, стала бы Россия в самостоятельности могучей державой; при мудром и строгом хозяйствовании, вероятно, и стала бы. Но тут другой вопрос. Все-таки наше нынешнее государство строилось на основе России. В коренниках-то всегда была Русь, и держава крепилась ею. Отделение России, я думаю, было бы неверным и эгоистическим ак-

10 марта 1991 г. Самый массовый митинг в истории СССР: люди вышли на Манежную площадь с требованием суверенитета для России (фото: www.img.ane.ws.com)

том. Не для того собирали земли наши деды и прадеды, собирали в течение нескольких веков, чтобы мы сейчас шли на полный раскол ради собственного материального благополучия. Русский человек так устроен, что ему обязательно нужно кого-то опекать, о ком-то заботиться. Это одна из сторон той самой всемирной отзывчивости русского человека, о которой говорил Достоевский. Она ничего не имеет общего с имперским мышлением, которым ненавистники России постоянно тычут нам в нос, сознательно путая Божий дар с яичницей. Традиционно русский не может быть узким, твердолобым националистом — просто по своему характеру не может. А в характере его — отдать с себя последнюю рубашку, даже и во вред себе. И потому малые народности в старой России чувствовали себя совсем неплохо. Лучше, чем в годы Советской власти. Хотя и после Октября им грех жаловаться на старшего брата. Ущемление их национальных прав, вытеснение языков и обычаев происходило в государстве, от начала и до конца идеологизированном вселенской космополитической идеей, которая фактически не признавала никакого национального своеобразия и от которой русский народ пострадал не меньше, а больше, чем другие. И сваливать на него свои беды и обиды, как это нередко сейчас делается на окраинах, слишком близоруко. Эти обиды справедливы, но по справедливости надо искать адрес, куда их направлять.

Недавно принят Союзный договор о федерациях. На основании его, я думаю, кто хочет остаться, тот в Союзе останется, но это будет федерация республик на других основаниях — свободных, равноправных и дружественных. А тех, кто не хочет жить в Союзе, их и не надо силком держать. Зачем? Но пусть они пройдут узаконенную систему выхода, какая определена. Нельзя же просто — фыркнули и дверью хлопнули. Даже в семье так не делается. Когда надумает отделиться кто-то из братьев, всей семьей строят ему дом, обговаривают, как умнее и праведней провести раздел, а затем уж делятся. А тут тем более, речь идет о государстве. Хлопать дверью — это некрасиво и безнравственно. И незаконно.

Но сейчас еще важнее положение самой России. Вот здесь уж точно — **Россия должна**

быть единой и неделимой. Не останется Союза, пострадает мир — если она превратится в княжеские владения. Крепить Россию сейчас — значит крепить Союз.

И тут мы, кстати, в своей национальной политике рубили сук, на котором сидели. Тянули все из России на окраины, а когда корень иссушили, естественно, стали хиреть и окраины — потому что нет живительного тока, все подорвано. Словом, выход — вернуть благосостояние, могущество и авторитет России, и вокруг нее собраться всем народам, что сделают свой выбор в пользу Союза. Выбор в любую сторону должен быть народным мнением, а не митинговой декларацией горячих голов, спекулирующих именем народа.

Второй вопрос, видимо, надо так понимать: возможна ли в России конституционная монархия? В старой России это был способ правления, отвечающий характеру нашего народа. Почему и говорил Алексей Хомяков, неколебимый русский славянофил, что русский человек — это антигосударственный человек. Наше сегодняшнее сетование по поводу гражданской пассивности россиянина обоснованно, но она, эта пассивность, имеет свои истоки в системе подчинения и соподчинения человека в старой России. Он привык исполнять ту роль, какая ему была отведена, не посягая на ее расширение, чувствуя себя за монархической твердыней как за каменной стеной. Для него совесть выше писаных законов, к которым он всегда относился с опаской, а внутреннее устройство человека и жизни важнее внешнего. Вот почему и чувствует он себя неуютно в демократическом половодье, где, чтобы выдвинуться, надо расталкивать локтями других. Мало что ли, среди россиян деловых людей, способных подняться на государственную вершину?! Есть они, пусть и не в изобилии, но вековая сдержанность, стыдливость и укоренившаяся самодостаточность не позволяют им, как правило, пользоваться нечистыми методами в борьбе за власть и обещать золотые горы. Там же, где это случается, — посмотрите, как глупо и карикатурно выглядит русский человек.

Можно ли в России возродить монархию? На это я отвечу словами И.А. Ильина, философа и публициста, много и верно в Зарубежье

размышлявшего о прошлой и будущей судьбе нашего Отечества. Будучи убежденным монархистом, он писал: «Будущая форма государственного устройства России будет зависеть прежде всего и больше всего от того правосознания, которое обнаружится в русском народе после падения большевиков. Мы не можем ни предвидеть, ни предсказать его. Необходимого для введения монархии монархического правосознания в русском народе может не оказаться. Как же мы можем предсказать будущую форму именно в сторону монархии? Что же создаст в России монарх, если народ не пойдет за ним на жизнь и смерть?»

От себя добавлю: нельзя дважды войти в одну и ту же реку. Это была бы реставрация прошлого, что-то вроде музейного воссоздания минувшей эпохи.

А. Байбородин: Я же представляю это не как реставрацию и музейное воссоздание минувшего, а как возвращение к естественному и наиболее плодотворному управлению народом. Государство — прообраз большой семьи, где все домочадцы строго подчиняются отцу, доверяя всю внутрисемейную и внешнюю политику только ему, при этом занимаясь тем, что требуется семье, к чему есть дар; своевольное чадо отец может сурово наказать в назидание тому, но отец же и полностью отвечает за своих домашних перед внешним миром, как отвечает и за то, чтобы они были сыты, одеты, обуты и защищены. При ином (скажем, разнузданно демократическом) раскладе трудно в большой семье сохранить мир и благоденствие. Отцу можно посоветовать, и он может послушать совета, но решать окончательно должен только отец, а иначе, как говорят: у семи нянек дитя без глаз. Вот так и в государстве... А потом, надо помнить, что монархическому правлению тысячелетия, а демократии едва ли наберется два столетия. И тут нельзя забывать, что монарх российский был или старался быть человеком по-христиански духовным, праведным в самодержавном правлении. В связи с этим, мне думается, сопоставление верховного советского руководителя и русского монарха вряд ли будет в пользу первого.

В. Распутин: Всякая выборность слишком зависит от многих случайностей и нечистой по-

литической игры. Монархия же передавалась по наследству. Наследника с пеленок готовили к той роли, какую ему предстояло исполнять: и нравственно, и культурно, и политически. Не говоря уж о том, что монарх не мог быть неверующим человеком. Он чувствовал свою ответственность перед народом не на определенный срок, а на всю жизнь. Его власть, в сущности, была неограниченной и могла привести к деспотии, но ведь и вождь планку тирании поднял на космическую высоту. Условием справедливой монархии было — царь для страны, а не страна для царя, и этому «условию» династичность отвечала больше. И не было такого, как у нас теперь, когда всякая новая власть начинает оплевывать прежнюю.

Не следует идеализировать наследственную монархию, но и забрасывать ее по сю пору камнями тоже неразумно. Мы слишком грубо называем Николая I Палкиным, тогда как при нем подготавливались демократические реформы, которые потом его сыном были осуществлены. Мы знаем, что Манифестом 1905 года Россия стала едва ли не самой демократической страной в мире. Мы знаем это и по-прежнему талдычим о Николае Вешателе. А реформы Александра II и Александра III — Россия ими готовилась к демократии русского образца. Она, эта отечественная демократия, естественно вращалась в русскую систему и естественно осуществлялась бы. Революция, делавшаяся ради демократии, сразу же ее и попрали.

А. Байбородин: Видимо, была возможность истинного народовластия при Николае II — Дума, правительство, царь — как в той же крестьянской общине: совет умудренных житейски и хозяйственно духовно-православных стариков и староста как самодержавец. Но господа революционеры, которым чем хуже в России, тем лучше им (революционная обстановка нарастает), конечно же, всем своим мировым скопом расшатали государство. Впрочем, об этом глубоко и основательно сказано историками, философами Русского Зарубежья.

А что до политической свободы, то ее при Николае II, кощунственно и подло обозванном кровавым, было во сто крат больше, чем при большевистском правлении. Революция принесла такой кровавый террор, такую деспотию,

какую еще не знала русская история, о которой и человечество мало подозревало. Когда вроде бы восторжествовала народная демократия, были загублены многие миллионы русских людей, являющих собой цвет российского духовенства, крестьянства, купечества, дворянства, интеллигенции. Или вот еще пример: при том же Николае II существовали партии, готовящие государственный переворот; и эти бесчисленные партийцы (на загадочные средства) ездили за границу, возвращались, возили взад-вперед газеты, листовки, оружие, типографское оборудование. Иные, правда, попадались, иные ускользали. А сколько революционных агитаторов, расшатывая мир, крутились в рабочей, крестьянской и солдатской среде! А вот представим на минуту даже не сталинские, а хрущевские или брежневские времена и вообразим, что создалось нечто издали напоминающее партию, супротивную коммунистам и самому строю; да они бы не успели и пару раз собраться, не успели бы даже заикнуться о государственном перевороте, как их бы тут же прибрали к рукам и загнали туда, где Макар телят не пас.

Нет, при, клятом «царском режиме» свобод политических было много, трагически много для России; будь правление чуть строже, и, возможно, Россия бы не знала ни гражданской войны, ни кровавого террора, унесшего многие десятки миллионов жизней, и, возможно, была бы экономически, культурно одной из самых передовых держав. Да так бы оно и было, коль экономический уровень России 1913 года для нас уже нечто почти недостижимое.

Или вот еще про царскую демократию... При императоре Николае II государственные преступники, готовившие переворот, сосланные к нам в Сибирь, жили ведь намного лучше, чем политические советского времени. В нынешнем году я побывал в Верхоленске — большое старинное уездное село; и там в свое время отбывал ссылку Лев Троцкий, и ведь жил, как говорится, кум королю, даже изловчился открыть в ссылке сапоговаляльную мастерскую, занялся вольным предпринимательством. Но неблагоприятным оказался Троцкий, личность изуверская, напоминающая комендантов фашистских лагерей, о чем и написал Владимир Солоухин

в своих «Камешках на ладони»: *«Троцкий, развязавший на всей территории бывшей Российской империи чудовищный террор, какого не знало человечество за всю свою историю, Троцкий, на совести которого десятки миллионов человеческих жизней, причем самых добрых, самых красивых, лучших людей, совершенно невинных людей, этот Троцкий в последние годы перед смертью, оказывается, разводил кроликов и, говорят, трогательно любил этих животных».* Так и видится фашистский палач, играющий на фортепьяно бетховенскую сонату и ласкающий породистого пса.

А Ленин... Жил, будучи ссылкой, в доме богатого шушенского мужика, охотился (кстати, наколотил прикладом ружья полную лодку зайцев, которые спасались от осенней ледяной шуги на островке), получал из казны деньги на содержание, получал и книги, много читал, писал; вроде как наш сердобольный царь послал его на творческую дачу, чтобы оздоровиться на ядреном сибирском воздухе; отдохнул от революционной нервотрепки, сошелся ближе с простонародьем, а главное, на славу поработал, написал свои труды — как залить кровью Россию. Советским политссылным такие курорты не устраивали, достаточно вспомнить, как умирал в Томске от голода, холода и болезней великий русский поэт Николай Клюев, который и переворотов-то никаких государственных не замышлял, который лишь в поэме «Погорельщина» и высказался неодобрительно о новых порядках.

Или вот еще более ранний пример: вступишь в роскошные дома-музеи государственных преступников — декабристов Волконского и Трубецкого в Иркутске, и думаешь: нет, все же не худо жили недавние каторжане.

Считаю, приспела пора объективно взглянуть на русскую историю прошлого и нынешнего века, и тогда, может быть, мы с любовью и почтением отнесемся к нашим государям, которые все же немало сделали для процветания народов России. А первым шагом могло бы стать возрождение порушенных памятников российским государям. Вот посмотришь в европейских государствах, как они священно относятся к своей истории, как лелеют какую-нибудь усыпальницу своего короля... А мы?! И вот еще презабавно: памятники императорам почти

СѢИ МУЧЕНИЦЫ

Икона святых царственных страстотерпцев Николая II и его семьи.
Русской Православной Церковью канонизированы 20 августа 2000 г.

все снесены, а Петра I на Неве оставили. Может, потому что Петр I, как весело шутят, был первый революционер, надумавший переворотить Россию-матушку на западный манер, страдавший космополитизмом. Но, с другой стороны, в белой эмиграции было такое мнение: если бы в семнадцатом на троне сидел Петр Великий (а не христолюбивый и мягкий Николай II), то уж он бы разрушительное, противогосударственное движение срезал на корню, срезал жестоко, и, может, не допустил бы большой крови, которая полилась реками после семнадцатого.

Словом, надо все же восстановить памятники российским государям. В Иркутске, к примеру, вместо серого, убогого штыря, что стоит на набережной Ангары, поставить памятник, какой там был на законном постаменте, — памятник Александру III.

В. Распутин: Памятник Александру III ставился в связи со строительством Транссибирской магистрали, покровителем которой при жизни он и был и которой много послужил как государственный муж. В одинаковом исполнении памятники стояли в начале, конце и середине Великой дороги на восток. Иркутск — середина этого пути, неподалеку от него, как известно, есть станция Половина.

Но прежде чем возрождать памятники российским государям, надо, полагаю, очистить для этого духовную территорию и отказаться от названий улиц, поселков, городов именами людей, которые явно себя скомпрометировали и которые не только не дали никакого блага народу, но принесли ему немало горя. В Иркутске пора отказаться в чести Свердлову, Урицкому, Ярославскому, террористам вроде Софьи Перовской, Халтурина, деятелям Французской революции, у которых руки по локоть в крови, тем же «прославившим» себя «интернационалистам» более поздних времен. В каждом городе, в каждом селе всего этого в избытке, и хотели мы того или не хотели, но продолжаем поклоняться тем, кого на нормальном языке давно следует называть собственными именами. Посмотрите: вернули Твери подлинное старинное имя — и сразу как-то уютнее и надежнее стало на душе.

А. Байбородин: И все же мне хотелось бы снова вернуться к разговору о наших россий-

ских государях, потому что не сказано главное, или сказано мимоходом. Мы вот говорили, вернее, сопоставляли наших верховных советских руководителей и государей, и самое существенное их различие, на мой взгляд, в том, что белый православный царь все же считался помазанником Божьим, что означает, если перевести на мирской язык, был или старался быть и страстным патриотом России, и совестью народной. Помазанник Божий — тут великий принцип, требующий от царя, чтобы *правил по-божески*, это и предполагало неусыпный надзор над правителем со стороны Русской Православной Церкви.

В. Распутин: Разумеется, император чувствовал свою особую роль. Эта была и человеческая, и надчеловеческая роль одновременно. Его готовили, и он готовил себя к этой роли — Отца народа. То, что делал, считалось справедливым. Это не значит, что он считал себя не от мира сего — напротив, он обязан был поддерживать в себе этот авторитет уровнем нравственности. Достоинство всякого народа крепится достоинством его руководителя. Но это относится не только к монархии.

А. Байбородин: Русской Православной Церковью в Зарубежье канонизирована коварно убиенная семья императора Николая II...

В. Распутин: В том, что она будет канонизирована и у нас в России, я не сомневаюсь. Я уверен, что со временем — и об этом уже начинают поговаривать — дойдет дело и до канонизации Достоевского.

А. Байбородин: Когда мы заговорили о наших самодержцах, мне вспомнился писатель Дмитрий Балашов, так талантливо, с проникновением в дух и слово эпохи написавший о них, создавший романтический цикл «Государи Московские». Недавно я с трудом приобрел книгу Владимира Личутина «Душа неизъяснимая. Размышления о русском народе», где есть очерк о Дмитрие Балашове. Какая дивная, талантливая личность — писатель, историк-этнограф, фольклорист, крестьянин...

В. Распутин: Балашов — удивительный человек, удивительный литератор. После Всеволода Никаноровича Иванова он лучший наш исторический писатель. Те пять книг, которые Балашов написал о русской истории, не оценен-

ный по достоинству, да и неоценимый вклад в национальное сознание и возвращение прошлого в духовный обиход настоящего. Но у нас так: чем крупнее, значительнее писатель, тем он незаметней. Хотя сейчас, когда у россиянина пробудился интерес к русской истории, думаю, что Дмитрия Балашова узнают, полюбят и неизбранные читатели. Русское Зарубежье давно уже зачитывается Балашовым, книги его там нарасхват.

Но Балашов не только писатель, а и ученый, у которого есть крупные работы по фольклору, они выходили отдельными книгами. А самое примечательное, что, размышляя в книгах о преданиях, повериях и характере русского крестьянства, писатель и сам крестьянствовал: жил в деревне, держал коров, лошадей. Необычный человек, с сильным северным характером, а это такой особенный характер... Когда смотришь на Дмитрия Балашова, на Личутина, Белова, когда вспоминаешь покойных Ключева, Шергина, Писахова, Абрамова, Яшина, Рубцова, видишь поражающе выразительный портрет. Что ни писатель — воистину народный; что ни личность — самобытная, уважающая себя, упорная до упрямства, талантливая, национально выраженная и в языке, и в жизни, вся какая-то прочная... Про таких говорят: колуном не сваляшь. **Северный русский характер (а он и в Сибирь пришел) невольно подает надежду на то, что в любых шатаниях и метаниях, как бы ни ломали и ни гнули, выстоим и укрепимся.**

А. Байбородин: Удивительно в Балашове даже и то, что он всю жизнь ходит в русской рубахе с расписанным вышивкой косым воротом, подпоясанной ремешком, в шароварах, заправленных в яловые или хромовые сапоги. Ведь для того чтобы носить крестьянский исконный наряд, немалая по нынешним временам смелость нужна, убеждения нужно иметь неколебимые, чтобы это не походило на балаган, на причуду.

В. Распутин: Это не причуда, а если бы и была причуда, я к ней отношусь с уважением. Мы вместе были в Италии, в Венеции. Там ничем никого не удивишь, всяких повидали, но когда Дмитрий Балашов проходил в своей красной расписной рубахе — на него заглядывались. Да и само лицо — красивое, аскетичное, с

горящими глазами, как из древности, невольно притягивало к себе внимание. Это походило бы на балаган, если бы он простолюдинствовал от случая к случаю, а он же постоянно такой... Он в сапогах ходит в деревне, и в Кремль приходит в сапогах. Такой же был Виталий Закруткин в своей неизменной фронтовой гимнастерке.

А. Байбородин: Балашов напомнил мне знаменитого собирателя народных песен Павла Якушкина. Выходец из старинного дворянского рода, он, в отличие от Ивана Бунина, совершенно равнодушно относился к своему столбовому дворянству и всю жизнь бродил по Руси в русском, полукрестьянском, полумещанском наряде; в нем он собирал старины по деревням и селам, в нем же являлся в благородные собрания и столичные театры. Вот тоже своеобразный был человек... Впрочем, я считаю, что русский наряд должен возродиться, и мы, русские люди, для начала хотя бы на старинные праздники должны надевать его.

Ну, а теперь, коль мы заговорили о писателе Балашове, то хотелось бы порасспросить вас о российских литературных делах. Многие наши писатели уже давно с головой окунулись в изматывающую практическую борьбу за Россию, и литература вроде как отошла в тень...

В. Распутин: После литературной эпохи, какая продолжалась, если вести отсчет от первого съезда писателей, более полувека, теперь, похоже, наступил литературный момент. Сколько он продлится, трудно сказать, но, похоже, момент должен вскоре прийти к какому-то завершению. Политическая ситуация в стране и в России очень сложная, от нее сегодня, сейчас зависит, что ждет нас завтра, и не отозваться на эту ситуацию писатель не мог. Бывшие друзья рассорились, прежние единомышленники разошлись во взглядах, какая нам нужна Россия. Каждый считает, что прав он и его союзники. А Россия, как никогда ободранная и оболганная, между тем ждет, что ей уготовано. Помните, у Твардовского:

Так-то, Теркин,
Так примерно, —
Не поймешь, где фронт, где тыл...
В окруженье в сорок первом
Хоть какой, но выход был.

Может ведь и так случиться, что, решив не изменять своему таланту и не отвлекаться от художественности, ни за понюх табаку мы отдадим Россию из огня да в полымя — тогда некому станет и книги читать. Поэтому, чтобы кто-то мог относительно спокойно работать, замечательный писатель Василий Белов вынужден оставить на время письменный стол и принимать Закон о земле. И я не берусь утверждать, что без Белова этот Закон был бы наверняка утвержден. У крестьянства, способного благодаря ему возродиться, достаточно противников и справа, и слева, и в середине. А без крестьянства, как мы уже говорили, России не остаться Россией. Вывеску под новым заведением могут на какое-то время оставить, а затем и вывеску снимут. И возглавит тогда она, матушка, список топонимических названий, изъятых из народного обращения.

Писатель не своей волей, я думаю, решает, что ему делать, — тут какая-то другая сила властно повелевает. Как бы сама литература распределяет, куда кому пойти и чем заниматься. Ну а те художественные книги, какие мог написать за эти годы Белов, их читатель, конечно, не досчитается и немало потеряет, но обретет, быть может, нечто гораздо большее.

В истории отечественной литературы немало примеров, когда писатель и словом и делом целиком отдавался политической борьбе на благо России. А «Братья Карамазовы», «Бесы»! Это ведь во многом публицистические произведения. Особенно «Бесы». Публицистика для русского писателя, начиная со «Слова о полку Игореве» и «Слова о Законе и Благодати» митрополита Илариона, это свойство души, воинский вклад в походе за Святую Русь, когда ей угрожали внешние или внутренние враги. Так было, так будет, доколе останется на земле хоть одно русское перо!

А. Байбородин: Наконец-то к русскому читателю пробилась литература белой эмиграции, вернее, литература насильственно изгнанных. Николай Гумилев, Марина Цветаева — ее книга стихов «Лебединый стан» о белой гвардии — высокая, страстная, наполненная плачем по Руси, истинно лебединая песня. Но мы открываем и новые имена прекрасных рус-

ских писателей — Иван Шмелев, Борис Зайцев, Иван Ильин...

В. Распутин: Марину Цветаеву, Бунина мы знаем неплохо, хотя они ведь тоже из белой эмиграции. Но вот есть у Ивана Ильина, можно сказать, классического русского мыслителя, на которого я уже ссылался, казалось бы, не свойственная ему работа по литературной критике. Речь идет о статье «О тьме и просветлении»; и дает он в ней сравнительные характеристики Шмелева, Ремизова и Бунина. (Кстати, эта работа заслуживает издания и стала бы замечательным пособием для нынешних критиков.) Так вот, Ильин считает Ивана Бунина великолепным натуралистом языческого, додуховного опыта, а Ивана Шмелева — художником, постигшим молитвенный свет. Шмелев, может быть, самый глубокий писатель русской послереволюционной эмиграции, да и не только эмиграции. Не хочется сравнивать, строить в какую-то череду писателей, но Шмелев, без всякого сомнения, писатель огромной духовной мощи, христианской чистоты и светлости души. Его «Лето Господне», «Богомолье», «Неупиваемая чаша» и другие творения — это даже не просто русская литературная классика, это, кажется, помеченное и высветленное самим Божиим духом.

Вот еще Борис Зайцев — его мы тоже мало знаем. Художник иссушающей тоски по России. Это даже и не ностальгия, это крик по России, как и у поэта Георгия Иванова.

Мы вели речь о белой эмиграции или, как ее обозначают, — эмиграции «первой волны». Ни вторая, ни третья такой литературы не создали. «Первая волна» ведь не убежала от России, была изгнана, стала разделенной частью России. Мы остались на земле Русской, а они унесли русский дух, и на расстоянии, и в разлуке видели нашу Родину лучше, чем мы, находящиеся внутри нее...

А. Байбородин: В «третьей волне» эмиграции особняком держится только Александр Солженицын², который, как мне думается, своими православными воззрениями, своим русским патриотизмом ближе стоит к белой эмиграции. Только неколебимый патриот мог сказать из изгнания, не помня обид: «Я люблю свою Родину. Я хочу, чтобы моя страна, кото-

рая больна, которую 70 лет уничтожали и которая находится на грани смерти, возродилась к жизни».

Вокруг Солженицына наши доморожденные «демократы», интернационалисты с мировой идеей наптели много лишнего и чужебного, насильно притягивая писателя, совершенно православного человека, русского патриота, к диссидентству на западнический манер, ставя его имя рядом с именем покойного академика Андрея Сахарова. Совпадая взглядами на этапе критики советской действительности, они все же разошлись в основах мировоззрений, во взглядах на послереволюционную историю, на будущее устройство России. И теперь те же «демократы», которые так шумно суетились вокруг имени Солженицына, видя в нем лишь антисоветчика, начинают откровенно набрасываться. Рой Медведев, в свое время немало и похвально писавший о Солженицыне, вдруг выступает в журнале «Новое время» с резкой критикой писателя, и критикует не какие-то огрехи в писаниях, не просчеты в исторических оценках, а сами коренные убеждения Солженицына, его основную концепцию о том, что кровавый террор начался сразу после Октября и что между сталинскими и досталинскими репрессиями никакой разницы нет — просто лилась российская кровь, уничтожалось государство. Рой Медведев все же считает, что сразу после революции текла неизбежная «законная» кровь россиян, а вот в тридцать седьмом и дальше полилась «праведная». «Я знаком с его точкой зрения (прямая параллель между досталинским и сталинским террором. — А. Б.), — говорит Рой Медведев в беседе с журналистом, — но не разделяю ее. <...> «Архипелаг ГУЛАГ», может быть, это самое значительное из того, что написано на эту тему лагерной и окологлажной жизни. Но сама концепция книги, на мой взгляд, ложная». Вот так, ни много ни мало — сразу ложная.

Солженицына однажды в печати назвали явлением, предтечей которого был Достоевский. Думается, что это не совсем так. Достоевский — все же писатель, написавший уже в прошлом веке начало нынешнего века, когда к власти в России пришли самозванно люди, презирающие все коренное русское, когда пришли

разрушители тысячелетней российской государственности и национальной памяти. И Достоевский же, указывая на особую, спасительную для человечества духовность русского человека, видел в нем и (особенно в интеллигенции) нигилистические, бунтарские склонности, которые могут быть использованы заговорщиками. А Солженицын — писатель, верно написал уже пережитое народом, виденное и прочувствованное самим, подбираясь к истокам зла, к его корням, на которые раньше указал Достоевский.

В. Распутин: С предтечей, думаю, это обмолвка или как-то не так изъято из контекста... Предтеча — подготовка, подготовление главной фигуры и, стало быть, на порядок ниже ее. Сравнивать того и другого нельзя. Это совершенно самостоятельные фигуры, великие личности — тот и другой. Достоевский — житель духовного мира, заглядывающий в материальный; Солженицын — материального, знающий духовный. Достоевский был последний писатель дореволюционной России, кто знал пути ее спасения, во весь голос говорил о них, но и предвидел, что спасением своим она не воспользуется. Солженицын стал первым писателем такого масштаба, кто оболваненную Россию привел на место ее трагического выбора и показал, как и почему, благодаря каким бесовским силам она изменила самой себе.

Заметьте, тот и другой — и Достоевский, и Солженицын — прошли через каторгу, хотя опыт Солженицына был и горше, и масштабней; тот и другой выстрадали свое провидение, но в двадцатом веке оно, провидение, потребовало другого языка, другого взгляда — обращенного в прошлое, чтобы собирать пожитки для будущего.

У них много общего, хотя совсем, совсем разные. Но оба — как верстовые столбы на мученическом пути России. Еще молчали почти все, отводя душу в анекдотах, но нашелся человек и сказал всю горькую правду. Мы говорим, что правда прорастает из-под любого камня — точно так же поднялся Солженицын. Он поднялся первым, потом легче было разгибать спину другим. Для этого нужно было иметь и мужество, и талант. А еще важно было сберечь и преумножить талант за проклятые годы ла-

герей. Ведь Солженицын начинал писать в молодости, затем фронт — там не до рукописей; затем тюрьма и лагеря, где тоже не отводили кабинета для самообразования и полезного чтения. И все-таки человек настолько огромной силы воли, настолько могучего духа, что продолжал работать и в этих условиях. И когда вышла повесть «Один день Ивана Денисовича» — это было как потрясение. Воистину, охота пуще неволи. Затем «Матренин двор», «Раковый корпус»... А два последних года для читателей России и вовсе проходят под знаком Солженицына, и если бы наше любезное Отечество, как во времена Достоевского, захотело взять урок от нашего великого современника, на многое бы у него открылись глаза и по-другому смотрело бы оно на происходящее.

* * *

А. Байбородин: Солженицын, а ранее Достоевский, говорили о том, что в России есть определенно люди, которые радуются русским неудачам, потому что неудачи — это шатание, постепенное разрушение российской государственности и, главное, нарастание взрывной обстановки, приближение того вождельного, смутного времени, когда можно будет взять в руки власть.

В. Распутин: Солженицын в «Красном колесе» как раз и пишет о подготовке русской революции, о ее составляющих, об общественном мнении, которое не одно десятилетие вело подрывную работу, пока не произошел взрыв. Это был, за малыми исключениями, всеобщий общественный соблазн, круговое опьянение — долой! — и никаких. Хотя по темпам экономического развития Россия к Первой мировой войне вышла на одно из ведущих мест в мире. О политических свободах мы уже говорили; у правительства не имелось даже собственной газеты, где бы оно могло защищаться от дружеских нападок.

А теперь сравним: да, нынешнее правительство экономикой похвалиться не в состоянии — развал, что называется, по всем швам. Но урок февраля семнадцатого, а затем и октября учит нас, что благополучие не остановило бы вакханалию («волконалию» у А. Ремизова), так называемой «демократии», если у нее раз-

вязаны руки, в поддержку ей всегда что-нибудь подворачивается — то война, то разруха.

А насчет того, что часть интеллигенции радовалась государственным неудачам в конце прошлого и начале нынешнего века... Да, так оно и было. Радовалась неудачам в Русско-японской войне, всему радовалась, что подрывало авторитет царя и правительства. Как и ныне, когда чем хуже, тем лучше.

А. Байбородин: В досельные-то времена российские интеллигенты-гуманисты с «мировой идеей» боялись русских успехов еще и потому, что от них якобы может в русском человеке разыграться национальная гордость, а это для «граждан мира» — сразу и национализм, и шовинизм, антисемитизм. Тут сказывалось разное отношение интеллигенции к русскому народу вообще, который еще в начале нынешнего века сплошь был крестьянским.

Об отношении Достоевского, Горького (да и своем тоже) к русскому народу прямо и откровенно сказал писатель Куприн: «Когда говорят «русский народ», я всегда думаю — «русский крестьянин». Да и как же иначе думать, если мужик составлял восемьдесят процентов русского народонаселения. Я, право, не знаю, кто он, богоносец ли, по Достоевскому, или свинья, по Горькому. Я знаю только, что я ему бесконечно много должен, ел его хлеб, писал и думал на его чудесном языке, и за все это не дал ему ни соринки. Сказал бы, что люблю его, но какая же это любовь без всякой надежды на взаимность». Вот на этой почве — отношение к русскому народу — в Горьком выросло воинственное неприятие Достоевского. Георгий Вяткин, сибирский писатель начала нынешнего века, в книге «Возвращение», изданной в Иркутске в 1987 году, приводит свою беседу с Горьким. *«И еще сильнее поразило меня высказывание о Достоевском: «С другой стороны, — продолжал Алексей Максимович, — на нас заметно влияет мрачная философия Достоевского... Против этого я горячо протестовал бы, ибо, по-моему — страдание вредно, оно не углубляет человека, а унижает его, и это особенно надо помнить нам, русским, чья многовековая история была сплошным (?!) страданием — сплошным (?!) унижением. Каторга убила в Достоевском его живую душу... Нет, мы слишком много покорялись и прощали, и не слушать, а пре-*

одолевать должны мы Достоевского. Он — наш национальный враг... **Достоевский — национальный враг** (выделено мною. — А.Б.)».

И это отношение Горького к русской истории, к русскому народу в целом позволило ему согласиться с идеей «безумных и храбрых», что этот крестьянский народ, «этот пестрый, неуклюжий, ленивый человеческий муравейник, именуемый Россия», вполне может послужить объектом революционного опыта, вязанкой хвороста, которая, может быть, сгорев, запалит пожар мировой социальной революции. Обо всем этом Алексей Максимович и написал в 1920 году в очерке «Владимир Ильич Ленин», где он называет Ленина — «первый и самый безумный» и поет ему славу за то, что тот отважился зажечь этот «хворост». *«Каждый получает то, что заслужил, — это справедливо, — пишет «великий гуманист» Горький. — Народ, загнивший в духоте монархии, бездеятельный и безвольный, лишенный веры в себя, недостаточно «буржуазный», чтобы быть сильным в сопротивлении, и недостаточно сильный, чтобы убить в себе нищенски, но цепко усвоенное стремление к буржуазному благополучию, — этот народ, по логике бездарной истории своей, очевидно должен пережить все драмы и трагедии, обязательные для существа пассивного и живущего в эпоху зверски развитой борьбы классов...»* Тут уж пояснения излишни, тут все ясно.

Наш разговор, видимо, не случайно все же постоянно сворачивает к русским и российским вопросам, и тем не менее хотелось бы опять вернуться к нынешней литературной жизни в России... Поколению, которое в литературе идет следом за вашим, кажется, стало еще труднее, чем в «застойные» времена пробиться к читателю — резкое размежевание на «левых западников» и российских самобытников-патриотов повлекло за собой размежевание критики, газет, журналов, размежевание это вышло отнюдь не в пользу молодых писателей, скажем, настроенных патриотически. Если раньше все же старались литературное произведение измерять по художественным достоинствам, что, правда, не исключало «красную» конъюнктуру, то теперь все критерии размыты. Наступил какой-то сплошной хаос в литературном процессе.

В. Распутин: В прежние, как говорят, застойные времена можно было хоть спокойно работать. Мы говорим: цензура, цензура! Цензура, конечно, писателю не мама родная, от нее пострадали и Белов, и Абрамов, и Виктор Астафьев, у которого было много выброшено из замечательной повести «Пастух и пастушка». Сейчас он восстановил текст, это уже совсем другая книга. Нет, я не говорю, что цензура благо, но и не могу согласиться с теми, кто собственную лень, бездарность и вздорность оправдывает невозможностью и слова сказать в подцензурных условиях. Неправда это. Говорили и говорили неплохо. Только в послевоенное время — Овечкин, Тендряков, Троепольский, Быков, Абрамов, Твардовский, Залыгин, Можав, Гончар и другие — да без них бы и правду, и совесть, и веру извратили так, что не на чем было бы порядочному человеку и стоять.

Самое же страшное в те времена, о чем мы поминали, напроць оказалась отсеченной отечественная история и общественная мысль. Будто и не было никогда «Истории государства Российского», книг Хомякова, Киреевских, Данилевского, Соловьева, Леонтьева, Федорова, Розанова и многих других. Все черной краской: реакционеры! Цензурали книги Гоголя, Достоевского... С такой цензурой теперешние «демократы», пожалуй, готовы и согласиться втихомолку. Белинский, Чернышевский, Добролюбов, Писарев, Радищев были доступны — то есть все, что лепило из России в прошлом одно лишь «темное царство», образовывало нашего гражданина с пеленок и загоняло его в узкий коридор представлений о своем Отечестве. Так вот, о «застойных» временах... Официальные духовные и нравственные ценности навязывались одни, но литература держалась незыблемых, вечных, и тут никакая цензура ничего с ней поделывать не могла. Да это было и не в интересах государства. Человеку приходилось жить действительно двойной моралью, и государственный надзор как бы молчаливо с этим соглашался, не в силах отказаться от догматического, бывшего его основанием панциря, но и сознавая, что в одной лишь догме человек задохнется и омертвеет окончательно. Мы вправе жаловаться на цензуру, но надо признать: то, что все же позволялось литературе, не позволя-

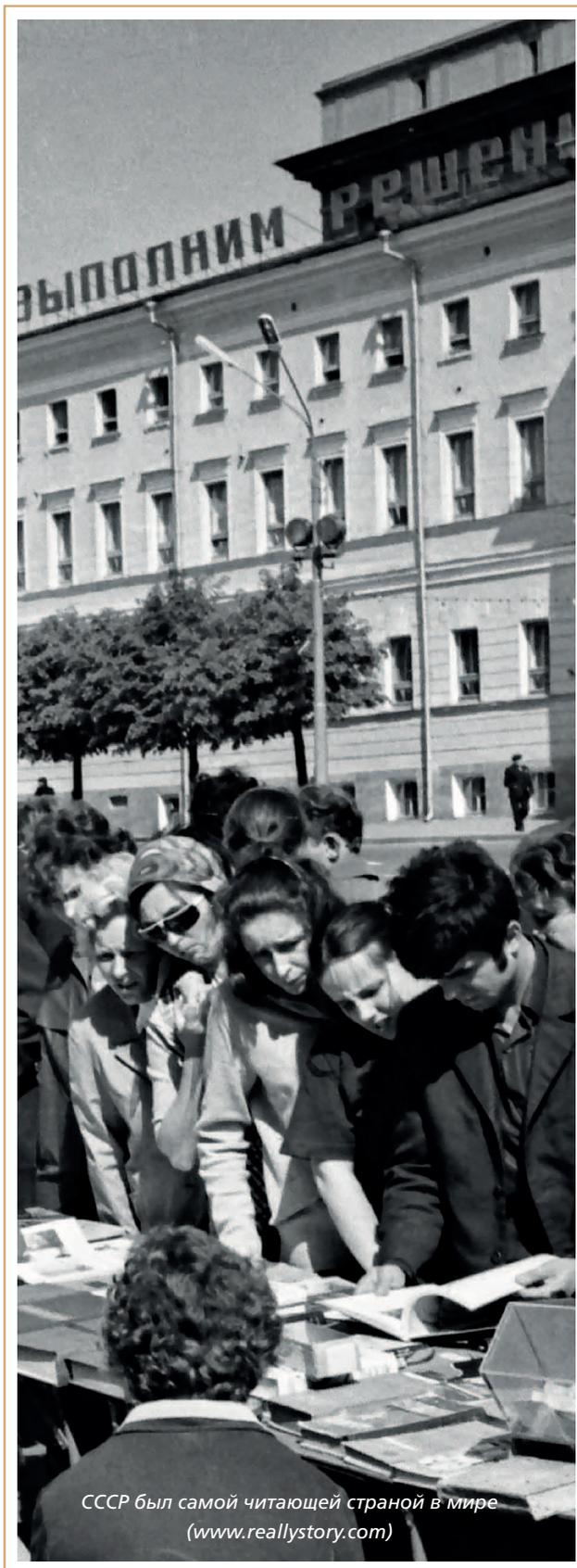

лось другим искусствам. И она, художественная литература, своим шансом, своей особой ролью в обществе воспользовалась прекрасно, и если за два-три поколения человек нравственно все-таки выстоял, заслуга литературы тут не из последних. В том числе и «деревенской» литературы. В самые лживые годы были писатели из современников, к которым миллионы людей обращались точно к исповедникам и находили спасительную опору.

И сравним, что теперь. В сумерках истории литература и светила, и направляла, а как выбрались на открытое место — все ценности, все добродетели в черепки, и самая добрая книга потускнела перед разгулом общественных страстей.

А. Байборodin: Официальная пропаганда, к которой всегда примыкала часть художественного творчества, от лицемерия, двойной морали резко повернула к цинизму. И человек, кажется, стал перед выбором: социалистическое лицемерие или буржуазный, коммерческий цинизм. Что лучше? Этот коммерческий цинизм в культуре особенно ярко выразился в комсомольских изданиях. И начались нападки на художников, которые и в застойные времена подсознательно и сознательно опирались в своих творениях на вековые, национальные, скажем, христианские духовные ценности. Почитаешь критические статьи в «Огоньке» — Господи, сколько злобы, сколько ядовитой ненависти к писателям российского патриотического склада! Таким остервенелым лаем разве что Александра Исаевича Солженицына сопровождали в изгнание.

В. Распутин: Об этом трудно, да и не хочется говорить. Водиться и разбираться с этой публикой не делает чести, но и не отвечать нельзя — примут за слабость, за то, что нечем отвечать. Особенно яростным нападкам подвергается ныне всякое упоминание, всякое обращение к патриотическому чувству. Договорились до последнего: «Патриотизм — это свойство негодяев». Россию хотят обесславить и обеззащитить окончательно, чтобы потом без помех на торг и панель ее — кто дороже даст. Это бесчестная игра, когда святые чувства, соединяющие человека со своей землей и народом, пытаются столкнуть в яму с нечистотами.

СССР был самой читающей страной в мире
(www.reallystory.com)

~~иногда и выходящего за пределы для боковой партии - ровой сообщество. Нужно, чтобы Россия, в конце концов, принесла миру именно свою культуру. А сейчас, когда речь идет о том, быть или не быть русской культуре, защита русской культуры считается преступлением. Я не отношусь плохо к какому-то другому народу. Найдите в моих высказываниях хотя бы одно плохое высказывание по поводу евреев или какого-то другого народа. Нет, если он не будет уважать себя! Все уважай и себя не смей - этого! Я просто добиваюсь уважения к своему народу. А за то, что ты добиваешься уважения к русским, за то, что называешь в себе? Нет, в интересах всего мира, каждой нации, большой патриотизм своим словом, - вот как стало, что нельзя патриотизм назвать своим именем - ты уже становишься врагом другого народа, тебе уже вешают ярлыки великорусского шовиниста.~~

~~Я не хочу этим сказать что русская душа без недостатков что и тебя положат не только в газетах своей страны - повсюду, по всей на Божий мир, и Нет, конечно, но и поубавится к нему ее всему миру. Истинность не позволим. Вспомни, что не последнее~~

Анатолий Байбородин. Мы начали было говорить о том, как трудно теперь молодому традиционному русскому писателю: идеологическое размежевание, коммерция, традиционной русское писателю не в чести...

у нас в России, так и на Западе. Не только в советской литературе, но и в литературе вообще. Истинность.

Валентин Распутин. Коммерция литературе, конечно, противопоказана. Хотя мы неизбежно к ней придем, поскольку становимся как товар, когда книга превращается в товар, навязывающий себя на общий путь свободного рынка, где и книга будет товаром.

~~Молодому писателю будет сложнее вынудить книгу, заявить о себе. Прежде издательства обязаны были заботиться о молодых, и художественность, и эстетичность. Серьезная книга становилась чуть ли не планом для них. Сейчас будет труднее. Но тем не менее, думаю, останутся издательства, которые и дальше ставят свою задачу на правовой механизм. Когда - в России и это будут опекать молодых писателей и тех, у которых неходовые темы, которые пишут неходовые книги - то есть, которые творят в~~

~~производить художественное, обращаясь, перво-наперво, к нашей православной духовности, к глубинной народной жизни, к первородному русскому языку. Будут и такие книги издавать -~~

Не в первый раз возникает братство ненавистников самостоятельной, самобытной России, и ничего тут нового или «демократического» нет, но Россия от этой «традиции» всякий раз несет непоправимый урон. Что руководит ими? Да все то же: родина там, где лучше кормят, где богаче витрины и свободней нравы, вот отчего и «деревенщики», через «малую» родину проповедовавшие любовь и сбережение к Родине большой, сделали для них сразу мракобесами.

А. Байбородин: Думаю, пока «деревенские» писатели поругивали русский народ, и поругивали, очевидно, справедливо (конечно, и с болью, и любовью к нему), пока во всех послеоктябрьских бедах (террор, унесший цвет русского народа, раскрестьянивание, расказачивание, а главное, разрушение православных храмов и гонения на саму веру), пока во всем этом винули лишь сам народ («свинский материал», по Каменеву), «демократы» и патриоты боролись с царством большевистской лжи в одной упряжке, но как только в русских художниках наконец-то пробудилась и гордость за свой народ, за двухтысячелетнее Отечество, когда стали осознать кто, как и зачем, оболванив народ, вывел его на плаху, когда заговорили о продолжении вытекающего из веков самобытного пути России, вот тут-то «левая» критика и обрушилась на писателей-патриотов, завопила: мол, не надо искать врагов извне самого русского народа — вся трагедия россиян уже и в самой русской душе, в этой тысячелетней рабе.

В. Распутин: И столько грязи вылили на эту душу, столько предъявили ей обвинений, так брызжут над ней слюной, а нет оглянуться на себя: вы ведь считаете себя лучшими, передовыми, цивилизованными — и такая брань! Не выдаете ли вы себя не за то, чем в действительности являетесь? Полно, господа! Ведь она, душа эта, только-только стала приподниматься и оглядываться, куда ее, бедную, затуркали, а тут на нее со всех сторон: цыц! Не имеешь права! Не имеешь права в цивилизованном обществе находиться, не вышла породой. Ну не расизм ли с другого конца?!

Кому, спрашивается, нужна безликая, бесславная и бессловесная Россия? Если смотреть на нее как на вожделенную и выгодную под-

стилку для богатых партнеров, тогда да, тогда понятно. Но в таком случае наши «душеведы» больше, чем на сутенеров, не потянут. **Если же мы искренно печемся о могучей и светлой России, достойном члене мирового сообщества, то как же ей без своих традиций, обычаев, песен, без русского языка, без святынь!** И что это, простите, за народ, если он не будет уважать себя! Всех уважай, а себя не смей — где ж он возьмет уважение к другим, если не выработает его к себе! Нет, в интересах всего мира, каждой нации, большой и малой, чтобы Россия имела свои краски, особенности, свою мысль.

Я не хочу этим сказать, что русская душа без недостатков, что ее на божницу надо. Нет, конечно. Но и под плевательницу ее приспособить не позволим. Вспомните еще раз, что не последние умы как в России, так и на Западе говорили о всемирной отзывчивости русской души.

* * *

А. Байбородин: Мы начали было говорить о том, как сложно теперь молодому традиционному русскому писателю обрести своего читателя, т. е. опубликовать произведение в журнале, издать в книге, и чтоб заметила критика, свела с читателем. И причин тут много. На писателей вашего поколения, которые в силу дарования, настойчивости или предприимчивости все же начинали печататься — на них работала, по сути, вся критика, все журналы и издательства, еще не поделенные на «правых» и «левых», на «демократов» и патриотов, теперь же молодому автору, пишущему, скажем, в русских народных нравственных и художественных традициях, издательский выбор самый минимальный, критики работают жестко по направлениям, да и мало уже занимаются духовным, художественным анализом произведений, — в политику ударились. А тут еще и коммерция подоспела...

В. Распутин: Коммерция литературе, конечно, противопоказана. Как и религии. Духовное нельзя рассматривать как товар. **Когда книга превращается в товар, навязывающий себя, и перестает быть исповедью, молитвой и проповедью, когда литература теряет литургическое звучание, — обречена и художественность, и**

Валентин Григорьевич Распутин (фото из архива издательства. 2013 г.)

светоносность. Серьезная книга станет уделом элиты, общество неизбежно очерствеет, в лучшем случае переведет свою душу на правовой механизм. Хотя в России и это невозможно, русская душа для такого положения не годится. Стало быть, может произойти худшее. И, конечно, молодому писателю заявить о себе будет неизмеримо труднее. Прежде издательства обязаны были заботиться о молодых, имели чуть ли не планы для них. Теперь же молодых в условиях рынка может выручить, кроме собственных объединений, государственная дотация. Литературу, и вообще культуру, переводить на полный хозрасчет, бросать в рынок — преступление. Мы это преступление уже видим, глядя на театр, когда он взялся зарабатывать деньги всеми удобными способами — деньги не пахнут! — вот и цели у него стали бесовские.

Времена предстоят трудные, но я думаю, не безнадежные для литературы. Будем надеяться, что хоть традиция читать книги не плетью, а душой в России не сгинет. Возможно, когда валом повалят книги низкого пошиба, в читателе они вызовут отрывку. В уме у него пока есть: мыслителями, как и деятелями, без серьезной книги не становятся.

А. Байборodin: Любовь к Отечеству впитывается вместе с молоком матери, потом эта любовь выверяется, высветляется Божьим духом, обогащается и крепнет. Родину, как и мать, никогда не выбирают и не меняют, как не выбирают время, когда удобнее быть патриотом России, а когда пересидеть ратное время в тенечке. Хотя молодым литераторам иногда говорят (и мне говорили): что ты лезешь в политику, что ты суешься в это патриотическое движение — ты же еще ничем ничего?! Заимей сперва авторитет художника, а уж потом и борись за Россию, если уж без этого никак нельзя. И для примера приводили вас, как это ни странно: дескать, не будь у Распутина за спиной его талантливых повестей и рассказов, не будь большого имени, никто бы и слушать его не стал, если бы он даже говорил и писал в статьях то же самое. Словом, дескать, позаботься вначале о воплощении своего художественного дара, а потом уж кидайся в публицистику.

В. Распутин: Время, состояние Отечества, как мы уже поминали, диктуют писателю, в том

числе и молодому, начинающему, сам характер поведения; тут не следует забывать и возможности таланта: один начинает с публицистики, другой с повести. Здесь давать рецепты — занятие пустое. Один только **совет молодому писателю: не бросать Россию.** Это не сулит спокойной жизни, камнями, боюсь, будут продолжать забрасывать и через десять лет... А иные же как рассуждают: сначала я заработаю деньги (даже и не имя), обеспечу себя, потом напишу великую книгу. Не напишет, не получится — лукаво начал.

А. Байборodin: Любовь к России исторической, ощущение опасности, опять нависшей над ней в маскарадной личине безродности, космополитизма, — все это, нет худа без добра, стало помаленьку спланивать наше литературное поколение. И все же трудно сказать, что ваше поколение писателей подготовило себе для опоры достойную смену, крепкие тылы или, наоборот, стойкий передовой отряд.

В. Распутин: Нет, опора, конечно, есть. Но или это закон литературы, или свойство времени, однако 30–35-летний писатель малозаметен. Не знаю, чем это объяснить. Может, оттого, что хлебнули меньше лиха в детстве, в юности? Жизнь была более благополучна... Талант пошел не в глубину, а в ширину. Главное для писателя, что должно даваться Родиной, народом, — язык, а он в последние десятилетия, и особенно в последние годы, сильно пострадал. Но говорить о том, что поддержка есть, можно без всякой натяжки.

А. Байборodin: Много толковали про Закон о печати, связывая с ним большие литературные, публицистические надежды...

В. Распутин: Закон о печати принят, и говорить теперь о том, нужен или не нужен, бессмысленно. Хотя многие страны, какие мы называем цивилизованными, прекрасно обходятся без него. Теперь все будет зависеть от степени культуры и здравого смысла четвертой власти — как называют печать. Из нее можно сделать общественный террор, новое пропагандистское насилие, ярмарку человеческих пороков, средства массовой информации превратить в средства массовой дезинформации, тотальной обработки душ, а можно и наоборот. Пока в борьбе за власть в России преобладает,

как мы видим, первое. Кроме того, еще и до Закона, а сейчас и под защитой Закона — такое половодье грязных листов, такое бесстыдство, каких, поверьте, нигде в мире нет. Особенно усердствуют, помимо всяких кооператоров, молодежные издания. Вообще, надо признать, молодежь свою мы бросили на произвол судьбы.

А. Байбородин: Вот вы помянули кооператоров... Дело еще в том, что в большинстве своем нынешние кооператоры, как, видимо, и заправили «теневой экономики», это ведь не российские купцы, которые несли в себе православную нравственность, были патриотами России и непосредственно своих уездных и губернских городов и которые на собственные средства возвели наши чудо-города, открывали милосердные, сиропитательные дома, приюты гимназии, училища, библиотеки, театры, художественные музеи, которые, наконец, замаливая неизбежные торговые, житейские грехи, на свои капиталы строили православные храмы — нынешние памятники архитектуры, да и так немало жертвовали в епархии. А сегодняшние предприниматели не больно-то разбегутся жертвовать на благо и красу России. Но, может, я ошибаюсь, дай-то Бог.

В. Распутин: Грязные деньги на добрые и чистые дела не даются. Их может пожертвовать только кооператор-производитель, кому они достаются тяжким трудом. Да и то не всякий.

А. Байбородин: Вот мы заговорили о печати... Не знаю, что будет дальше, но простонародье уже пугает разрушение в прессе духовных идеалов (и коммунистических, и российских исторических), как и воспевание того, что еще недавно считалось низким даже для обсуждения. Я об этом сужу из мнений своей многочисленной родни, своих деревенских земляков, которые не могут постигнуть, что творится на белом свете и куда мы катимся, а, не постигая, живут в постоянном страхе, в напряжении.

В. Распутин: Настроение от всего порой бывает такое, что хоть не живи. Единственное спасение — работа; объединенная работа всех, кому дорога Россия, реки ее и леса, песни и сказания, предания «старины глубокой», кто благодарен ей за свое происхождение и верит в ее будущее. **Ни за какие посулы, ни за какие**

пряники не отдавать России тем, кто наладил-ся ею торговать, кто сидит с ножницами над ее картой и кто остатки ее святости превращает в посмешище.

Много чего за свою историю вынесла и перетерпела Россия, но самый жестокий удар нанесен был ей в этом веке. Едва лишь она с великим трудом стала приходить в себя, поднялись на нее собственные, взращенные за десятилетия манкурты — неразумные, оболваненные сыновья, не ведающие, что творят... Такого испытания еще не бывало, но... если не оставлять Россию, если стоять всем миром за честь ее и достоинство, за целостность ее просторов и братство всех составляющих ее народов, — лучшей своей частью поверившая в себя, вынесет Россия и это.

Примечания

1. *За Россию самобытную // Земля.* – 1990. – № 1. – С. 10–11; *Нравственность рождает земля: диалог писателей В. Распутина и А. Байбородина о необходимости возрождения русского крестьянства // Правда Бурятии.* – 1990. – 30 нояб.; *Возвращение России : беседа писателей А. Байбородина и В. Распутина // Сибирь.* – 1991. – № 1. – С. 3–34; *Лепта.* – 1991. – № 4. – С. 143–160.

2. Беседа писалась, напомним, четверть века назад, и лет через десять, а может, и раньше, я все же осмыслил роль Солженицына в русской истории и русской литературе XX века, и от бывшего восторга осталось лишь разочарование. Но это особая тема... Изменил ли В. Распутин отношение к Солженицыну или не изменил, не знаю; последние лет пять он уже не упоминал его в публичных речах и беседах.

*Диалог записан и обработан
в июне–августе 1990 года*

- **ТАРАС АФАНАСЬЕВ —
ТОЛМАЧ-ДИПЛОМАТ,
СОСНОВАТЕЛЬ
СЕЛЕНГИНСКА И УДИНСКА**

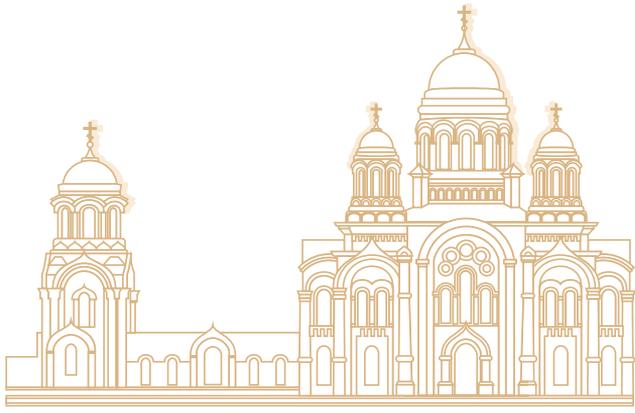
Эдуард Дёмин

А. Васнецов. Сибирь (фрагмент), 1894 г.

**ТАРАС АФАНАСЬЕВ —
ТОЛМАЧ-ДИПЛОМАТ,
СОСНОВАТЕЛЪ
СЕЛЕНГИНСКА И УДИНСКА**

Эдуард Дёмин

*Особенный интерес представляет дипломатическая служба сибиряков. Никакой дипломатической школы в Сибири не было... но каждый рядовой служилый человек в Сибири мог ожидать, что волею судеб он получит дипломатическую «посылку» к какому-нибудь «мунгальскому царю», калмыцкому «тайше», «князцу» и т. п.
Н.Н. Оглоблин¹*

О предыстории, обстоятельствах и источниках разысканий

Сразу отмечу, что речь дальше пойдет об еще одном забытом сегодня нерядовом, а в своем особом казачьем служении даже уникальном, деятеле нераздельной начальной истории Селенгинска и Удинска. Об еще одном — это потому, что о нескольких деятелях того периода мне уже довелось подготовить первые в нашем местном и забайкальском тоже краеведении отдельные очерки. Они о первых главных градостроителях Селенгинска и Удинска: их отцах-основателях, енисейских казаках — пятидесятнике Гавриле Ивановиче Ловцове и десятнике Осипе Васильеве; строителе Удинского и новых укреплений Селенгинского острогов, их самом длительном управителе, организаторе местного хлебопашества и поиска местных полезных ископаемых Иване Ивановиче Поршенникове и одном из самых выдающихся государственных деятелей эпохи Петра Великого, полномочном после Федоре Алексеевиче Головине, около двух лет готовившем в Удинске, Селенгинске

и окрестных местах заключение Нерчинского мирного договора с Китаем².

Так исторически случилось, что все служение и сама жизнь героя этого очерка — селенгинского толмача-дипломата Тараса Афанасьева, а речь пойдет именно о нем, были теснейшим образом связаны со всеми названными деятелями. Еще при разысканиях по новой для нашего краеведения теме о селенгинских казаках — толмачах и дипломатах, мне стало в сравнении понятно, насколько значимой среди них и во всей начальной истории Селенгинска и Удинска была служба толмача-дипломата Тараса Афанасьева. В этом можно убедиться, читая подготовленный мною по названной теме в 2013 г. общий очерк³, закончив который посчитал очень важным продолжить документальные разыскания по Тарасу Афанасьеву и рассказать о нем еще более подробно.

Селенгинск в начальный период своей истории был городом толмачей... Приведенные мною в общем очерке исторические материалы дают представление о социально-политической ситуации в селенгинском порубежье, масштабах, разнообразии и особенностях деятельности селенгинских толмачей в первые, самые непростые 70–80 лет существования Селенгинска и Удинска, включая годы основания и первые десятилетия Кяхты, от Селенгинска же основанной. Всего в этом очерке приведены разной полноты сведения о 27 упоминаемых в различных официальных документах селенгинских толмачах. Это толмачи: Осип Васильев, **Тарас Афанасьев**, Иван Бодорой, Павел Черемной, Иван Матвеевич Шарапов, Клим Турченинов, Кондратий Тихонов, Семен Краснояяр, Гурий Уразов, Петр Парамонович Киргиз, **Яков Иванович Загузин**, **Василий Фирсович Фирсов-Хлуденев**, Григорий Уразов, Иван Аранзин, Алексей Данилович Третьяков, Федот Алексеевич Третьяков, Иван Резанов, Григорий Шишмарев, Зотей Уваров, Степан Савинов, Степан Кобей, Григорий Волгарь, Дмитрий Шитанцуй, Семен Кряжев, Григорий Протасов, Иван Фролов, Карцагаев, Амур Андыхаев. Среди этих толмачей в общем о них очерке по делам совершавшимся, причастности к важнейшим событиям и длительности служения особо обращено внимание на Тараса Афанасьева и хронологически последующих Якова Ивановича Загузина и Василия Фирсовича Фирсова-Хлуденева. О последних двух толмачах — Якове

Загузине⁴ и Василии Фирсове (и всей заслуженной казачьей семье Фирсовых⁵) мною рассказывалось и раньше.

Дошла вот очередь и для отдельного очерка о самом, считаю, замечательном селенгинском толмаче-дипломате Тарасе Афанасьеве. Его необыкновенная личность и значимые дела на благо государства Российского еще в советское время должны были бы стать отдельной темой для разысканий и многих публикаций. К сожалению, тогда этого не случилось, как и в современное время тоже...

Чтобы подтвердить обоснованность своего сожаления документально, приведу в виде нижеследующей таблицы сделанную мною подборку упоминаний имени и дел селенгинского толмача Тараса Афанасьева в древних исторических актах, приведенных в наиболее полных прошлых и современных их печатных собраниях.

В сравнении с селенгинско-удинскими деятелями того времени имя толмача Тараса Афанасьева упоминается в древних актах, например, в «Статейном списке Ф.А. Головина...» даже чаще других значимых и более известных имен⁶ (на 41 странице из 576, а на некоторых по несколько раз). Почему и удивляюсь тому, что прошли мимо такого бросающегося в глаза факта, не обратив на него отдельного внимания, современные историки и местные краеведы. Не только удивляюсь, но и в очередной раз на этом и других вышеназванных примерах селенгинско-удинских персоналий, впервые в местном краеведении мною рассмотренных, обращаю внимание на сегодняшнюю непроявленность в деятелях, событиях и обстоятельствах нераздельной начальной истории двух уникальных исторических забайкальских поселений, какими, по сути, являются Селенгинск (Ново-Селенгинск) и Удинск (Верхнеудинск — Улан-Удэ).

В общесибирском масштабе открывателем темы о сибирских толмачах считается известный в прошлом историк-археограф, выдающийся знаток сибирских архивов Н.Н. Оглоблин (1852 – после 1919), со слов которого в эпиграфе из специальной статьи 1891 г. «Сибирские дипломаты XVII века» начинается этот очерк. А вот продолжение этих строк: «Несмотря, од-

нако, на явное дилетантство этих случайных дипломатов, их «посольская служба» шла как следует: они не только соблюдали в точности все посольские обычаи и церемониалы того времени, словно заправские дипломаты, но и достигали действительных результатов по существу порученного им посольского дела. Установление политических и торговых сношений с независимыми и полунезависимыми владельцами соседних с Сибирью мунгалских, киргизских, калмыцких и др. стран, нередкие дипломатические победы над ними, все мирные завоевания порубежных земель путем посольских переговоров — все это было делом этих непатентованных дипломатов, отбывавших «посольское дело» на ряду со всяким другим «государевым делом»⁷.

И еще весьма показательные строки из той же статьи: «Разнообразна была в XVII веке деятельность сибирских служилых людей. В каких только ролях и на каких поприщах мы не встречаем их: в роли администраторов, ратных людей, дипломатов, мореходов, финансовых деятелей, сельских хозяев, горных инженеров и проч., и проч. Ко всему, по-видимому, они были годны и ни от какого «государева дела» не отказывались»⁸.

В дальнейшем изложении тоже будет подтверждено, что не столь уж и необычной в начальный период занятия русскими Сибири и Забайкалья, в том числе, была одна из названных Оглоблиным ипостасей сибирских землепроходцев – дипломатическая их служба по случаю и на постоянной основе.

Удивительным это может показаться в современное время по причине возникающего вопроса: насколько все же были правомочны начинать и вести международные, по сути, дела такие дипломаты «на час»? В немалой степени, еще в 1755 г., объяснил это историк Сибири Г.Ф. Миллер: «В прежние времена имели сибирские воеводы власть отправлять в порубежные государства и земли посольства, которую как часто и употребляли, как польза народная, содержание приятельства с соседственными государствами, прекращение спор о границах, отправление торгов и собиранье о неизвестных землях известий того требовали. А понеже такие путешествия происходили не

№ п/п	Название сборника исторических актов	Страницы	Как назван в издании
1	Дополнения к актам историческим. – СПб., 1855. – Т. 5	54, 55	«Толмач» (в Селенгинске)
2	Дополнения к актам историческим. – СПб., 1869. – Т. 11	71, 72	«Толмач» (в Селенгинске)
3	Сборник документов по истории Бурятии. XVII век. – Улан-Удэ, 1960. – Вып. 1	232, 233, 263	«Селенгинский толмач»
4	Русско-китайские отношения в XVII веке. Материалы и документы. 1608–1683. – М., 1969. – Т. 1	261, 471	«Селенгинский служилый человек, толмач»
5	Статейный список Ф.А. Головина... // Русско-китайские отношения в XVII веке. Материалы и документы. 1686–1691. – М., 1972. – Т. 2	103, 154, 155, 186, 187, 189, 197, 199, 200, 202, 206, 212, 228, 258, 259, 292, 295, 310, 311, 356, 359, 364, 367, 369, 371, 372, 374, 376, 378, 379, 382, 409, 416, 418, 429, 441, 448, 479, 607	«Селенгинский толмач»
6	Русско-монгольские отношения. 1685–1691. Сборник документов. – М., 1996	131, 144, 145, 193, 281, 282, 300, 302, 393, 394, 397, 420, 439, 501	«Енисейский служилый человек, толмач Посольского приказа, селенгинский городской толмач»
7	Русско-монгольские отношения. 1685–1691. Сборник документов. – М., 2000	10, 28, 30, 35, 36, 60, 75, 76, 91, 92, 95, 97, 107, 108, 158, 176, 183	«Селенгинский толмач»

без великой трудности и опасности, к тому ж и посланцы, кои весьма часто приезжали от соседственных калмыков и мунгалов, не всегда бывали знатных чинов люди; то и с российской стороны избиралися в таковыя отправления по большей части не свыше, как из сибирских служилых людей. А иногда посылались и рядовые казаки в достоинстве послов или посланников, что однако не препятствовало видеть у многих из них разумные и благополучные в делах успехи»⁹.

Так кто же из сибирских служилых людей в первую очередь по самой что ни есть жизненной необходимости выступал в те далекие времена в роли дипкурьеров, начальных переговорщиков и даже дипломатов? Конечно же, толмачи из служилых людей и представителей сибирских племен. Именно они, в силу наличия в полиязычной Сибири языковых барьеров, всегда были здесь на передовой любых межэтнических отношений и международных переговоров.

Поэтому нелишне прежде еще и уточнить по словарю В.И. Даля это ключевое для данного изложения понятие: «**Толмачить**, бол. в знач. переводить; <...>. **Толмач**, переводчик с языка на язык; бол. устный, словесный переводчик»¹⁰.

К интересной теме толмачей и дипломатов из сибирских служилых людей не раз обращались и современные отечественные исследователи, отправляясь от названной статьи Оглобина. Так, И.А. Силаев в статье «Н.Н. Оглобин как исследователь сибирской дипломатической службы XVII в.»¹¹, используя и другие печатные работы историка¹² и приводя из них многие конкретные сведения, отметит: «Как писал ученый, о посольской деятельности сибирских служилых людей свидетельствуют 28 статейных списков, отражающих дипломатические связи воевод Азиатской России с правителями смежных территорий. Общее количество списков, посвященных посольству к мунгальскому правителю, — 10, к калмыцкому — 13, к киргизскому — 5. Списки содержат расспросные речи послов перед воеводами, фиксировавшиеся после завершения посольства и «послованья» (переговоры воевод с мунгальскими дипломатами, посещавшими Томск и Иркутск)».

Показательны для современного научного интереса к рассматриваемой теме также научные публикации А.А. Бурыкина «О практике общения русских землепроходцев с коренным населением северо-востока Азии в середине и второй половине XVII века»¹³ (2004) и «Языковая ситуация в Западной Сибири в XVI–XVII вв. и практика общения русских служилых людей с коренным населением...»¹⁴ (2006). Информация об этих интересных исследованиях с названием «Толмачи-первопроходцы» появлялась и в Интернете¹⁵.

Тоже интересные статьи — «Толмачи-новокрещены (из истории межэтнических контактов в Сибири)»¹⁶ (2010) и «Толмачи в Сибири. Период начала колонизации территории»¹⁷ (2011) — посвятила этой теме исследователь А.А. Люцидарская. Во второй статье этот автор, называя и двух селенгинских служивых людей, привлекавшихся для толмаческих дел, пишет: «В 1680-е гг. в Селенгинском остроге пытались привлечь к процессу коммуникации с корен-

ным населением казака **К. Турченинова и гулящего человека В. Иванова**. В документе прямо сказано, что «толмачили они плохо, много не договаривали», естественно, надеяться на позитивные результаты такого диалога не приходилось. В результате нарушалось поступление в казну пушнины, что, естественно, тревожило власти»¹⁸.

На эти именно строки, как не соответствующие конкретным обстоятельствам, мною было обращено внимание еще в вышеназванном очерке о селенгинских толмачах¹⁹. Во-первых, ни о каком «поступлении в казну пушнины в этом именно и связанном с ним эпизодах в первоисточнике — вышеназванном «Статейном списке Ф.А. Головина...» нет даже и намёка. Во-вторых, фактическая ситуация с названными толмачами состояла в том, что пребывавший в Селенгинске в весьма опасном от монгольских войск положении полномочный посол Ф.А. Головин, принимая очередного монгольского посланца, настоятельно и жестко требовал отпустить ранее захваченных монголами селенгинских толмачей **Павла Черемного и Ивана Шарапова**, в числе других толмачей обслуживавших тогда русско-монгольский переговорный процесс. Автор рассматриваемой статьи почему-то не приводит значимое продолжение цитируемых им строк о «худых» толмачах — «А иных **толмачей** в то время в Селенгинску не было, и были в ссылке»²⁰. А оно вполне объясняет и связывает приведенный пример с общим историческим контекстом документа, состоящим в крайне напряженной в те дни ситуации на селенгинском порубежье, когда «бывшие в ссылке» **селенгинские толмачи Павел Черемной и Иван Шарапов были захвачены, долго удерживались, а потом убиты** в монгольских землях.

В связи с этим повторю, Селенгинск XVII – начала XVIII в. был городом толмачей... Конечно, их толмаческая, так сказать, квалификация была очень разного уровня: от самых опытных, признанных и заслуженных, пользовавшихся полным доверием дипломатов и представителей администрации, толмачей (**Тарас Афанасьев, Яков Иванович Загузин, Василий Фирсов и др.**) до менее знающих разговорный монгольский язык (**Клим Турченинов и др.**) и даже слу-

чайно при том оказавшихся («гуляющий человек **Васько Иванов**»).

Как документально подтверждено в моей вышеупомянутой книге о селенгинских толмачах, именно они в целом успешно обслуживали сложный русско-монгольский и русско-китайский переговорный пограничный процесс в Селенгинске и Удинске (как и в других местах) всех российских послов и посланников, в том числе полномочного посла Ф.А. Головина и чрезвычайного посланника С.Л. Владислави-ча-Рагузинского. Эта важнейшая переговорная роль селенгинских толмачей особенно наглядна предстает из вышеописанной ситуации, когда находившийся в Селенгинске посол Головин вынужден был прервать переговоры с монгольскими владельцами из-за потери двух своих квалифицированных селенгинских толмачей, захваченных, удержанных, а потом убитых в их землях. Почему и можно было бы ожидать, что А.А. Люцидарская, приводя пример «худых» толмачей, хотя бы упомянула о существовании многих других селенгинских толмачей, на протяжении десятилетий и в самые исторически ответственные моменты успешно выполнявших свое нелегкое, нередко крайне опасное дело, о чем во многих исторических документах многократно упомянуто.

Единственный, кто в советское еще время, так сказать, мимоходом обратил внимание на необыкновенную личность «селенгинского казака Тараско Афанасьева», была известный исследователь русско-монгольских отношений Н.П. Шастина, которая в соответствующей монографии 1958 г., упомянув его до того не-

сколько раз, посвятит ему и несколько признательных строк: «[Тарас Афанасьев. — Э.Д.] в переговорах с монголами в 1687–1689 гг. сыграл немалую роль. **Тарас Афанасьев** был человеком смелым, находчивым и, по-видимому, свободно владел разговорным монгольским языком»²¹.

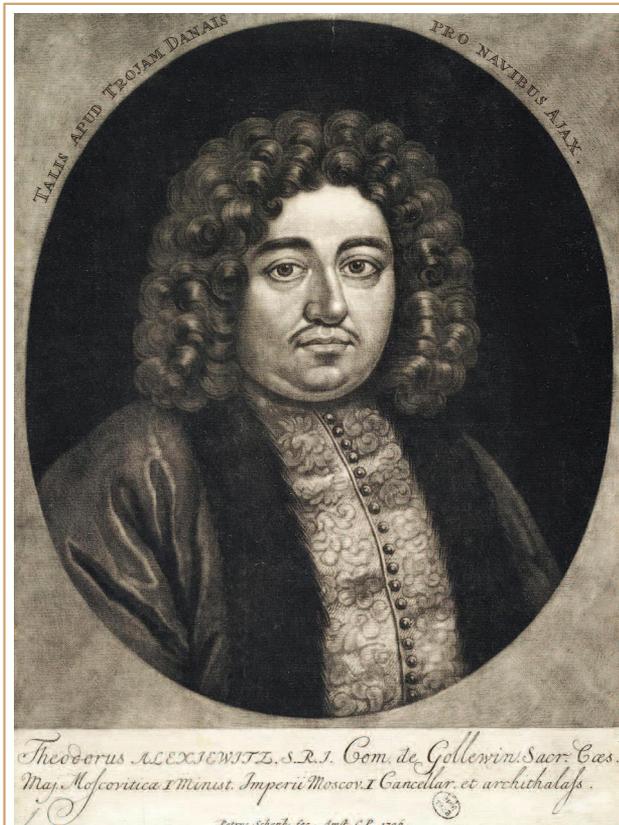
А единственной пока отдельной короткой статьей в изданной в 2004 г. «Славянской энциклопедии. XVII век» В.В. Богуславского ограничиваются современные специальные обра-

щения к имени и делам селенгинского толмача Тараса Афанасьева. Статья эта начинается строками: «**Афанасьев Тарас — енисейский служилый человек, толмач Посольского приказа, селенгинский городской толмач.** В последней четв. XVII в. его имя довольно часто упом. в отписках сиб. воевод, посланников в Монголию, в Цин. империю, к калмыкам, в сказках служилых людей и др. (опущены упоминания нескольких эпизодов толмаческого служения **Т. Афанасьева**, о которых, в том числе, далее подробно. — Э.Д.)»²².

Для дальнейшего изложения особенно интересна недавняя статья (2014) М.О. Аки-

шина «О роли толмачей в осуществлении внешнеполитических функций Русского государства в Сибири в XVII в.». Этот автор, довольно обстоятельно изучив селенгинские исторические акты, в том числе «Статейный список Ф.А. Головина...», кратко представил в том числе толмаческое служение Тараса Афанасьева:

«Заметной личностью в Забайкалье был **селенгинский толмач Тарас Афанасьев**. Службу он начал в Енисейске и с отрядом енисейских служилых людей Г. Ловцова участвовал в 1665 г.

Портрет Федора Алексеевича Головина.
Гравюра Петера Шенка (Государственный Эрмитаж)

53 Селенгинска Докдотухтина жимица Хо³ Вюшными
Т. Аповыше Лисанны реки Селенги Докдотухтина жим
Места степныя жим Бывали Мугалскихъ людей

64 Р. Хилоизъ
Понен Впреные
Боды Ходили
малыми будами
Допргеска вне
Уинско

УДИСКОЙ
Итинца
Р. утанна
Су А. Кудары
Пахонные Места Посе
лены Селенгинси Сях
жмыя Люди

Р. Кемчикъ
Варница Селенгинск
людем Zeit keeten der selenginse samken
Zeit meji
w. Солтное

65 Пами По ежжла
варвские мугалские
люди иско сганиваю

Фрагмент «Чертежа земли Иркутскаго города» из «Чертежной книги Сибири 1701 г. С.У. Ремизова с «Градом Селенгином», «Градом Удинском» и всеми другими первыми русскими поселениями на р. Селенге

в постройке Селенгинского острога. Уже тогда он проявил способности к монгольскому языку, почему был послан в Москву с монгольскими послами. Вернувшись в Селенгинск, **Афанасьев** продолжил службу. В 1668 г. он исполнял обязанности толмача в составе посольства И. Перфильева к халхскому Даши-хунтайджи. В 1675 г. осуществил письменный перевод письма халхского Тушету-хана царю Алексею Михайловичу. В 1676 г. вновь сопровождал монгольского посла в Москву. В 1682 г. возглавлял посольство к монгольским тайджам <...>. **Тарас Афанасьев** ярко проявил себя во время пребывания в Забайкалье великого и полномочного посла Ф.А. Головина. Он участвовал в миссии гонцов Н. Венюкова и И. Фаворова, провел переговоры с ханами и тайджи о пропуске гонцов через «Мунгальскую землю» в Цинскую империю. В 1687 г. находился при Головине в Удинском остроге. Именно он перевел «мунгальский лист» от главы ламаистской церкви. Головин подчеркивал, что без него перевести этот лист было некому «для того, что переводчика мунгальского языка с Москвы не послано и в даурских острогах не сыскано». В 1687–1688 гг. **Афанасьев** находился при гонце С.Я. Коровине в Халхе. Именно **Афанасьев** первым сообщил в Селенгинске, что Галдан-хан «воюет монгольских людей и по реке Орхону взял много городков». В 1688 г. по поручению Головина он ездил в разведку и захватил «мунгальского мужика», полученные от пленного сведения позволили осуществить успешный поход и отогнать монголов от Селенгинска. Участвовал **Афанасьев** и в переговорах о приведении в русское подданство табунгутов...»²³

Здесь же приводятся и значимые сведения о исключительной важности и опасности толмаческого служения, вполне согласующиеся с тем, на что обращалось внимание и в вышеназванной книге о селенгинских толмачах. В них упоминается ранение в бою все того же селенгинского толмача Клим Турченинова: «Обязательными участниками отрядов служилых людей, отравлявшихся приводить в подданство «новые земли» или в посольские миссии к ойратам и «мунгалам», были толмачи. Без них действия отрядов служилых людей теряли всякий смысл, чему сохранилась масса сви-

детельств. Так, в 1640 г. енисейские служилые Е. Киселев и К. Ванюков в своей челобитной писали, что были посланы «в новые земли на Тате и на Амге», но из-за отсутствия толмача «в тое земли попасть не могли, и ради вожа (проводника. — Э.Д.) и толмача в Ленский острог... назати воротилися» <...>. «Без русского толмача быть нельзя», — писал якутскому воеводе сын боярский К. Лошаков, отправляясь в 1668 г. в поход <...>. В этих походах толмачи выполняли все обязанности служилых людей и подвергались всем опасностям государевой службы. В районе Верхней Тунгуски в 1628 г. был убит толмач Кузьма Семенов <...>. Во время волнения бурят 1658 г. Иван Похабов сообщал, что буряты откочевали в Монголию, убив толмача Ивана Байкала <...>. **В 1680-х гг. был ранен монголами селенгинский толмач Клим Турченинов** <...>. В Якутии во время походов служилых людей погибли толмачи Дунай Петров (1637) <...> и Демка (1652) <...>»²⁴. Замечу к этому перечню гибели толмачей, что его можно было бы пополнить вышеупомянутыми селенгинскими толмачами Павлом Черемным и Иваном Шараповым, захваченными и убитыми в 1688 г. в монгольских землях.

Теперь об основных источниках приводимых далее сведений о селенгинском толмаче Тарасе Афанасьеве — это древние исторические акты по начальному периоду истории Селенгинска и Удинска, собрания которых названы в рассмотренной выше таблице.

В отряде основателей, первых поездках в Монголию, с гонцами в Пекине, в свите посла...

Не сомневаюсь в том, и далее буду документально подтверждать, что селенгинское толмаческое служение Тараса Афанасьева было не только государственно высоко значимым, но и весьма продолжительным.

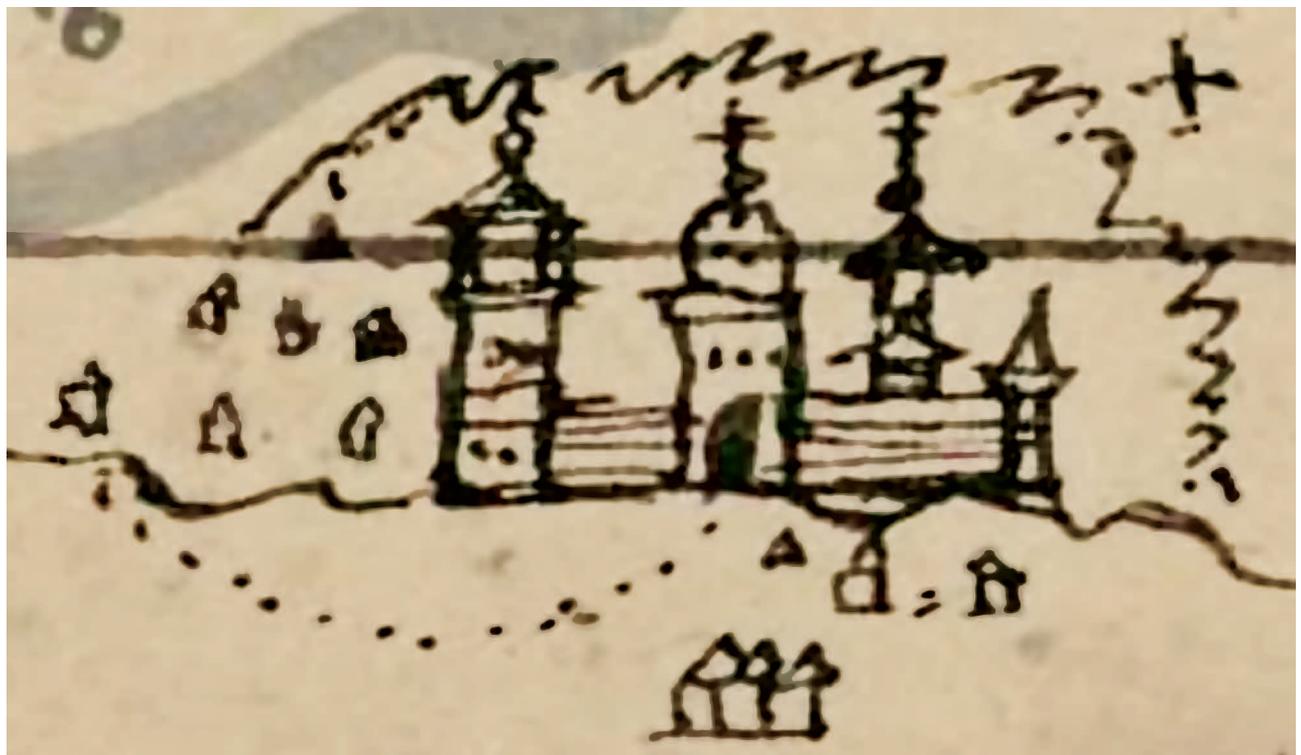
Но сначала предположительно о том, откуда он был родом...

В «Переписной книге служилых людей Енисейского уезда 1669 (177) г.» содержатся, в том числе, имена вышеназванных главных основателей Селенгинска и Удинска пятидесятника Гаврилы Ловцова и десятника Осипа Васильева,

последующего градостроителя этих поселений сына боярского Ивана Поршенникова и рядового служилого человека «Тараско Офонасьева Усольца» с обозначением места его службы — в Селенгинском остроге: «(л. 284). Енисейские дети боярские <...>. (л. 288) **Иван Поршенников, детей у него Ивана нет.** <...>. (л. 287) пятидесятники. <...>. **Гаврило Ловцов, детей у него нет, а служит Гаврило в Селенгинском остроге.** <...>. Десятники. <...>. **Оска Васильев Толмач, детей у него Оски нет, в нынешнем во 177 [1669] году послан с переписными книгами к Москве.** (л. 323). <...>. Рядовые служилые люди <...>.

ге, — коллективное послание царю его первооснователей и поселенцев, датированное «1666 г. не ранее марта 26», то однозначно устанавливается, что Тарас Афанасьев был не только первопоселенцем Селенгинска и Удинска, но и их сооснователем. Вот соответствующие строки: «И в нынешнем, великие государи, во 174 году сентября в 30 день (1665 г. — Э.Д.) я Осипко Васильев [с] служилыми людьми с товарищи из нового Селенгинского острогу тех мунгальских послов к вам, великим государем, к Москве послал, а с ними, послами, отпущены Енисейского острогу пятидесятник казачей Гаврилко

Главный фасад Селенгинского острога на карте «Река Селенга с урочищи» в «Хорографической чертежной книге» С.У. Ремизова 1697–1711 гг.

Тараско Офонасьев Усолец, служит в новом Селенгинском остроге»²⁵.

Очень много могут рассказать даже эти несколько строк из енисейской переписи. Прежде всего дата переписи — 1669 г., при основании Селенгинского острога и Удинского зимовья в 1665 г., уже позволяет причислять Тараса Афанасьева к числу селенгинских первопоселенцев. А если привлечь для уточнения один из самых первых документов, составленный в только что построенном Селенгинском остро-

Ловцов да служилые люди Петунька Фофанов да Федька Иванов Вятчанин, да охочих казаков десятник казачей Тимошка Григорьев, да с ними ж **отпущен толмачем служилый человек Тараско Афанасьев»²⁶.** Значит, в год основания Селенгинского острога и Удинского зимовья — 1665-й — Тарас Афанасьев уже служил здесь в качестве толмача.

В вышеприведенном извлечении из енисейской переписи обратим внимание на трехчленные наименования служилых людей ря-

дом с двухчленными. Совершенно очевидно, что в случаях с Осипом Васильевым и Тарасом Афанасьевым к их именам и фамилиям (или отчествам) в качестве третьего члена добавлены прозвища: у Васильева, по особому характеру его казачьей службы — «Толмач», у Афанасьева, по месту — из которого он прибыл в Енисейск, — «Усолец», т. е. из Усоля.

Просматривая ту же енисейскую переписную книгу, можно обнаружить и других выходцев из Усоля (основано в 1606 г. на месте слободы Новое Усолье как центр солеварения; стало главным селением Строгоновых на Каме): «Васка Сидоров Усолец», «Гаврилко Игнатъв Усолец» и др.; а также и прозвища от мест прибытия: «Пинежанин» — из Пинеги, «Вычагжанин» — из Вычегды, «Устюжанин» — из Великого Устюга, «Тобол» — из Тобольска и др.

А вот почему у того же толмача Тараса Афанасьева стоит прозвище по месту, откуда он прибыл на енисейскую службу, а не по особому характеру служения, можно объяснить тем, что первое произошло незадолго до его участия в селенгинском предприятии енисейских казаков — градостроении на берегах Селенги, когда эта информация была еще свежа и имела какое-то значение, а его толмаческие возможности еще значимо не проявились. К этому добавлю, что четырехчленные наименования служилых людей не употреблялись.

Таким образом, селенгинский толмач Тарас Афанасьев был одним из сооснователей и первопоселенцев Селенгинского острога и Удинского зимовья. Достаточно обоснованно можно считать, что происходил он из прикамского Усоля.

А вот откуда был родом его грамотный однофамилец «**Ивашка Афанасьев**», который в числе первооснователей селенгинских поселений за себя и других «руку приложил» (т. е. расписался) под общим посланием²⁷ царю, датируемым «1666 г. не ранее марта 26», судить не представляется возможным. Не исключается, что он мог быть близким родственником Тараса Афанасьева. Очевидно, о нем же идет речь в отписке 1679 г. селенгинского воеводы Ивана Власова в Сибирский приказ о товарах, оставленных Николаем Спафарием у селенгинского служилого человека Ивана Афанасьева,

в которой называется и «Ивашкова вдова Прасковья»²⁸. Упомяну также, что в селенгинской переписной «Книге 1683 года» назван еще один однофамилец или возможный родственник — рядовой казак «Мишко Офонасьев», а служилые люди с такой фамилией встречаются в селенгинских переписях и далее²⁹.

О самом начале селенгинского толмаческого служения Тараса Афанасьева выше уже упомянуто. Можно предполагать, что началось оно с самых первых дней пребывания отряда енисейских казаков во главе с пятидесятником Гаврилой Ловцовым и десятником Осипом Васильевым на селенгинских берегах, когда настоятельно потребовалось устанавливать контакты с иноязычным местным населением и монгольскими соседями.

Документально подтверждается непосредственное участие толмача Тараса Афанасьева в очень значимых в начальной истории первых русских поселений на Селенге делах — налаживании из новопостроенного Селенгинского острога дружественных отношений с монгольскими соседями — «мунгальским царем Кукан-ханом» (халхаским феодалом Дашихунтайджи), который при самом первом в год основания Селенгинского острога (1665) визите к нему «Оски Васильева с служилыми людьми пятью человеки», после, можно сказать, международных переговоров согласился направить своих послов к русскому царю в Москву.

В приводимом далее извлечении из отписки в Сибирский приказ вышеназванного енисейского воеводы от 14 августа 1666 г. эти пять служилых людей поименно не называются, но можно предполагать, что среди них был и толмач Тарас Афанасьев, подтверждением чему служит тот факт, что в составе сопровождения монгольских послов, отправленных в 1665 г. в первый раз Осипом Васильевым из Селенгинского острога в Москву, он упомянут, на что выше уже обращено внимание. В повторном же, в 1666 г., в составе посольства Гаврилы Ловцова к монголам толмач Тарас Афанасьев отмечен особо. Вот это очень важное, но, к сожалению, малоизвестное сегодня извлечение, касающееся самых первых селенгинских посольских дел:

«Государю царю и великому князю Алексею Михайловичу <...> холоп твой Васка Го-

лохвастов челом бьет. <...> И в нынешнем, великий государь, во 174 году, августа в 3 день (1666 г. — Э.Д.), приплыли в Енисейский острог <...> пятидесятник казачей Гаврилко Ловцов, да **толмач Тараско Афонасьев**, да служилые люди Пятко Фофанов, Ивашко Тюхин, да охочий казак Тимошка Григорьев, а с собой привезли от мугалского царя Кукана кана послов дву человек, Бодой Зорюкту шуленгу, Домок Кулюк зайсан, и мне холопу твоему пятидесятник Гаврилко Ловцов в съезжей избе в распросе сказал <...>. И из нового Селенгинского острогу десятник казачей Оска Васильев с служилыми людьми пятью человеки ездили к мугалскому царю Кукану кану <...> и мугалский де Кукан хан тебе великому государю учинился послушен и послал к тебе великому государю <...> к Москве с листом и с дарами, послов... И как де он Оска с теми мугалскими послы пришел в новой Селенгинской острог, он де Гаврилко с теми послы из нового Селенгинского острогу пошел к тебе великому государю к Москве по последнему осеннему пути, и доехал де до Иркутцкого острогу и в Иркутцком де остроге зазимовал; и в нынешнем де во 174 году, весною, после Христова дни недели с две, те мугалские послы <...> от него Гаврилка бежали безвестно; <...> и он де Гаврилко с товарищи из Иркутцкого острогу воротился назад в новой Селенгинской острог, и из того де острогу ходил он Гаврилко к мугалскому царю Кукану кану, с **толмачем с Тараском Афонасьевым**, да служилым человеком с Федкою Вяткою, и мугалского де царя Кукана кана съехали на кочевье в степях, не доезжая каменного его города, и под твою великого государя царскую высокую руку его Кукана хана призывал и **толмачу** де он Гаврилко говорить велел: толко де он мугалский Кукан кан своими улусными людьми тебе великому государю послушен не будет, и на него де Кукана кана будут твои великого государя многие ратные люди, и о побеге де первых послов <...> он Гаврилко сказывал, что де они из Иркутцкого острогу своровав сбежали; и он де Кукан кан говорил ему Гаврилку: те де послы, что посланы были от него Кукана кана с Оскою Васильевым <...> в его землю не бывали, и помня свое прежнее слово он Кукан кан, радея быть под твою великого государя царскую рукою, послал с ним

Гаврилком других послов Бодой Зорюкту шуленгу, Домок Кулюк зайсан с листом и с дары»³⁰.

Во второй раз Гаврила Ловцов со своими спутниками, включая толмача Тараса Афонасьева, и новыми монгольскими послами отбыл из Селенгинска 27 июня 1666 г. И, как уже упомянуто выше, из Енисейского острога «тех мунгалских послов» енисейский воевода 14 августа 1666 г. «отпустил <...> к Москве с ними ж с пятидесятником с Гаврилком Ловцовым, да с **толмачем с Тараском Афонасьевым**, до с служилыми людьми с Пятком Фофановым, с Ивашком Тюхиным, да с охочим казаком с Тимошкою Григорьевым». Добрались они до Москвы только в начале января 1667 г., а уже 2 апреля того же года вышла «Грамота енисейскому воеводе Кириллу Яковлеву об объявлении селенгинским служилым людям «царского милостивого слова»³¹, которая была доставлена в Селенгинский острог вместе с долгожданным жалованьем и вознаграждением его первооснователям и поселенцам. И селенгинскому толмачу Тарасу Афонасьеву тоже адресовалось это, вообще впервые забайкальским казакам высказанное, царское «милостивое слово» — высшая в то время государственная похвала простым служилым людям...

Следующее дошедшее до нас упоминание о селенгинском толмаческом служении Тараса Афонасьева содержится в наказной памяти енисейскому сыну боярскому И.М. Перфирьеву, отправляемому в 1668 г. из Енисейска через Селенгинск к монгольскому хану Даши-хунтайджи (Кукану-хану) для приведения его к шерти (присяге) и для проведывания путей в Цинскую империю, где указывалось: «А как он, Иван, поедет к Калке-хану, и с собой взять пятидесятника Гаврила Ловцова да **толмача Тараса Афонасьева** и служилых людей, сколько человек пригоже»³².

Селенгинское толмаческое служение Тараса Афонасьева непрерывно продолжалось. Однако проследить его год за годом не представляется возможным из-за утраты древнейшей части селенгинского архива. Но можно ожидать, что какие-то следы его служения еще обнаружатся в пока неопубликованных древних актах, хранящихся сегодня в самых разных архивах.

Сразу из двух древних актов — «Отписки тобольского воеводы В.П. Большого Шереме-

твева в Посольский приказ о желании посла Ундур-гегена Манжита-ламы принять православие»³³ и «Выписки в доклад, составленной в Посольском приказе, и расспросных речей служилых людей по поводу просьбы монгольского посла Манжита-ламы принять православие»³⁴ — устанавливается, что в 1675 г. Тарас Афанасьев пребывал в Москве, очевидно, при Посольском приказе. Во втором акте читаем: «А в распросе **толмач Тараско (Афанасьев — Э.Д.)** сказал. — В прошлом де во 184 году, как были на Москве мунгальские посланцы, а он приставлен у них был для толмачества».

Возможно, к тому же пребыванию в Москве относится упоминание о нем в грамоте 1675 г. монгольского Тушету-хана царю Алексею Михайловичу с требованием возвращения пленных, к которой приписано: «А переводил тот лист тобольский сын боярской Павел Кульвинской. **А толмачили** тобольской городской калмыцкой толмач Богдашка Неустроев да **селенгинский толмач Тараско Афонасьев**. К сему переводу вместо толмача Богдашка Неустроева по ево велению к сему переводу... **селенгинсково толмача Тараса Афонасьева** по велению енисейский пятидесятник Афонька Коренев руку приложил. Павел Кульвинской руку приложил»³⁵. Из этих строк следует, что селенгинский толмач Тарас Афанасьев писать не умел.

Особенно напряженным, а нередко и смертельно опасным было толмаческое служение Тараса Афанасьева (как и других селенгинских толмачей) в 1680-е гг. — период обострения русско-монгольских и русско-китайских отношений.

В 1682 г. селенгинский приказчик, казачий пятидесятник Федор Андреевич Кряж посылал Тараса Афанасьева к монгольским владельцам для сыска отгонных лошадей и скота. Приказчик так пишет иркутскому воеводе И.Е. Власову об этом весьма ответственном поручении: «В нынешнем во 190 году августа в 4 день <...> посылал в Мунгалы к пяти тайшам к Кукановым детям для мирного поставления **толмача Тараска Афонасьева** да служилых людей Захарка Герасимова с товарищи и для сыску отгонного конного табуна и рогатого скота. И они, мунгальские пять тайшей, по посольству своему помирились и тот отгонный скот, сыскав, отда-

ли 50 лошадей конного табуна, а рогатого скота 22 скотины. И помиряся, те тайши у **толмача Тараска Афонасьева** взяли правду и велели божитца на том, что де от вас убойства и погрому не было. А для подлинного переговору и мирного поставленья прислали в Селенгинской посланцов своих о том, что велели им, посланцом своим, те мунгальские тайши в Селенгинском за себя и за своих улусных людей дать правду на том, что впредь бы им в миру по-прежнему и служилых людей не побивать, и табунов не отгонять»³⁶. Из приведенных строк очевидно следует, что толмач Тарас Афанасьев, возглавляя это посольство, успешно справился с порученным ему в тех условиях очень нелегким, дипломатического свойства делом, поиздержав даже и свои личные средства, о возмещении которых он потом просил.

Еще два древних акта с упоминанием толмаческого служения Тараса Афанасьева относятся к 1684 г., в который приказчик Селенгинского и Удинского острогов сын боярский Иван Перфирьев (Перфильев), замещавший здесь селенгинского (и иркутского тоже) воеводу стольника И.Е. Власова, передаст управление названными острогами сыну боярскому Ивану Поршенникову.

Вот что писал иркутский письменный голова Леонтий Кислянский енисейскому воеводе кн. Константину Щербатову: «В нынешнем во 192 году (1684) в январе месяце ездили ис Селенгинска для скотиной покупки в Мунгалы селенгинские служилые люди **толмач Тараско Афонасьев** с товарищи. <...> И приехав де они из Мунгал в Селенгинск <...> в приказной избе сказали: слышали де они у мунгальских людей про воинские китайские вести и за своими руками подали <...> они, **Тараско** с товарищи, скаску <...>. А в сказке написано: У мунгальского де тайши у Дунбена (?) в улусах слышил он, **Тараско**, от Дунбенова кянара Кицу: был де он Кицу в Китайском государстве и ис Китайского де при нем Кицу пошли многие воинские люди на бусах (?) очищать своей земли и в нем де к тем людям в Китайском государстве в прибавку людей прибывает и мунгальских де людей китайской богдохан с собою призывает на помощь, чтоб де русских людей из своих земель выгонять, и впредь бы де нигде руским людям в их землях

не быть и для того де совету от всех мунгальских ханов и тайшей отпущены в Китай дети их и лутчие люди. А как они, **Тараско** с товарищи, поехали из Мунгальской земли в Селенгинск и по то де время те их хановы люди и тайшины дети ис Китайского царства не бывали».

Эта крайне важная для безопасности российского Забайкалья информация заключена следующим: «Да и то де ему, **Тараску**, Цинбеков кянар Кыцу сказал, что мунгальские де ханы и тайши в том совете с китайским богдо ханом быть не хотят и ссоры великих государей с людьми чинить не хотят же и иные де мунгальские люди в тайне говорят те ж речи, а прямая ж де та их речь, или ложная, про то он, **Тараско**, сказать не ведает. Да он же **Тараско** сказал: мунгальский де Очирдар кутухта говорил ему, **Тараску**, хочет де он послать от себя к Москве посланцов своих и тех де его посланцев пропустят ли к Москве и чтоб де он, **Тараско**, о том к нему ведомость послал, а он де **Тараско** против тово ему Кутухте сказал: про то де он, **Тараско**, не ведает, а ведают де про то начальные люди. И том де, он, **Тараско** доложит начальным людям»³⁷.

Доставленные толмачом Тарасом Афанасьевым в январе 1684 г. стратегически важные сведения о сношениях маньчжуро-китайцев с монгольскими владельцами по поводу нападения на русские остроги и о пропуске маньчжурских войск через Монгольскую землю енисейский воевода К.О. Щербатов почти дословно повторит в своей того же года отписке в Сибирский приказ³⁸.

На переднем крае приближающегося прямого военного конфликта в селенгинском пограничье исполнял свою службу в эти годы селенгинский толмач Тарас Афанасьев. Свидетельством этому служат строки из предупреждающей «Отписки иркутского писмянного головы А.Л. Горчакова верхоленскому воеводе И.А. Андрееву о требовании Тушету-хана Чухунь Дорджи вернуть ему верхоленских ясачных братских людей и тунгусов»: «Писали ко мне в-Ыркуцкой из Селенгинского приказной человек енисейский сын боярской Иван Поршенников, а в отписке ево написано. — В нынешнем же де во 194 году (1685) декабря в... день ездили из Селенгинского в Мунгальскую землю к Кутухте и к Сайн Очирой-кану (Тушету-

хан Чухунь Дорджи. — Э.Д.) служилые люди **толмач Тараско Афанасьев** с товарищи для торжишков своих. И Сайн де Очирой-кан присылал с ним, **Тараску** с товарищи, людей своих для переговоров, а на переговоре де они говорили. — Очирой де их Сайн-кан приказал ему, **Тараску**, выговорить, чтоб де они, **Тараско** с товарищи, в Селенгинском ему, Ивану Поршенникову, сказали: Сайн Очирой-кану нынешние весны отдадут ли братцких людей и тунгусов, которые платят великим государям ясак в-Ыркуцком и в Тункинском, и Верхоленском, и в Балаганском, в острогах? А буде тех брацких людей и тунгусов не отдадут, и их де Очирой Сайн-кан пошлет войское и велит де тех братцких людей и тунгусов взять в Монгольскую землю нечестно. А называет де он, Очирой Сайн-кан, тех брацких людей и тунгусов прежними своими ясачными людьми»³⁹.

Эта угроза главного монгольского феодала, подстрекаемого маньчжуро-китайцами, была вполне реальной, вскоре она воплотится в нападении многочисленных монгольских войск на Селенгинский и Удинский остроги, в попытке прорваться к Байкалу и дальше... В это же самое почти время русский острог Албазин на Амуре с малочисленным (всего 826 человек) и плохо вооруженным гарнизоном, осажденный 6,5-тысячным маньчжуро-китайским войском с 40 пушками, защищался из последних сил. Помочь ему военными силами было практически нечем и неоткуда. И только дипломатическим путем и в экстренном порядке еще можно было попытаться предотвратить гибель защитников острога и потерю важнейшего русского форпоста на Амуре, каким считался и был на самом деле тогда Албазин... Для русского правительства это было очень тяжелое решение, ведь Китай мог потребовать потом очень больших уступок, но в тех условиях это была последняя надежда спасти не только многострадальный Албазинский острог и его защитников, но и все русские владения за Байкалом. Можно сказать, что под Албазином решалась тогда судьба, в том числе, Селенгинского и Удинского острогов...

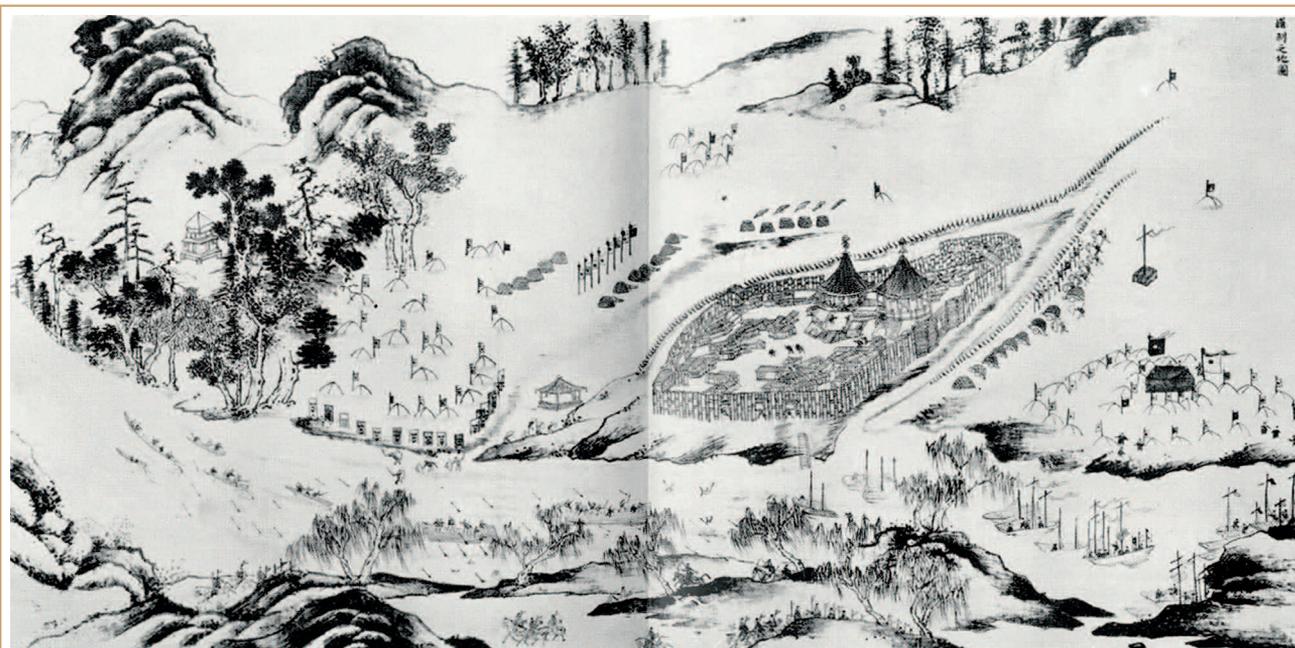
Русским правительством было принято тяжелое решение срочно известить Пекин о согласии Москвы начать переговоры по мирному

договору и просить в связи с этим остановить военные действия маньчжуро-китайцев против русского Албазина на Амуре. Подьячим Посольского приказа Никифору Венюкову и Ивану Фаворову было поручено без промедления ехать с «великих государей грамотою к китайскому хану в гонцах». Был выбран самый короткий маршрут через Сибирь к Селенгинску, а далее по уже известному русским пути⁴⁰ через монгольские владения вышеназванного Очирой Сайн-хана и Кутухты (Ундур-геген — Лубсан Дамба-Джамцан, глава ламаистской церкви в Монголии, брат Тушету-хана Чихунь Доржи).

В этой ответственной дипломатиче-

В Селенгинский острог посланцы приехали 1 августа, а уже на следующий день «из Селенгинского к Кутухте и к хану послали **толмача Тараса Афанасьева** да двух человек служилых людей и наказали с ними Кутухтиным и хановым ближним людям говорить, что по указу великих государей посланы они Никифор и Иван, к китайскому хану с их царского величества грамотою о великих надобных делах наскоро, а путь их лежит чрез их землю, и чтоб он, Кутухта, и хан им, Никифору и Ивану, до Китайского государства дал корм и подводы и провожатых, и чрез свою землю пропустил без задержания. Да и к хану их от царского величества с ними

Китайский рисунок, изображающий осаду Албазина (из архива библиотеки Конгресса США)

ской миссии Венюкова и Фаворова селенгинский толмач Тарас Афанасьев принял самое непосредственное участие, что документально зафиксировано в «Статейном списке посольства подьячих Н.Д. Венюкова и И. Фаворова в Цинскую империю». Из этого малоизвестного сегодня документа устанавливается, что гонцы 6 апреля 1686 г. добрались до Енисейска, далее им нужно было плыть по воде. Из-за отсутствия мест на предоставленном им судне енисейский воевода С.А. Собакин велел им «взять **толмача из Селенгинского Тараса Афанасьева**, и о том с ними, Никифором и Иваном, в Селенгинский к приказному к Ивану Поршенникову писал»⁴¹.

грамота о пропуске и о вспоможении есть же. Августа в 16 день **толмач Тарас Афанасьев** в Селенгинской приехал, и говорил. — О чем де они, Никифор и Иван, Кутухтиным и хановым ближним людям с ним, **Тарасом**, приказывали, о том он, **Тарас**, тем ближним людям говорил. И ближние люди то их предложение Кутухте и хану донесли. И Кутухта де и хан и ханов брат Батур-контаяша, услыша о поезде их в Китай, послали с ним: Кутухта — гичюла своего Лабзона, хан и Батур-контаяша — служилых мунгал Боко-кошучю да Чичика Мергеня»⁴².

О малоизвестных сегодня дальнейших обстоятельствах выполнения этой важнейшей

государственной значимости миссии и настоящим подвигом двух других селенгинских казаков подробно рассказано в нашем очерке «Жили-служили Ивашко да Пашко (Как селенгинские казаки спасали легендарный Албазин на Амуре)»⁴³. Тогда именно этот кратчайший путь и сознательность селенгинских служилых людей помогли спасти легендарный Албазин. Двое из этих казаков — Иван Матвеевич Шарапов и Павел Бушков, сопровождавших гонцов до Пекина, и из него уже, через китайские владения, принесут осажденным албазинцам спасительную весть об остановке враждебных действий против них китайцев. Потом они проследуют через Забайкалье и Байкал к вынужденно зимовавшему в Рыбенском остроге (на пути движения в Забайкалье) полномочному послу Ф.А. Головину, чтобы в подробностях рассказать обо всем этом...

Снова вернусь к деятельному участию в этом спасении русского Албазина, а может быть, и всего Забайкалья, селенгинского толмача Тараса Афанасьева.

Вот что сообщал в Рыбенск послу Головину приказной Селенгинского острога Иван Поршенников: «В прошлом во 194 году (1686. — Э.Д.) августа в 1 день ваши великих государей посланные в Китайское государство Государственного Посольского приказа подьячие Никифор Венюков и Иван Фаворов в Селенгинск приехали, Августа [1] день он де, Иван, посылал от себя в Мунгалы к кутухте нарочных посыльщиков служилых людей **толмача Тараска Афанасьева** с товарищи, 3 человек, для означения тех посланных и гово-

рить о пропуске их. И те де служилые люди и **толмач Тараско Афанасьев**, от кутухты приехав, сказали, что де кутухта тех ваших великих государей посланных Никифора Венюкова и Ивана Фаворова в Китаи от себя отпустить и подводы хотел дать безо всякого задержания с провожатыми. И он де, Иван, дав тем вышепомянутым посланным подводы, да провожатых 30 человек казаков из Селенгинского острогу до китайской границы, да **толмача Тараска Афанасьева**,

отпустил из Селенгинска августа в 18 день»⁴⁴.

А из последующих страниц «Статейного списка <...>» Венюкова и Фаворова узнается, что при очень непростом следовании гонцов через монгольские владения Тарас Афанасьев продолжал выполнять роль дипкурьера⁴⁵, а затем проследовал с гонцами в Пекин. Особенно показательны для его деятельной роли и высокого к нему доверия строки из описания дипломатического приема русских гонцов китайским ханом:

«А хан (Сюань Е, Канси, цинский император. — Э.Д.) сидел на соболях <...> и то место высоко будет, степеней с 5. Хановы ближние люди сидели по обе стороны в 4 ряда на полу <...>. Да против

хана с обе стороны сидело человек по 15, а Никифор и Иван сидели в ряд с теми ж ближними людьми с правую сторону от хана и по правую сторону ближних людей. А служилые люди сидели позади поодаль. А перед палатою сидели в один ряд чиновные ж люди. И всего было в палате ближних и пред палатою чиновных людей с 500 человек и больша <...>. Стол был пред ханом в той же палате, в которой был и Нико-

Цинский император Сюань Е (Канси)

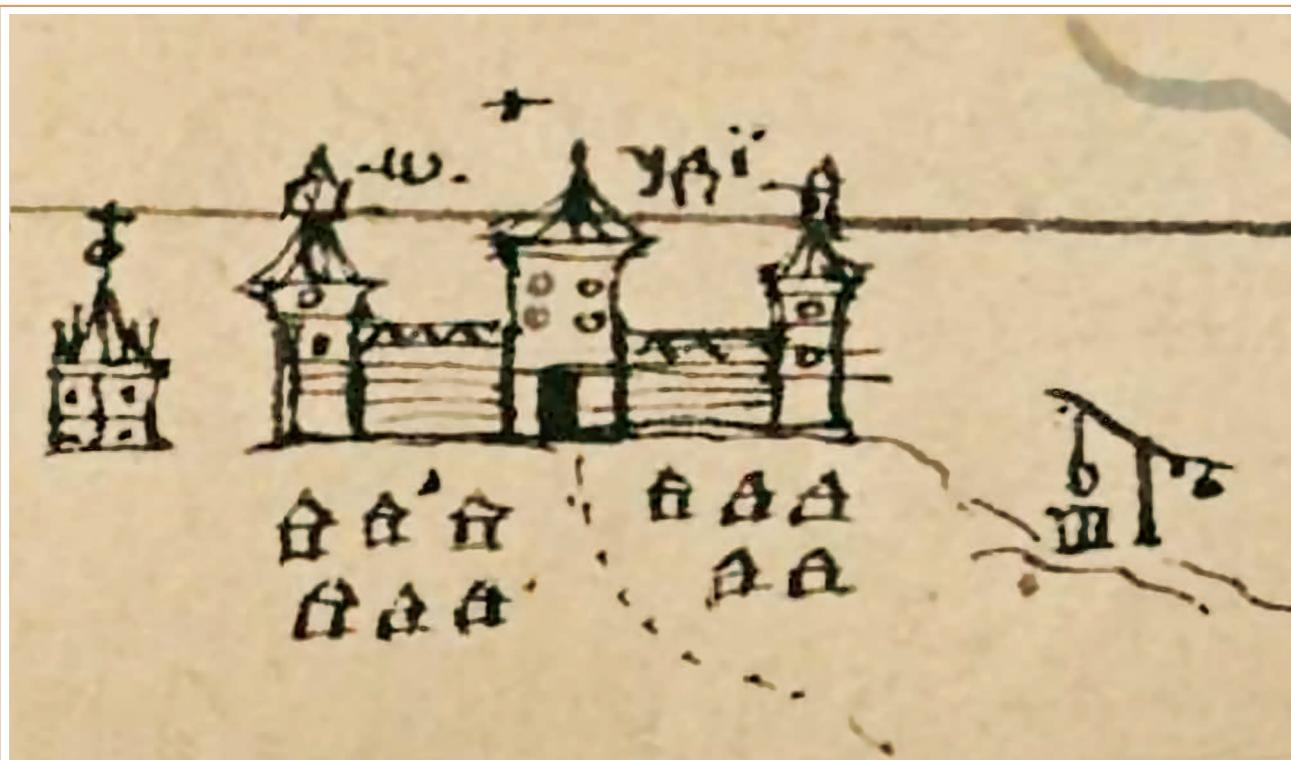

лаю Спафарию. <...> Да у стола ж пред ханом с Никифором и Иваном были подъячей Алексей Ларионов, пятидесятников 2 человека, десятников 2 ж человека, **толмач Тарас Афанасьев**. И **Тарас** за столом не сидел, стоял близ Никифора и Ивана с осканямою (асхань и амбань, асханьяма, маньчж. — член совета министерства. — Э.Д.)»⁴⁶. Очевидно, что на этом высоком императорском приеме Тарас Афанасьев не просто у «стола» стоял, а с помощью рядом с ним стоящего китайского чиновника, владевшего, как можно предположить, монгольским языком, переводил для русских гонцов разговоры.

станет одним из главных его местных помощников и будет продолжать оставаться им на протяжении всего периода пребывания посла в Забайкалье — почти двух лет подготовки мирного договора в Удинске и Селенгинске и во время его заключения в 1689 г. в Нерчинске.

Перед приездом Головина, в апреле 1687 г., толмач Тарас Афанасьев сопровождал сына боярского Василия Перфирьева в поездке из Селенгинска к «хутухте в ургу»⁴⁷.

А в сентябре 1687 г. к полномочному послу Головину, находившемуся уже в Удинске, прибыли посланцы «от кутухты и от Ачирой

Главный фасад Удинского острога на карте «Река Селенга с урочищи» в «Хорографической чертежной книге» С.У. Ремизова 1697–1711 гг.

Особенно много сведений о служении селенгинского толмача Тараса Афанасьева содержатся, как уже отмечено, в «Статейном списке...» полномочного посла Ф.А. Головина. Именно этот древний свод исторических документов можно считать основным источником сведений о беспримерном по значимости и длительности толмаческом служении Тараса Афанасьева. Из него устанавливается, что после прибытия в сентябре 1687 г. Головина в Удинск и Селенгинск толмач Тарас Афанасьев

Саин-хана и от иных тайшей гичул Лодой Сенга с товарищи» для переговоров и торгу. К этим прибывшим монгольским посланцам «для переводу мунгальского листа» посылались «подъячей приказу Малые Росии Семен Васильков да **толмач Тараска Афонасьев**. А великих и полномочных послов того листа переводить было некому, для того что переводчика (письменных посланий. — Э.Д.) мунгальского языка с Москвы не послано, а в даурских острогах не ссысано». В конце того же сентября эти монгольские го-

сти готовы были ехать домой и «прислали к послом посланцы селенгинского **толмача Тараска Афонасьева**, чтоб их послы велели отпустить и быть у себя на отпуску вскоре». После прощального потчевания на приеме у посла Головина, одаренные и снабженные провизией на дорогу, монгольские посланцы были отпущены из Удинска «с **толмачом Тараском Афанасьевым**» через Селенгинск в свои пределы.

На встречах Головина с этими монгольскими посланцами, помимо предстоящих русско-китайских посольских дел, обсуждались и острые вопросы русско-монгольских отношений: «И посланцы говорили: брацкие люди, которые ушли и живут в стороне царского пресветлого величества, и тех де людей им отдать великие государи им, полномочным послом, указали. И великий и полномочный посол говорил: которые де брацкие мужики есть в стороне их царского пресветлого величества, и те брацкие люди живут и ясак платят великим государем, их царскому пресветлому величеству, из давних лет и никогда под кутухтиним и хановым владением не бывали»⁴⁸. Ход этих переговоров (с 24 по 30 сентября) подробно изложен не только в «Статейном списке...» Головина, но и в отдельном «Статейном списке переговоров в Удинском остроге полномочного посла Ф.А. Головина с монгольскими посланцами Ундур-гегена и Тушету-хана Чихунь Доржи гецулом Лодой Сенге с товарищами»⁴⁹.

Но история с этими монгольскими посланцами отнюдь не закончилась. Пока их принимали в Удинске, другие «мунгальские люди» в разных местах, в том числе из-под Удинска отогнали у жителей, стрельцов и казаков многих лошадей, немало рогатого скота и верблюдов. Поэтому был «послан а погоню в Селенгинский острог за мунгальскими посланцы Селенгинского острогу **сын боярской Демьян Многогрешный** (ссылный в Селенгинск запорожский гетман⁵⁰. — Э.Д.), а велено ему, Демьяну, догнав в Селенгнску мунгальских посланцев выговорить».

Демьян Многогрешный, догнав посланцев в Селенгинске, назвал им все «воровские» дела, в том числе и то, что «преж приезде в Удинск великого и полномочного посла мунгальские воровские люди на приезде у **селенгинского**

служилого человека у Ивашка Шарапова украли 4 лошади да ис под Удинска угнали 8 лошадей». На что «посланцы ему **Демьяну**, говорили, что о той мунгальских их людей неправде и воровстве они учинят геген-кутухте и Очирой Саин-хану».

Но памятуя, что до того в ответ на требования о возвращении сворованного и наказания виновных имели место отговорки и обманы, Многогрешный потребовал, чтобы поиском похищенного теперь же занялись сами посланцы и под присмотром Тараса Афонасьева. «И **Демьян** им, посланцам, говорил: великий и полномочный посол приказал для сыску тех лошадей и рогатого скота им, посланцам, послать своих людей, а с ними б ехать к тайшам их **толмачу Тараске Афонасьеву**; и чтоб те отгонные лошади и рогатой скот они, посланцы, сыскав велели пригнать в Селенгинский острог, и они, посланцы для сыску отгонных лошадей и скота, взяв **толмача Тараску Афонасьева** поехали сами к тайшам мунгальским в табулицкии улусы».

А далее события развивались так: «Октября в 18 день приехал в Удинский острог **толмач Тараска Афонасьев**, который посылан был с **сыном боярским Демьяном Многогрешным** к мунгальским посланцам и взят был у них, мунгальских посланцов для сыску отгонов, которые лошади отогнаны ис под Удинскаого острога. И тех отгонных лошадей пригнал он, **Тараска**, которые ему отдали табулицкие тайши, 25 лошадей, да з другой стороны Селенги-реки, что отогнаны в то же время, 30 лошадей». Пригнав только часть украденного, **Тарас Афанасьев** рассказал, что монгольские посланцы как могли помогали ему.

Проведенный тогда ими совместный розыск воспринимается сегодня как настоящий степной детектив: посланцы взяли Тараса «да с ним служылых людей Софронка Томского с товарищи 3 человек, да Заб Ирдени-зайсана для подлинного розыску»; от Заб Ирдени-зайсана посланцы потребовали найти и вернуть украденное; тот отвечивал, что разыскивал у себя и того не нашел, послав их «к большому своему брату Ахаю-зайсану»; Ахай-зайсан сказал, что у него нет похищенного и, дав им своего сыщика, отправил обратно к Заб Ирдени-зайсану, велев ему отдать отогнанное; Заб Ирдени-зайсан

того не отдал и «во всем заперся», хотя «они де, **Тараска** и служилые люди, отгонные лошади и верблюды и скот у него, Заб Ирдени, видели за розными русскими пятны, да и многие мунгальские люди **толмачу** и служилым людям про те отгонные лошади и верблюды сказывали, что те отгонные лошади у него, Заб-Ирдени в улусах»; сыщики снова приехали к Ахаю-зайсану и рассказали об услышанном и увиденном; Ахай-зайсан, выслушав, ответил им, что «брат ево в том ни в чем не послушал», о чем велел сказать послу Головину; затем **Тарас** с товарищами «поехали к Чин-табуну в улусы, и в тех де улусах Заб Ердени-зайсана люди у него, **толмача**, отняли лошадь, а у служилого человека Софонка Томского на 10 рублей корольков»; когда ж монгольские посланцы, приехав к Заб Ердени-зайсану, потребовали вернуть отогнанное, тот отвечал, что «до того им дела нет», потому что «они посланы к великим и полномочным послом от кутухты для посольских дел, а не для розыску»; и посланцы от него отъехали...

В октябре того же года (1687), когда посол Головин с сопровождающими его переходил из Удинска в Селенгинск, «приехал из Мунгал Цыбдена-тайши посланец, а с собой пригнал конного отгонного табуна 35 лошадей да 20 скотин рогатого». И снова «послан навстречу к посланцу **толмач Тараска Афанасьев**»⁵¹.

О тех же «отгонных» делах писалось 8 октября (1687 г.) из посольского разрядного шатра в «Наказной памяти... енисейскому сыну боярскому И.И. Поршенникову о посылке его к главному табунгутскому тайджи Цебдену по поводу угона у казаков лошадей и скота из-под Селенгинского и Удинского острогов». В ней, в том числе, указывалось: «И ехати ему из Удинского острогу в Селенгинской острог наскоро и взять в Селенгинском остроге с собою 4-х человек служилых людей да **толмача Тараска Афанасьева** и ехать в мунгальские улусы потому ж, не мешкая, со всяким опасение, проводывая про всякие ведомости накрепко, и чтоб, будучи в дороге, над ним воровские люди какова дурна не учинили»^{51а}.

А в «ноября в 11 день великим и полномочным послом, окольничему и наместнику брянскому Федору Алексеичу Головину с товарищи извещал словестно **толмач Тараско**

Афонасьев: приехали де из Мунгалов от Цыбдена-тайши да от табунуцких от Ахая да от Заб Ердени посланцы бакчей да Несхой да Куджерей с товарищи, 5 человек, и стоят де те посланцы, не доезжая Селенгинска, в полверсте». И посол «тех посланцов ему, **Тараске**, велел принять и поставить на постоянный двор. И велел сказать, что будут они, посланцы, у великого и полномочного посла на приезде сего числа».

Принимая этих посланцев, посол Головин снова резко выговаривал им о предыдущем розыске и отгонах: «Да послан был **толмач Тараско Афонасьев** из Удинского за посланцы гичюл Лодой Сенгою с товарищи до Селенгинска говорить о отгонных лошадях, которых отогнали ис под Удинска при отпуске их, Лодой Сенги с товарищи, они табунуты. И он де Лодой Сенга того **толмача** брал с собою в табунуты для подлинного розыску к Дзяб Ирдени-тайше и, говоря де Дзяб Ирдени-тайше о тех отгонных лошадях, поехал к кутухте. И он де, Дзяб Ирдени, ево, гичюла, ни в чем не послушал и розыску никакова не учинил. И **толмач Тараско Афонасьев** для сыску тех коней в улусе у Дзяб Ирдени остался, и у Дзяб Ирдени того **толмача били неведомо за что ево улусные люди**, да у товарища ево, **Тараскина**, у селенгинского казака отняли корольков на 10 рублей, а у него, **Тараска**, лошадь. И он, Дзяб Ирдени, о том бою и грабежу учинил розыск; и что сыщет взятого, велел отдать, также и достальные отгонные лошади, сыскав, прислал»⁵². «**Толмача били неведомо за что**», ограбив его и товарища, — это далеко не все, что угрожало тогда и потом русским посланцам в переговорах с монголами, о чем далее.

В ноябре 1687 г. послом Головиным направлен был из Селенгинска с листом «в китайские города и к ближним китайского хана людям ис посольских дворян жилец Степан Коровин <...>. Да с ним же, Степаном, послан для письма Павлова полку Грабова сотенный Якушка Якимов, **толмач Тараско Афонасьев**, служилых людей для оберегательства 30 человек»⁵³. Это было второе уже участие селенгинского толмача Тараса Афанасьева в русском посольстве в Китай. Из тех же древних актов выясняется, что во время длительного отсутствия главного толмача его заменял еще один замечательный по казачьему служению «селенгинского остро-

гу толмач **Ивашко Шаратов**», о который будет упоминаться и далее.

Степан Коровин, посланный в Китай через монгольские земли, чтобы сообщить о прибытии в Забайкалье посольства Головина, вынужден будет восемь недель дожидаться «в улусе у мунгальского геген-кутухты» разрешения следовать дальше. Здесь у него сбежит «китайский полоненик Говеддейка», которого везли, чтобы передать только китайским властям, и толмач Тарас Афанасьев будет посылаться «в юрту к приставу Лапсон Дайчин-гичюлу», а потом и «в ургу к геген-кутухте» с извещением об этом и требованием сыскать и вернуть беглеца⁵⁴.

Возвращаясь уже из Китая, Степан Коровин в монгольских землях узнает очень важную для посла Головина и безопасности всего Забайкалья весть, которую «де он, **Тараско**, и иные служилые люди слышали в мунгальских людех: с калмыцкую де сторону Бушукту-хан вверх по Оркону-реке мунгальских людей воюет и многие городки их побрал». Известился Коровин также еще и о том важном, что в связи с этим к послу Головину срочно едут китайские послы. Коровин тут же с пути послал Тараса Афанасьева и служилого человека Ивана Иванова с соответствующим письмом к Головину, которые, прибыв 21 июля 1688 г. в Селенгинск (из которого Головин уже переместился в Удинск), в «приказной избе» все это рассказали «тоболенину» Ивану Качанову и передали письмо Головину. Это письмо тут же было отправлено в Удинск к Головину с селенгинскими казаками Семеном Красноярром и Кирилом Урлюковым⁵⁵.

Замечу к этому, что более полные извлечения из статейного списка Степана Коровина об этой поездке в Китай с упоминаниями тех же дел толмача Тараса Афанасьева содержатся в названном в таблице сборнике документов 2000 г. по русско-монгольским отношениям^{55а}.

Примечания

1. *Оглоблин Н.* Сибирские дипломаты XVII века (Посольские «статейные списки») // Исторический вестник. – СПб., 1891. – Т. XLVI. – С. 156–157.

2. *Демин Э.В.* Удинск. Очерки начальной истории, нераздельной с Селенгинском. – Улан-Удэ, 2014. – 242 с.

3. *Демин Э.В.* Селенгинские казаки — толмачи и дипломаты. – Улан-Удэ, 2013. – 100 с.: ил.

4. *Демин Э.В.* Селенгинские первопоселенцы и родооснователи // Демин Э.В. «Золотая россыпь» Селенгинска. Историко-краеведческие очерки. – Улан-Удэ, 2010. – Т. 2. – С. 30–32.

5. *Демин Э.В.* Тайны древнего некрополя // Молодежь Бурятии. – 1992. – 17 июля. – С. 5; *Он же.* Селенгинский дипломат Василий Фирсов // Там же. – 31 июля. – С. 4; *Он же.* Фирсовы из града Селенгинского. Дозорщик забайкальской границы Григорий Фирсов // Там же. – 2008. – 9 июля (№ 28). – С. 16; 16 июля (№ 29). – С. 16; *Он же.* Фирсовы из града Селенгинского. Директор китайских караванов Ерофей Фирсов // Там же. – 23 июля (№ 30). – С. 16; 30 июля (№ 31). – С. 16; 6 августа (№ 32). – С. 16.

Общий очерк о селенгинских казаках Василии Фирсовиче Хлуденеве (Василии Фирсове), его отце Фирсе Хлуденеве, сыновьях Григории, Ерофее, Иване и их служении Отечеству см.: *Демин Э.В.* Казаки Хлуденевы-Фирсовы в служениях Отечеству // *Демин Э.В.* «Золотая россыпь» Селенгинска... – Т. 1. – С. 92–120.

6. *Демин Э.В.* Удинск. Очерки начальной истории, нераздельной с Селенгинском... – С. 117–119.

7. *Оглоблин Н.* Сибирские дипломаты XVII века (Посольские «статейные списки»)... – С. 156–157.

8. Там же.

9. [*Миллер Г.Ф.*] О первых российских путешествиях и посольствах в Китай // Ежемесячные сочинения к пользе и увеселению служащие. – СПб., 1755. – Июль. – С. 17.

10. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. – М.: Рус. яз., 1978. – Т. 1. – С. 412.

11. *Силаев И.А.* Н.Н. Оглоблин как исследователь сибирской дипломатической службы XVII в. [Электрон. ресурс]

12. *Оглоблин Н.Н.* Сибирские дипломаты XVII века (Посольские «статейные списки») // Исторический вестник. – 1891. – Т. 46; Обзорение столбцов и книг Сибирского приказа (1592–1768) / сост. Н.Н. Оглоблин. – М., 1895. – Ч. 1: Документы воеводского управления; Обзорение столбцов и книг Сибирского приказа (1592–1768) / сост. Н.Н. Оглоблин. – М., 1901. – Ч. 4: Документы центрального управления.

13. *Бурыкин А.А.* О практике общения русских землепроходцев с коренным населением северо-востока Азии в середине и второй половине XVII века // Якутия — форпост освоения северо-востока Сибири, Дальнего Востока и Русской Америки (XVII–XX века). – Якутск: ЯФ Изд-ва СО РАН, 2004. – С. 35–44.

14. *Бурыкин А.А.* Языковая ситуация в Западной Сибири в XVI–XVII вв. и практика общения русских служилых людей с коренным населением: этнические, социальные,

гендерные аспекты двуязычия в исторической динамике // Словцовские чтения-2006 : материалы конф. – Тюмень, 2006. – С. 158–161.

15. *Воинский Т.* Толмачи-первопроходцы [Электрон. ресурс]

16. *Люцидарская А.А.* Толмачи-нокрещены (из истории межэтнических контактов в Сибири) // Проблемы археологии, этнографии... – 2010. – Т. XVI. – С. 401–404.

17. *Люцидарская А.А.* Толмачи в Сибири. Период начала колонизации территории // Гуманитарные науки в Сибири. – 2011. – № 3. – С. 27–31; То же (анонс)... [Электрон. ресурс]

18. Там же. – С. 29.

19. *Демин Э.В.* Селенгинские казаки — толмачи и дипломаты... – С. 81, 82.

20. Статейный список Ф.А. Головина... // Русско-китайские отношения в XVII веке: материалы и документы. 1686–1691. – М.: Наука, 1972. – Т. 2. – С. 241–245.

21. *Шастина Н.П.* Русско-монгольские посольские отношения XVII века. – М., 1958. – С. 125, 127, 128.

22. *Богуславский В.В.* Тарас Афанасьев // *Богуславский В.В.* Славянская энциклопедия. XVII век. – М.: Олма-Пресс, 2004. – Т. 1. – С. 75, 76 [Электрон. ресурс]

23. *Акишин М.О.* О роли толмачей в осуществлении внешнеполитических функций Русского государства в Сибири в XVII в. // Присоединение Сибири к России: Новые данные : материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. – Тюмень : Изд-во Тюмен. гос. ун-та, 2014. – С. 45–47.

24. Там же. – С. 42, 43.

25. Переписная книга служилых людей Енисейского уезда 1669 (177) г. [Электрон. ресурс]

26. 1666 г. не ранее марта 26. — Отписка десятника енисейских казаков О. Васильева с товарищами в Сибирский приказ о постройке Селенгинского острога, о монгольских послых и Китайском государстве // Русско-монгольские отношения. 1654–1685. Материалы и документы / сост. Г.И. Слесарчук. – М., 1996. – С. 131.

27. Там же. – С. 133.

28. Между 1679 г. сентября 1 и 1681 г. августа 31. — Отписка селенгинского воеводы И. Власова в Сибирский приказ о товарах оставленных Н.Г. Спафарием у селенгинского служилого человека Ивана Афанасьева // Русско-китайские отношения в XVII веке. Материалы и документы. 1608–1683. – М., 1969. – Т. 1. – С. 470, 471.

29. *Найдёнов Н.А.* Сибирские города. Материалы для их истории XVII и XVIII столетий. Нерчинск. Селенгинск. Якутск. – М., 1886. – С. 44.

30. 1665 30 сентября – 1666 августа 14. — Отписки казачьего десятника Осипа Васильева енисейскому воеводе Василью Голохвастову и отписка означенного воеводы царю о построении Селенгинского острога и о снабжении служилых людей оружием, хлебными и другими запасами и проч. // Дополнения к актам историческим. – СПб., 1853. – Т. 5. – III. – С. 53, 54; То же // Русско-монгольские отношения. 1654–1685. Сборник документов. – М., 1996. – С. 143–145; То же // Сборник документов по истории Бурятии. XVII век. – Улан-Удэ, 1960. – Вып. 1–111. – С. 232, 233.

31. 1667 г. апреля 2. — Грамота енисейскому воеводе Кириллу Яковлеву об объявлении селенгинским служилым людям царского милостивого слова и о произведении досмотра и описи острога, вновь построенного на реке Селенге // Дополнение к актам историческим. – СПб., 1853. – Т. 5. – С. 175–178; То же // Сборник документов по истории Бурятии. XVII век. – С. 233–237.

32. 1668 г. февраля 15. — Наказная память, данная из Енисейской приказной избы енисейскому сыну боярскому И.М. Перфирьеву о поездке к монгольскому хану Даши-хунтайджи для приведения его к шерти и для проведения путей в Цинскую империю // Русско-китайские отношения в XVII веке. Материалы и документы. – М., 1969. – Т. 1. – С. 261.

33. 1676 г. не ранее мая 19. — Отписка тобольского воеводы В.П. Большого Шереметьева в Посольский приказ о желании посла Ундур-гегена Манжита-ламы принять православие // Русско-монгольские отношения. 1654–1685. Сборник документов. – М., 1996. – С. 300.

34. 1676 г. апреля 1. — Выписка в доклад, составленная в Посольском приказе, и расспросные речи служилых людей по поводу просьбы монгольского посла Манжита-ламы принять православие // Там же. – С. 301–303.

35. 1675 г. ранее июля 9. — Грамота монгольского Тушету-хана царю Алексею Михайловичу с требованием о возвращении пленных и с отказом, в противном случае, пропустить русских послов и торговых людей в Цинскую империю // Русско-китайские отношения в XVII веке. Материалы и документы. – М., 1969. – Т. 1. – С. 470, 471.

36. 1682 г. августа между 4 и 19. — Из отписки селенгинского приказчика Ф.А. Кряжа иркутскому воеводе И.Е. Власову о поездке толмача Т. Афанасьева к монгольским тайджи для сыска отгонных лошадей и скота // Русско-монгольские отношения. 1654–1685... – С. 393, 394.

37. 1684 г. не ранее марта. — Отписка иркутского письменного головы Леонтия Кислянского воеводе енисейскому кн. Константину Щербатову с вестями о намерении богдойских людей идти на Селенгинск и Нерчинск // Сборник документов по истории Бурятии. XVII век... – С. 263, 264; То же // Дополнение к актам историческим. – СПб., 1869. – Т. 11. – С. 71, 72; То же // Русско-монгольские отношения. 1654–1685... – С. 397.

38. 1684 г. не ранее июня 12. — Из отписки енисейского воеводы К.О. Щербатова в Сибирский приказ о сношениях маньчжуров с монгольскими тайджи по поводу нападения на русские остроги и о пропуске монгольских войск через монгольскую землю // Русско-монгольские отношения. 1654–1685... – С. 420.

39. 1685 г. не ранее марта 2. — Отписка иркутского письменного голову А.Л. Горчакова верхоленскому воеводе И.А. Андрееву о требовании Тушету-хана Чухунь Дорджи вернуть ему верхоленских ясачных братских людей и тунгусов // Там же. – С. 439.

40. *Демин Э.В.* Селенгинская дорога — первый караван. (Первые плаванья по Селенге и Хилку и предистория Кяхтинского торгового пути). – Улан-Удэ, 2013. – 67 с., ил.

41. 1685 г. декабря 11 – 1687 г. июля 17. — Статейный список посольства подьячих Н.Д. Венюкова и И. Фаворо-

ва в Цинскую империю // Русско-монгольские отношения. 1685–1691. Сборник документов. – М., 2000. – С. 28.

42. Там же. – С. 29, 30.

43. Демин Э.В. Жили-служили Ивашко да Пашко (Как селенгинские казаки спасали легендарный Албазин на Амуре) // Байкал. – 2012. – № 5–6. – С. 211–229.

44. 1686 г. не ранее ноября 15. — Отписка полномочного посла Ф.А. Головина в Посольский приказ об отпуске жильца С.Я. Коровина к Ундур-гегену с письмом и подарками // Русско-монгольские отношения. 1685–1691... – С. 75–77; Статейный список Ф.А. Головина. 20 января 1686 г. – 10 января 1691 г. // Русско-китайские отношения в XVII веке. Материалы и документы. 1686–1691... – Т. 2. – С. 103.

45. 1685 г. декабря 11 – 1687 г. июля 17. — Статейный список посольства подьячих Н.Д. Венюкова и И. Фаворова в Цинскую империю... – С. 35.

46. Там же. – С. 60.

47. Статейный список Ф.А. Головина. 20 января 1686 г. – 10 января 1691 г... – С. 154, 155.

48. Там же. – С. 186, 187, 189.

49. 1687 г. сентября 24–30. — Статейный список переговоров в Удинском остроге полномочного посла Ф.А. Головина с монгольскими посланцами Ундур-гегена и Тушету-хана Чихунь Доржи гецулом Лодой Сенге с товарищами // Русско-монгольские отношения. 1685–1691... – С. 84–95 (Упоминания Тараса Афанасьева на стр. 91,92,95).

50. Демин Э.В. Селенгинские тайны опального гетмана // Байкал. – 1987. – С. 126–133; Он же. 290 лет со дня смерти Д.И. Многогрешного // Знаменательные и памятные даты по Бурятии на 1993 год. – Улан-Удэ, 1992. – С. 54–56; Он же. Селенгинская «украина» гетмана Многогрешного: К 300-летию в 2003 г. его кончины в Селенгинске // Троицкое слово Забайкалья. – Улан-Удэ, 2003. – № 3. – С. 43–62; Демин Э.В. Селенгинская «украина» гетмана Многогрешного // Демин Э.В. «Золотая россыпь» Селенгинска. Историко-краеведческие очерки. – Улан-Удэ, 2009. – Ч. 1. – С. 35–54, 278–282; Он же. Происхождение: монгол Бароно сын Имегена // Байкал. – 2011. – № 6. – С. 145–182; Он же. То же [с существенными дополнениями]. – Улан-Удэ, 2013. – 70 с., ил.; Он же. Свидетельство древней карты (Происхождение: монгол Бароно сын Имегена) // Байкал. – 2013. – № 6. – С. 165–172.

51. Статейный список Ф.А. Головина. 20 января 1686 г. – 10 января 1691 г... – С. 196, 197, 199, 200, 202.

51а. 1687 г. октября 8. — Наказная память, данная из разрядного шатра Ф.А. Головина енисейскому сыну боярскому И.И. Поршенникову о посылке его к главному табунгутскому тайджи Цебдену по поводу угона у казаков лошадей и скота из-под Селенгинского и Удинского острогов // Русско-монгольские отношения. 1685–1691. Сборник документов... – С. 95–100.

52. Статейный список Ф.А. Головина. 20 января 1686 г. – 10 января 1691 г... – С. 206, 228.

53. Там же. – С. 212.

54. Там же. – С. 258, 259.

55. Статейный список Ф.А. Головина. 20 января 1686 г. – 10 января 1691 г. ... – С. 292, 293, 295; 1688 г. июня не позднее 21. — Отписка тобольского служилого челове-

ка И.Р. Качанова полномочному послу Ф.А. Головину с известием о скором прибытии в Селенгинск цинских послов, жильца С.Я. Коровина и о войне Галдана Бошухту-хана с монгольскими тайджи // Русско-монгольские отношения. 1685–1691. Сборник документов... – С. 158.

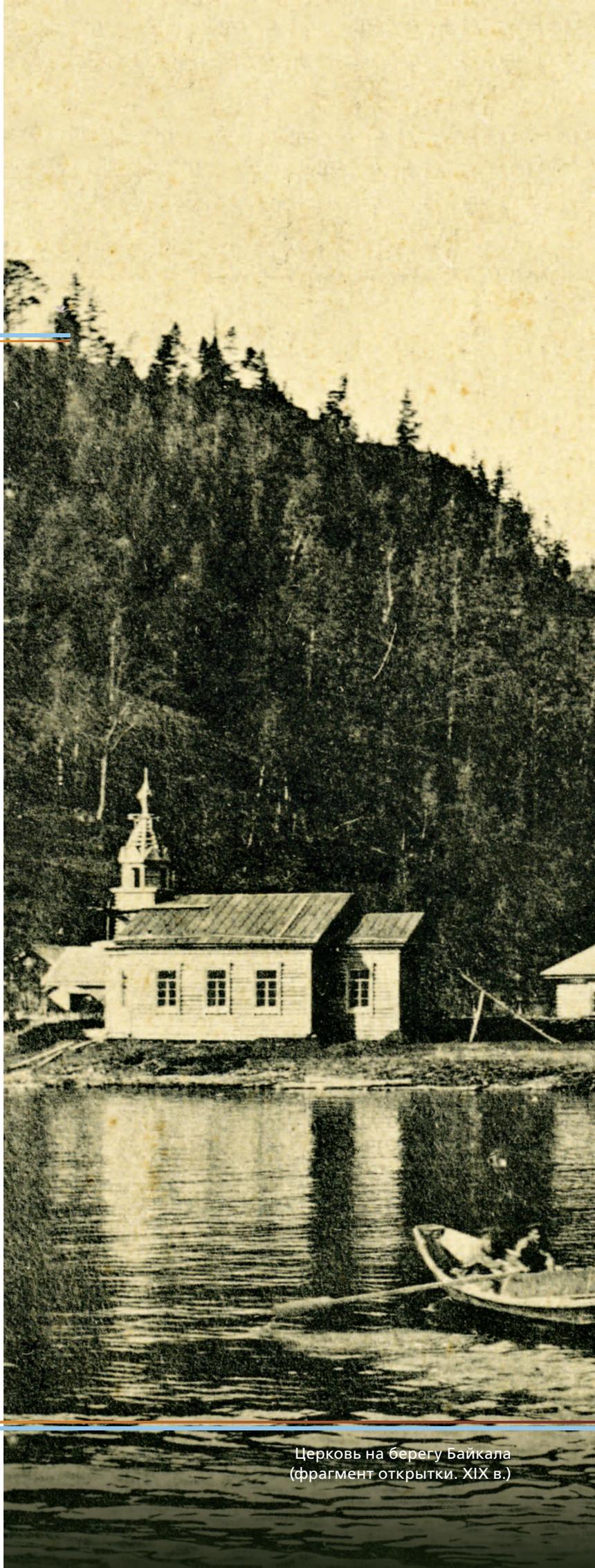
55а. Между 1687 г. ноября 20 и 1688 г. июля 28. — Из статейного списка посольства жильца С.Я. Коровина в Цинскую империю. — Пребывании русского посла в монгольских улусах // Русско-монгольские отношения. 1685–1691. Сборник документов... – С. 107, 108, 112, 113.

Продолжение следует

- **БАЙКАЛЬСКАЯ
ОБИТЕЛЬ ЛЮБВИ**
Посольский монастырь
и архимандрит Николай
Наталья Вертлиб

- **ПОСОЛЬСКИЙ МОНАСТЫРЬ
И МИССИЯ ЗА БАЙКАЛОМ**
Протоиерей Евгений Старцев

Церковь на берегу Байкала
(фрагмент открытки. XIX в.)

БАЙКАЛЬСКАЯ ОБИТЕЛЬ ЛЮБВИ

Посольский монастырь и архимандрит Николай

Наталья Вертлиб

Потому что наша брань не против крови и плоти, но против начальств, против властей, против мироправителей тьмы века сего, против духов злобы поднебесных.

Послание к Ефесеям (6:12)

Пролог беседы

Вечером впечатлилась прочитанной историей об оптинском схииеримандрите Агапите. Автор жития старца Амвросия, высокообразованный и одаренный человек, в конце жизни страдал старческим слабоумием. Старец Нектарий открыл будущему митрополиту Вениамину (Федченкову), что это — результат Божьего попущения за многократное отречение отца Агапита от общественного служения. «Батюшка, примите совет на всю вашу жизнь; если начальники или старшие вам предложат что-нибудь, то, как бы трудно или даже как бы высоко ни казалось это вам, не отказывайтесь. Бог за послушание поможет». Поэтому, когда на следующее утро раздался звонок отца Евгения и он категоричным тоном объявил, что мне следует срочно отправиться в Посольск, в Спасо-Преображенский мужской монастырь, чтобы встретиться с архимандритом Николаем и записать беседу с ним для альманаха «Иркутский Кремль», из моих сведенных от ужаса челюстей не вырвалось ни стенания, ни вопля протеста, а только вопрос: «Когда ехать?»

Для сего примите всеоружие Божие, дабы вы могли противостать в день злый и, все преодолевши, устоять. Итак станьте, препоясавши

чресла ваша истиною, и облекшись в броню праведности, и обувши ноги в готовность благовествовать мир; А паче всего возьмите щит веры, которым сможете угасить все раскаленные стрелы лукавого; и шлем спасения возьмите, и меч духовный, который есть слово Божие.

Послание к Ефесеям (6:13–17)

— Собирайся, мы едем в Посольский монастырь, — сообщаю своей отроковице.

— Не хочу!

— Да ты что?! Это же боевое спецзадание!

— Почему боевое?

— Да ведь мы, православные, — Христово воинство. Христос — наш Царь и Священник. Святые, небесная Церковь воинствующая — его генералы. А монахи — наш спецназ. Вот мы и едем в горячую точку, в монастырь, чтобы взять интервью у командира спецназа — архимандрита Николая.

— Что-то он на спецназовца не похож. Мы же их на параде видели.

— Да ведь мы ведем борьбу не против плоти и крови, а против духов злобы поднебесной. Так апостол Павел сказал. А монахи, чтобы сражаться с силами зла на стороне Бога, облачаются в специальные доспехи. Мантию — броню правды, клобук — шлем спасения. Вооружаются четками — мечом духовным. А крест служит щитом от стрел лукавого.

— А кто у нас главный покровитель?

— На Байкале — Николай Чудотворец, Угодник Божий. Он берега священного озера везде крепостями-храмами укрепил и там своих военачальников поставил: в Листвянке — батюшка Николай служит, в Порту Байкал — отец Николай, в Култуке — отец Николай, а в Посольске — целый монастырь, и там — отец Николай. Он этот монастырь из руин поднимал, а теперь дальше поедет — новые храмы на Байкале строить.

Недолгие сборы и «буря помышлений сумнительных»: не смогу, не оправдаю, да куда тебя, Хавронья, понесло в калашный ряд?! Послали бы лучше Бегемота, он обаятельный. И вообще, мы — художники, другим полушарием думаем — не словами, а как собака сны видит. С другой стороны, раз батюшка Евгений благословил, все получится. Велел же читать на церковнославянском, и читаем, как миленькие. Как говорит Авва Дорофей: «Блаженное послушание и отсечение своей воли избавляет человека даже и от смерти». С этими благими мыс-

лями прекращаю ропот и нытье. Под мягкое покачивание поезда засыпаю. Святителю отче наш Николае, моли Бога о нас!

В 5 утра солнце уже шлет на землю золотые лучи. Кончилось царство тьмы! В окне пробега-ет залитая утренним светом зацветающая степь. Местами распластались по ней облака — туман. Солнце просвечивает сквозь полупрозрачную, пронзительно зеленую майскую листву, золотит веселые кудрявые горы. Скроется за тучами — горные хребты хмуро ощетируются. У подножия гор мелькают разноцветные домики в яблонево-кружеве. И везде — черемуха, черемуха, черемуха! Белеет одинокими сгустками пены среди степи, красуется на фоне синих гор и темно-зеленых сосен, вскипает обильной пеной вдоль стремительных рек. О моя ненаглядная Сибирь, что может быть тебя краше!

В мори путие Твои и стези Твои в водах многих. И следы Твоя не познаются. Наставил еси яко овцы люди Твоя, рукою Моисеевою и Ааронею.

Псалтирь (76:21)

Прибыв в Улан-Удэ, садимся в маршрутку. Впереди — вожделенный Посольск. Читаем историческую справку.

...В 1681 году по приказу царя Феодора Алексеевича Собором русских церквей была отправлена в Даурию, так тогда называли Забайкалье, первая православная Даурская духовная миссия. Цель миссии озвучена в царском приказе «...Приехав в Даурию, в Селенгинском и иных Даурских городах и острогах иноверцев всяких к вере истинной православной христовой призывать, поучая от Божественного писания со всяким тщанием и крестить во имя Отца и Сына и Святого Духа и приводить к тому иноверцев без тщеславия и гордости, с благоучительным намерением... чтобы иноземцев чем не отлучить и святого дела не отвратить». Одновременно с центральным Троице-Селенгинским монастырем монахи стали возводить Посольскую обитель. Миссию в составе 12 человек возглавлял игумен Феодосий — человек высокой духовной жизни. С ним прибыл его постриженник и верный сподвижник отец Мисаил (Трусов). Он был назначен «заказчиком», по со-

временным понятиям, благочинным Забайкалья. То есть приходилось объезжать огромную территорию — на лошадях, пешком, по воде. Жить среди враждебно настроенных раскольников и язычников. Да и ссыльные лихие люди ради наживы ничем не брезговали. Двое служителей миссии — иеромонах Серафим и монах Иосаф — значатся убиенными. При каких обстоятельствах это произошло, неизвестно, можно только строить предположения.

В 80 лет отец Мисаил, а он уже был в то время в сане архимандрита, просился на покой. Но некем было заменить такого опытного священника. До 106 лет работал во славу Божию, совершая апостольское служение. Почил в возрасте 112 лет. Святитель Иннокентий, епископ Иркутский, почитал старца Мисаила и получал от него духовное окормление.

Яко возвеселил мя еси, Господи, в творении Твоем, и в делех руку Твоею возрадуюся.

Псалтирь (91:5)

Любуемся пейзажами из окна маршрутки. Проплывают величественными темно-зелеными волнами горы. Тянутся с их вершин в небо стройные сосны. Такие на себе возили монахи прибывшей миссии. Строили часовню. К ней в 1700 году прирубили алтарь, соорудив настоящую церковь. Освящена она была во имя Пресвятой Богородицы Честного Ея Знамения. Потом из таких вот сосен строили корабли. С возведением монастыря это место превратилось в крупнейший морской порт на Байкале. Для удобства переправы вблизи монастырских стен был сооружен маяк, указывавший проход в залив Прорва. Маяк представлял собой костер из дров на высоком помосте...

Как это символично. Монастырь — тоже маяк, для заблудившихся в «житейском море, воздвигаемом зря напастей бурею. <...> Свет монахам суть ангелы. Монахи же суть свет для всех человеков» (*преподобный Иоанн Лествичник*).

Стремятся ввысь стройные сосны. Между золотисто-рыжими стволами мелькает фиолетовое небо. Выше оно синее, делается прозрачным и, наконец, приобретает неподражаемый цвет «рублевского голубца», каким писал

преподобный Андрей одеяния Святой Троицы. В безбрежной сини плывут белоснежные курдючные облака. Мчатся по волнам гор синие тени облаков. У подножия гор, подражая белизною и формой облакам, колышутся волны черемухи.

Господи!.. Ты!.. Самый!.. Чудный!.. Художник!..

Видеша Тя воды, Боже, видеша тя воды и убояшася; смятошася бездны.

Псалтирь (76:17)

Неожиданно и резко лето прекращается. Сухие, рыжеющие прошлогодней травой равнины. Голые, еще не распустившиеся деревья. Все выжжено пронзительными холодными ветрами и зимней стужей. Справа замелькала между ветвями пронзительная синь. Вот оно — суровое священное море, Байкал.

Тяжело жилось в обители первым подвижникам Слова Божия. Их жизнь была, воистину, аскетичной. «А денег из нашей Великого государя казны на строение монастырское им не дано... а питатца тем монахам нечем и литургии служить нечем же» (из донесения Г.А. Осколкова). Господь направил в помощь братии купца Григория Афанасьевича Осколкова. Комиссар торгового каравана в Китай, талантливый государственный деятель (добился разрешения китайского императора на отправку в Пекин постоянной Российской духовной миссии), благочестивый христианин, Григорий Афанасьевич долгое время являлся единственным благотворителем монастыря. Он построил кельи для братии и настоятельские покои. Подарил свою деревеньку Дворецкую с 35 лошадьми. Приобрел книги, колокола, заказал резной иконостас и золото для него. Главной же мечтой было возведение первого в крае каменного собора в честь Преображения Господня. Получив «благословенную грамоту», Осколков заготовил для этих целей 300 тысяч штук кирпичей и известь. Однако дело было отложено из-за распоряжения Петра I направить всех мастеровых на строительство Санкт-Петербурга. А сам купец скончался в 1714 году в Монголии, возвращаясь из Пекина с торговым караваном, и был погребен в склепе в монастырском саду.

Коль возлюблена селения Твоя, Господи Сил. Желает и скончается душа моя во двory Господни.

Псалтирь (83:2–3)

— Остановите, пожалуйста, у монастыря!

Сестринская гостиница. Обычный деревенский дом. Жарко натоплено, аж стекла запотели. Взирает Спас Нерукотворный. По стенам — иконы. На подоконниках буйствует нежная зелень рассады. На столе — благоухает букет черемухи.

Байкал сегодня против обыкновения спокоен. Мелкие волны с шипением плещутся у берега. Солнце рассыпалось по воде тысячами блесков. Колышутся, мерцают, ослепительно искрятся. Байкал смеется и играет. А на холме возвышается белоснежный-пребелоснежный, белее облаков, ослепительный монастырь. На голубых куполах сверкают золотые звездочки. И, как в сказке, в раннем детстве — радостно и таинственно: «А на маковке из звезд — православный русский крест».

Поднимаемся на холм. Среди сухой травы — одуванчики жалкие, тщедушные. Холодным октябрьским вечером на этом холме грелись у костра боярский сын Ерофей Заболоцкий с сыном и с семерыми казаками. Провожатые, обязанные охранять их по дороге в ставку хана, всё не появлялись. Устав от долгого ожидания, послы оставили под охраной дощаник, стоявший на рейде, и вышли на пустынный берег. В дощанике находилась царская казна — подарки российского государя Алексея Михайловича забайкальскому хану. И письменное согласие на просьбу хана принять его народ в подданство российское, «под свою высокую руку». Внезапно налетевший отряд всадников в 100 человек забросал не ожидающих вероломного нападения послов тучами стрел. Попытались супостаты взять приступом дощаник, но при первых выстрелах скрылись так же быстро, как и появились. Тела невинно убиенных еще долго лежали на пустынном холме под открытым небом и леденящими ветрами. Только через две недели прибывшие в сопровождении ханской охраны посланцы миссии смогли предать их погребению.

Заходим в ограду. Кресты у могильных холмиков пристально смотрят в байкальскую даль. Белая часовенка. Мемориальная доска: «Здесь погребено тело раба Божия российского посла Иерофея Заболоцкого в 1650 году в сопутствии монгольских послов шедших с мирными предложениями к хану Сецену и вероломно на сем месте убиенного».

Кованая решетка с крупными виноградными гроздьями и листьями ведет из некрополя за монастырскую ограду.

Блажени, живущие в доме Твоем: в веки веков восхвалят Тя.

Псалтирь (83:5)

лась на стенде в первом этаже храма. Вот старинная фотография: так выглядел монастырь до разрушения. Каменные ворота в обращенной к Байкалу стене венчают три купола с позолоченными крестами. К Байкалу величественно спускается белокаменная лестница из четырех маршей по шесть ступеней.

Здесь когда-то располагалась епископская кафедра Селенгинского викариатства и центр Забайкальской духовной миссии. В марте 1868 года святитель Иннокентий, митрополит Московский, апостол Сибири и Аляски, провел здесь 15 дней, ожидая переправы. Наверное, когда он, прибыв, поднимался по лестнице, палили из пушки. При монастыре наличество-

Посольский Спасо-Преображенский монастырь (фото: www.posolsk-monastery.prihod.ru)

Ни с чем несравнимый воздух внутри монастырской ограды! Более густой, вязкий. Уже превращающийся в иную субстанцию. И время тут замедляется и густеет. И одуванчики тут большие и пушистые. Желтеют задорно у подножия белоснежного храма.

Только через 60 лет осуществилась мечта Г.А. Осколкова. На средства енисейского купца Вереткова был построен собор с двумя приделами. Верхний посвящен Преображению Господа нашего Иисуса Христа, а нижний — Знамени Пресвятой Богородицы. Для постройки использовались те самые кирпичи...

Вся 365-летняя история святыни разместилась

вала артиллерия из четырех боевых пушек. Из малой медной салютовали в честь приема важных гостей.

Тут в течение семи лет проживал святитель Мелетий, впоследствии епископ Рязанский, посвятивший пятнадцать лет своей жизни Забайкалью и составивший жизнеописание Чикойского подвижника преподобного Варлаама.

На следующем фото представлены монастырские руины. Так выглядела обитель, когда сюда приехал отец Николай, тогда еще послушник. Вот отец Николай уже игумен. Стоит, взявшись за голову, видимо, думает, с какой стороны за все это братья.

Сегодня архимандриту Николаю не удалось выкроить время для беседы. Слишком много дел у главы монастыря. Интересно, какой он, этот человек, облеченный бременем власти и бесчисленных забот?

Как это, жить среди непрестанно завывающих ветров в месте, где зимой и летом, единая форма одежды — пуховик? А молитвенные правила, а пощения, бдения, искушения, особые нападения?..

Разглядываю отца Николая на фотографиях. Он внимательно наблюдает за всем из-под низко надвинутого на глаза клобука. Сам при этом как будто остается незаметным. Клобук монашеский, как шапка-невидимка, надвинул на глаза — и исчез.

Ибо мы, ходя во плоти, не по плоти воинствуем; оружия воинствования нашего не плотские, но сильные Богом на разрушение твердынь: ими ниспровергаются замыслы и всякое превозношение, восстающее против познания Божия, и пленяем всякое помышление в послушание Христу...

2-е Послание к Коринфянам (10:3–5)

Наконец, отец Николай сумел выкроить время и встретиться с нами...

* * *

— Батюшка, благословите... Расскажите, пожалуйста, об истории монастыря.

— В 1648 году хан Цецен отправил посольство в Москву, с прошением к русскому государю принять свой народ в российское подданство. Возглавил посольство сподвижник хана Седик. Не то что бы Цецен-хан очень мечтал стать российским подданным, но он был мудрым правителем и реально оценивал маньчжурскую угрозу. Чтобы защитить свой народ от порабощения, он предпочел стать под «высокую руку» белого государя. В ответ была отправлена посольская миссия, возглавляемая Ерофеем Заболоцким. С ним следовал 14-летний сын Кирилл и казаки. Но пока послы добрались до Забайкалья, Цецен-хан скончался. Преемники хана не являлись продолжателями его политики. Беззащитные гости были зверски убиты выскочившим с по-

бедными криками из леса вооруженным отрядом.

— Да. Тут раньше вокруг густой лес стоял. Вырубили во время войны.

— В советские времена часовня над некрополем убиенных послов была снесена. В 2000 году, когда началось восстановление монастыря, стали искать место захоронения. Благодаря деятельности Людмилы Лобовой, ведущего архитектора Бурятии, были проведены раскопки. Обнаружили два гроба в одной могиле. Гробы дорогие, сколоченные гвоздями. Это подтвердило историю о совместном захоронении отца и сына Заболоцких. Казаки были похоронены в гробах без гвоздей, скрепленных по типу «ласточкин хвост».

Убийство послов означало фактически объявление войны. По законам степи за таким преступлением должна непременно последовать кровавая месть. Царь Алексей Михайлович болезненно воспринял донесение об убийстве членов своего посольства, но воевать не стал. Для прекращения беззакония за Байкал был отправлен отряд в триста человек для строительства острожных крепостей. Во главе отряда стал отважный землепроходец, боярский сын Петр Бекетов.

На месте гибели послов возвели часовню в честь иконы Знамения Божией Матери. Это было отражением миротворческой политики российского государя. Ведь икона Знамения — миротворческая. Свое наименование она получила в XII веке. Суздальский князь Андрей Боголюбский задумал сокрушить Новгород. Когда его войска подступили к городу, архиепископ Иоанн молился три дня и три ночи в алтаре соборного храма. И услышал Голос, повелевший взять икону Божией Матери и пройти с ней по крепостной стене. Во время крестного хода стрела попала в лик Богородицы, и из глаз ее закапали слезы. «Ты даешь нам знамение, Царица Небесная!» — воскликнул архипастырь. Вдруг в войске врага произошло смятение, и они начали поражать друг друга.

Это предыстория. А история началась с прибытием двенадцати монахов Даурской духовной миссии. Миссию возглавлял игумен Феодосий — один из основателей Санаксарского монастыря. В этом монастыре в XX веке

подвизался схиигумен Иероним, мой духовный отец. По его благословению я поехал сюда. Он сказал мне: «Кто-то должен молиться на Байкале».

— **А где этот Санаксарский монастырь находится?**

— В пятистах километрах от Мордовии.

В 1681 году в память о вероломно убиенных послых и для совершения заупокойных молитв о них была основана Свято-Никольская

— До 1900 года монастырь был мужским. После он был переорганизован в женский. Монахини из Верхотурья привезли с собой десницу святого Симеона в раке в виде серебряного креста. Есть сведения, что она хранилась в фондах Исторического музея города Улан-Удэ, но они пока ничем не подтвердились.

— **Значит, есть надежда обрести эту утраченную святыню?**

— Нам остается только молиться.

Место захоронения Ерофея Заболоцкого со товарищи у стен монастыря (www.sov.opredelim.com)

пустынь. Первыми насельниками ее были иеромонах Макарий, иеродиакон Трифиллий и монах старец Филарет.

— **А были тут схимонахи?**

— Был схимонах Иоанн. Но о нем почти ничего не известно. Только то, что он был бурят, плел сети. Монахи же тут занимались рыбным промыслом.

— **Действительно ли, что в монастыре до революции находилась десница Симеона Верхотурского?**

— **Расскажите, пожалуйста, о главных святынях обители.**

— Главное сакральное место — место захоронения убиенных послых. Вообще, обитель обладает многими святынями, в том числе у нас есть частица Честного Животворящего Креста, частички мощей Иоанна Крестителя, Иоанна Златоуста. С этими реликвиями связана интересная история. Я тогда был иеромонахом, а отец Алексей (Ермолаев), нынешний игумен Свято-Троицкого монастыря, — иеро-

диаконом. Мы готовились к службе. Надели облачения, звоним в колокола. Вдруг подъехала машина. Парни говорят, прибирали дом после смерти родителей, осталось много икон, решили отвезти их в монастырь. Открывают, действительно — полный багажник икон. Достают образ Святой Троицы, а там — три мощевика: с частицей Животворящего Креста, с частицей Иоанна Крестителя и камушки с Голгофы и места Воскресения Господа Иисуса. Вот так к нам пришел Креститель Иоанн, неся с собой Крест Господень. А мы встретили его в полном облачении и с колокольным звоном. Частицы поместили в специально для этого вырезанный кедровый крест. На Страстной седмице Великого поста и на Крестовоздвижение его выносят для поклонения верующим.

Еще одна итальянская подданная, маркиза, собирала по всей Европе частицы мощей. Когда набралось десять частичек, обратилась с просьбой к Патриарху благословить эти святыни в какой-нибудь сибирский монастырь. Патриарх благословил мощи Посольскому монастырю. В 2004 году, будучи митрополитом, будущий Патриарх останавливался в обители и не забыл о ней.

— Как жила обитель в богоборческие времена?

— Игуменья Уриила сумела зарегистрировать монастырь как артель, и в таком качестве он просуществовал до 30-х годов. Потом активисты закрыли обитель. До 1995 года тут размещался детский дом для психически больных детей. Судя по документам приемки, монастырь при передаче государству находился в идеальном состоянии. При передаче его вновь Церкви он представлял собой безнадежные развалины. Единственным местом, где можно было как-то проживать и совершать службы, являлся Никольский храм. Сейчас он находится на реставрации.

— Что вы чувствовали, принимаясь за такое дело?

— Сначала думал, вот, трудности. А потом узнал, что основатель обители — игумен Феодосий — является одновременно первостроителем Санаксарского монастыря, откуда я прибыл. Тогда увидел в этом несомненный промысел Божий.

— Расскажите о порядках в обители.

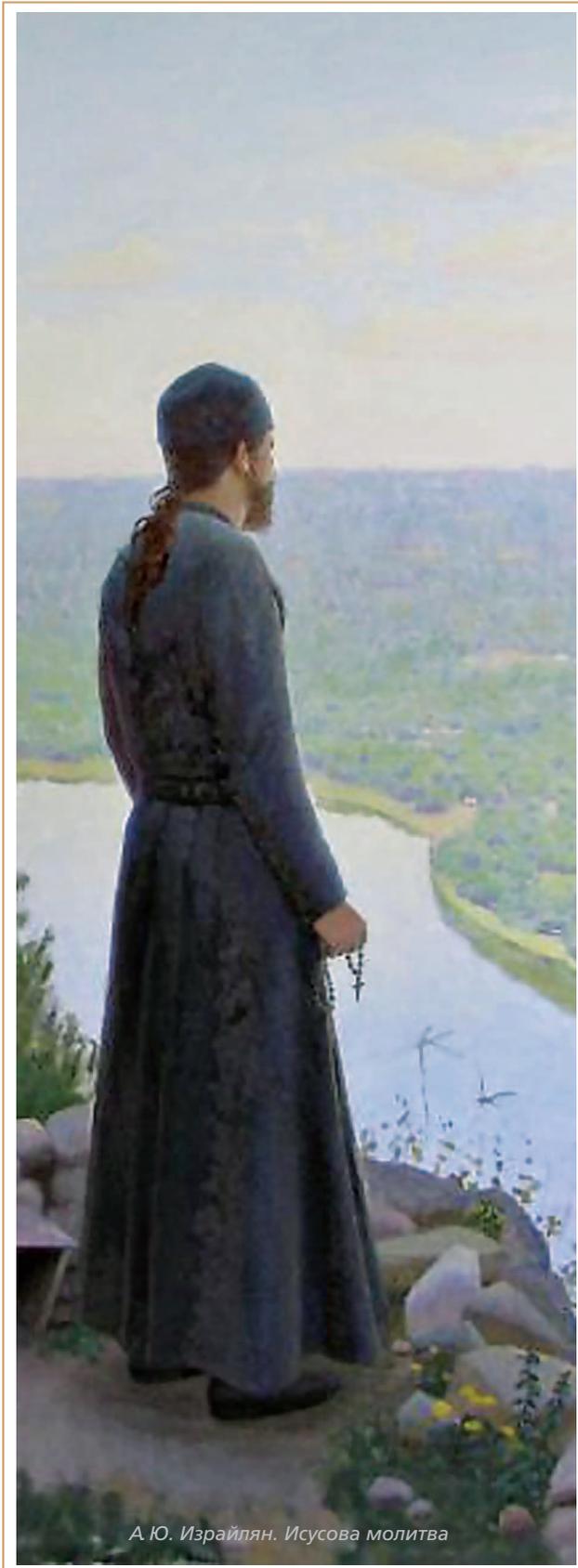
— Порядок уставной. В 5.30 — подъем, в 6.00 — братское утреннее правило, в 7.00 — литургия. После завтрака братия занята на послушаниях. После обеда отводится время на исполнение личного правила. До ужина — послушания. В 17.00 — вечерняя служба. После ужина — вечернее молитвенное правило. Отбой в 22 часа. Наш устав — общежительный. Есть еще пустынножительственный. Раньше были отшельники, и сейчас, видимо есть, но мне лично не встречались. Слишком особенный это путь. Серафим Саровский говорил: «Вы в обители сражаетесь со злыми духами, аки с голубями, а мы, в пустыне, аки со львами».

(Что можно сказать об отце Николае? Простой в обращении. Скромный. Спокойный. Сдержанно приветливый. Если не знаешь, никогда не подумаешь, что это человек, отягощенный бременем власти. В толпе он может быть незаметным. Наверное, это хорошее качество для монаха. Никак не могу подобрать слова, чтобы определить присущую ему характерность. Но если затруднительно словами выразить то, что в нем есть, легко сказать, чего в нем нет. В нем абсолютно нет никакого пафоса, актерства, лжи. Нет фальши, лицемерия, нервозности. Ни надлома какого душевного. Цельная, сильная личность. Ведь целомудрие и есть целостность души, духа и тела. Чистый лоб, широкие скулы. Спокойные ясные глаза. В них чувствуется энергия сжатой пружины, готовой к молниеносному действию.)

— Что такое монашество вообще?

— Монах, от слова «монос», что значит — один. Монах призван молиться за весь мир. Становясь монахом, человек принимает на себя ряд обетов и обязательств: в первую очередь, «отречение от мира» и, как правило, отказ от личной собственности; воздержание (целомудрие); оставление социальных и родственных связей (необязательно); подчинение строгой дисциплине. Почти для всех монахов является обязательным проживание в общежитии с выполнением строгого монастырского устава (определенных правил). Главное в монашеской жизни — молитва, богообщение и послушание.

В Четьих Минеях святителя Димитрия Ростовского в описании жития преподобного Никона, игумена Радонежского, о монашестве сказаны следующие слова: «Иноки называются

А. Ю. Израйлян. Иисусова молитва

добровольными мучениками. Святые мученики многие в один час пострадали и скончались, а иноки каждый день терпят страдания, не от мучителей, но внутри от естества собственной плоти и от врагов мысленных бывают боримы и до последнего издыхания страдают».

Кто есть монах? Монах есть тот, кто будучи облечен в вещественное и брненное тело, подражает жизни и состоянию ангелов (св. Иоанн Лествичник). Одним из главнейших аспектов монашества является послушание, беспрекословное выполнение приказов духовника или старца.

— **Что представляет собой послушание?**

Послушание — это вслушивание в волю Божию, всецелое стремление человека как можно ближе приблизить свою волю к воле Божией. И монах — это тот, кто добровольно отсекает свою волю, передавая себя и всю свою жизнь на Волю Божию. Инок обязан стремиться к достижению совершенства и полного слияния своей воли с волей Творца, чтобы уподобиться Господу Богу и Спасу нашему Иисусу Христу, Который в Гефсиманском саду молился так: «Отче Мой! если возможно, да минует Меня чаша сия; впрочем, не как Я хочу, но как Ты» (Мф. 26:39). В этой молитве проявилась, с одной стороны, естественная человеческая воля Сына Божия и естественный для каждого человека страх перед пытками и страданиями, а с другой — полная преданность воле Небесного Отца и всецелая готовность вверить свою жизнь Богу.

...Ведь, по сути, монашество не что иное как евангельский образ жизни, стремление к исполнению тех же самых заповедей, которые даны живущим в миру.

— **Охотно ли сейчас идут люди на этот подвиг?**

— За год через обитель проходит около шестисот человек. Остается — один.

— **То есть монашество — это особое призвание?**

— Иночество — это наиболее целенаправленное стремление к призыву Господа и Спасу нашего Иисуса Христа ходить «узкими вратами», к которому Он призывает всех христиан.

Как пишет Игнатий Брянчанинов, молитва — самая сложная наука и самое тонкое ис-

кусство на земле. В монастыре это самое тяжелое послушание. Новоначальные послушники говорят, что кирпичи таскать легче.

— **Что вы посоветуете современным мирянам?**

— Стремиться к совершенству.

— **В чем, по-вашему, оно заключается?**

— В любви. Жить по заповеди «Возлюби ближнего своего как самого себя». Христос сказал: «Меня любит тот, кто исполняет мои заповеди». Не надо делать людям того, чего не хотите, чтобы делали вам. Ищите причину всех своих несчастий в себе. Не надо проецировать на других свой внутренний негатив. Надо зло в себе искоренять. И помнить, что скорби посылаются нам для того, чтобы мы стали мудрее, чище, лучше. Измени себя — изменится частичка Церкви. Ведь Церковь — единое тело, а мы — его клеточки.

(Что угодно ожидала услышать от наместника монастыря... Аскезы, послушание, смирение, подвиги... А тут вот — Любовь. А сердце в глубине хотело этого, но не надеялось, даже не подозревало о своем хотении. А теперь знает, что это — Правда.)

— Из Символа Веры мы знаем, что Церковь — соборная. Кафолическая. То есть единая. Не только единственная (...верую во едину...), а еще и единая, цельная. То, что апостол Павел называет Телом Христовым — целостным организмом, клеточками которого являемся мы.

Чем характеризуется единый организм? Апостол Павел опять подсказывает: болит ли один член, весь организм страдает. Кафолическость характеризуется взаимосвязью, взаимовлиянием всех своих составляющих, то есть христиан — Тела Церкви Христовой.

Приведем определенный пример, у человека болит зуб. Как он мучается! Но позвольте узнать, почему? Это же не весь человек болят, это же болит всего-навсего один из членов его организма: какой-то там маленький зуб, подумаешь, велика важность! Но вот вылечил человек свой зуб — какое облегчение всему его телу!

Подобно этому духовное исцеление одного-единственного члена церкви приносит

огромную пользу всему организму Тела Церковного. Приносит существенно, прямо и непосредственно, а вовсе не иносказательно или в переносном смысле. «Сказываю вам, что так на небесах более радости будет об одном грешнике кающемся, нежели о девяноста девяти праведниках, не имеющих нужды в покаянии» (Лк. 15:7).

Христианские апологеты утверждают, что правильная Церковная жизнь является тем идеалом, которым должен стать весь окружающий мир и которым в возможностях мир является. Свойства идеала мира как Церкви, т. е. свойства кафоличности, в мире пребывают. Это говорит о том, что христианство смотрит на мир как на единое целое. Все в мире переплетено и взаимосвязано. И значимым положительным событием, влияющим на улучшение и совершенствование всего мира, является исцеление одного из его членов.

— **Что вы посоветуете тем, кто решил избрать путь монашества?**

— Советую изучить труды святителя Игнатия Брянчанинова. Обрести послушание Матери Церкви. Для собрания верующих Церковь является матерью. Необходимо выполнять все ее предписания. Посещать богослужение, соблюдать посты. Причащаться раз в две недели. Неделю пропускаем, следующую причащаемся. Исполнять две главные заповеди Нового Завета — возлюбить Господа и ближнего.

— **Сколько всего сейчас насельников в обители?**

— 1 архимандрит, 4 иеромонаха, 1 иеродиакон, 2 монаха, 1 послушник и 20 трудников.

— **Этого достаточно для такого монастыря?**

— Достаточно. Хотя, конечно, хотелось бы больше.

Помяните чудеса Его, яже сотвори, чудеса Его и судьбы уст Его...

Псалтирь (104:5)

— **Расскажите, пожалуйста, о каком-нибудь особо запомнившемся событии.**

— Я тогда только сделался священником. Не знал положенного этикета. Никто этому не учил. Смотрю, в храме у иконы Николая Чудотворца стоит дедушка-бурят. Ручки так сложил,

по-своему, и молится. Спрашиваю: «Ты крещеный? А нет, что тогда нашему святому молишься?» А дед отвечает, мол, ваш или не ваш святой, а только когда беда случается, он приходит и помогает. «И что же, приходил к тебе?» — «Да, три раза».

У меня книга была большая — «Чудеса святителя Николая при жизни и после смерти». Я ее дедушке этому подарил. Через некоторое время приезжают два парня бурята. Просят окрестить отца. Старый совсем, болеет, сам уже прийти не может. Поехал. Оказалось, тот самый дед. Он книгу прочитал, пришел в чрезвычайное умиление и захотел креститься. Я крестил его. А сам смотрю, сыновья на машинах дорогих, а у старика этого в доме один стол да стул. Спрашиваю, почему отцу не помогают. А они говорят, мы отца любим и слушаемся, да он не хочет ничего. Купили ему телевизор — он его отдал. Всегда так жил. Вот так святой Николай за чистоту привел этого человека к вере. Подумать только, из иноверцев, всю жизнь прожил при атеизме. Я и отпевал его. Он в гробу лежал белый такой, как лунь седой. Благообразный, аж светился весь. Много было удивительных случаев, но это — самое мое любимое чудо.

— **Если можно, расскажите, как вы пришли к вере. Каков был ваш путь?**

— Не могу сказать — пришел. Господь сам призывает. В 27 лет крестился. Захотел что-то узнать о вере. Порекомендовали съездить в Дивеево. Поехал. Многое меня там поразило. И повторяю, не я пришел, а меня взяли, везде, где надо, провели, все, что надо, показали. По-

том посоветовали съездить к старцу Иерониму в Санаксарский монастырь.

Отец Иероним в свое время был священником. Когда дети выросли, он вместе с матушкой постригся в монастырь, потом принял схиму. Когда я впервые увидел отца Иеронима, подумал: *так должна выглядеть доброта*.

Все полтора года моего послушания в Санаксарской обители старец Иероним являл для меня живой пример высоты и силы монашеского подвига. Он неустанно помогал людям.

Батюшка был прозорлив и имел благодать исцеления. Помню, к нему приезжал молодой человек, которому предстояла сложная и очень дорогостоящая операция на мозг. Он собирался лететь в Германию. Отец Иероним не благословил на операцию. Сказал, что она приведет к слепоте. Велел промывать святой водой глаза, делать массаж крестом. Этот парень потом приезжал, благодарил. Он исцелился полностью.

В 2000 году Священный Синод Русской Православной Церкви благословил воссоздание монастыря на берегу Байкала. Отец Иероним благословил ехать в Посольск, сказал, в Бурятии необходимо мо-

литься. Благодаря его благословию, трудам и молитвам братии обитель возродилась.

В 2001 году я был пострижен в монашество с именем Николай — в честь святого царя-мученика Николая.

(Ах, значит, в честь государя. Действительно, какое-то сходство есть. Светлое чело, миндалевидные глаза. Только у государя очи скорбные. А когда смотришь в глаза отца Николая, приходит фраза «быстрота умная».)

Настоятель монастыря
архимандрит Николай (Кривенко).
Фото: www.baikalskieogni.ru

— Выпуск этого номера альманаха «Иркутский Кремль» посвящен юбилею Победы. Что бы вы могли пожелать нашим читателям?

— Мирного неба. Помнить ключевую роль нашего народа в победе над фашизмом. Четко понимать необходимость воспитания патриотизма, восстановление православных традиций. Православие и русскость неотделимы друг от друга. Сила нации в силе ее духа. А для поддержания силы духа необходима вера. Радует вызванный празднованием юбилея Великой Победы проявленный обществом патриотизм. Как говорил святитель Филарет Московский, «кто не любит отечество земное, тот не достоин отечества Небесного».

(Жаль, что мало было времени на беседу. Отец Николай просто кладезь, из которого хочется черпать и черпать. Но ему по расписанию уже предстоят следующие мероприятия. Батюшка благословляет нас иконочкой преподобного Серафима (благословение санаксарского монастыря) и деревянным резным крестиком из Иерусалима.)

* * *

— Что тебе показалось особенным в отце Николае? — спрашиваю у дочери.

— У него гладкий лоб, и он часто говорит: «Нам остается только молиться».

Да, кто любит Бога и ближнего, тот светел умом и бодр духом, несмотря ни на какие трудности.

А «кто чувствами в порочных наслаждениях в молодые дни привыкнул утопать, тот, возмужав, угрюм и кровожаден и ум его безвременно чернеет». Хорошо сказал Александр Сергеевич!

Читаю акафист святителю Николаю. За стенами храма ветер шумит, как при схождение Святого Духа на апостолов. За стеклом киота Николай Можайский взирает темными очами, в одной руке — храм, в другой — меч, на груди — янтарная панагия.

Радуйся, Николае, великий Чудотворче!

...И вновь мелькают покрытые прошлогодней травой равнины. Едва зеленеют деревья. Слева тянется серой пепельной лентой Байкал. За ним голубая лента гор. Ветер гонит тучи по

мрачному небу. Взбрызнул дождик. Холодно и бесприютно. Как радостно было стремиться в монастырь и как тоскливо уезжать! Прокручиваю заново впечатления от поездки. Встреча с отцом Николаем оставила ощущение света, чистоты и легкости. Получила частицу Любви? Давай, неси людям, не жадничай. В сердце разливается теплота. И дождик перестал. И деревья буйно зазеленели. И заволновалась, заколыхалась под ветром белая черемуха.

Протискиваясь с рюкзаком через турникет вокзала, удовлетворенно замечаю:

— И все-таки мы — настоящие лягушки-путешественницы.

— Ничего, я привыкла.

(Зачем таскаю с собой ребенка? Из недавнего разговора с подругой:

— Ах, если бы мы с детства ходили в храм! Уверена, у нас все-все было бы по-другому.

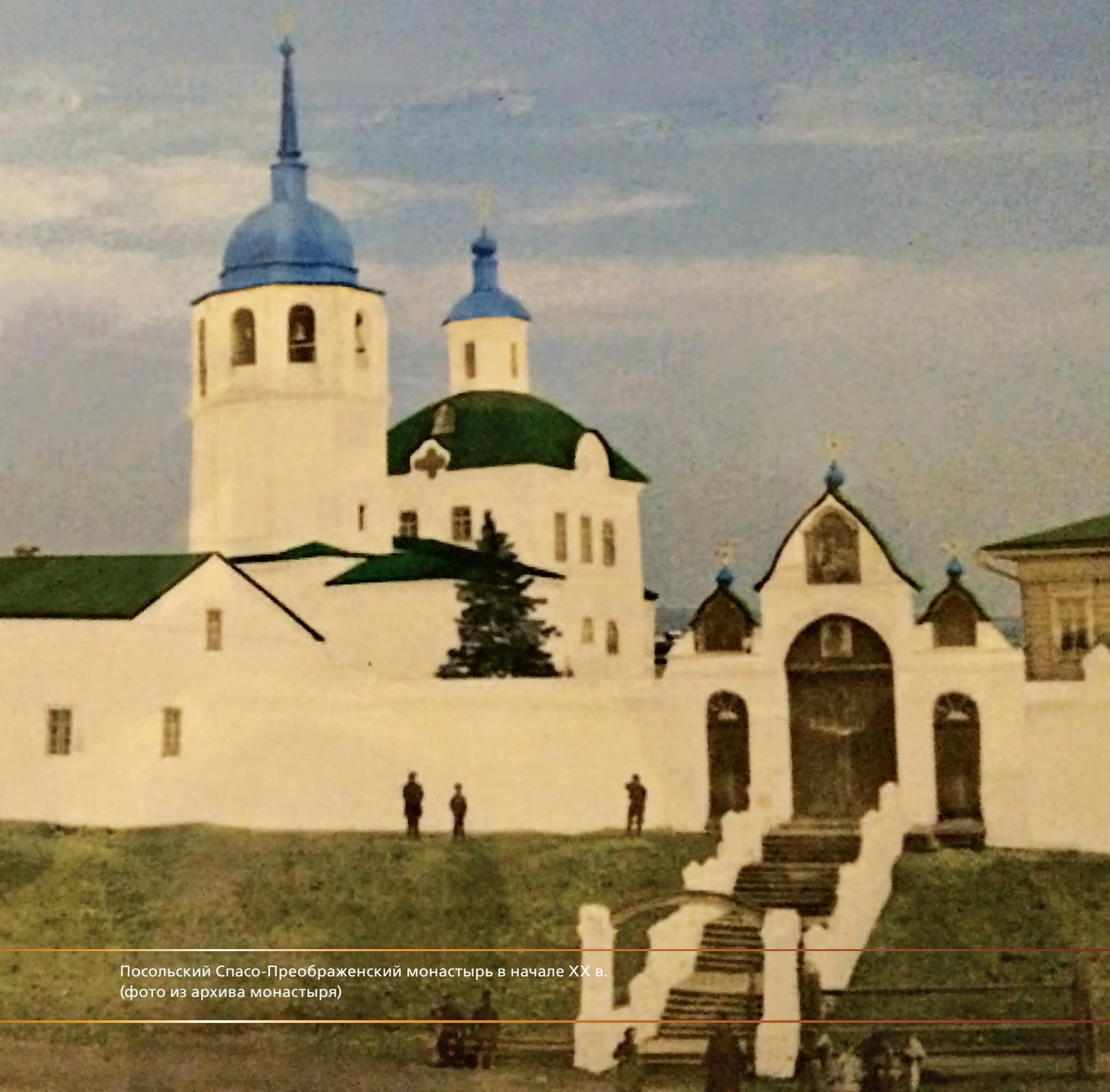
— Зато мы это детям своим можем и обязаны предоставить в полном объеме.)

Мерно покачиваюсь на верхней полке. Гаснет свет. Закрываю глаза, и встает предо мною во всей красе древний монастырь.

«Под сиянием вечерних лучей солнца со своими белеющими церквями он мне казался горным Иерусалимом, сходящим с небес, который тайнозритель Иоанн созерцал в своем видении, — таким предстал когда-то Спасо-Преображенский Посольский монастырь перед глазами преосвященного Вениамина Благодравова. — Я молил Господа, чтобы Он соделал его горою Афонскою, градом Бога живого, к которому должны приступить все блуждающие во тьме языческого суеверия».

Стук колес складывается в определенный ритм. Прислушиваюсь... Угадываются слова: *спаси, Господи, и помилуй по множеству щедрот твоих вся священноиноки, иноки же и инокини, и вся в девстве же и благоговении и постничестве живущая в монастырях, в пустынях в пещерах, горах, столпах, затворех, разселинах каменных, островах же морских, и на всяком месте владычества твоего правоверно живущия, и благочестно служащая ти, и молящиеся тебе: облегчи им тяготу, и утеши их скорбь, и к подвигу от Тебе силу и крепость им подаждь: и молитвами их даруй ми оставление грехов.*

ПОСОЛЬСКИЙ МОНАСТЫРЬ И МИССИЯ ЗА БАЙКАЛОМ

Посольский Спасо-Преображенский монастырь в начале XX в.
(фото из архива монастыря)

Протоиерей Евгений Старцев

Есть удивительное место на Земле, одно из самых красивых и загадочных, с глубочайшей историей, уникальной природой и удивительными людьми, живущими окрест. Это озеро Байкал. Нам, живущим здесь, многое кажется уже привычным. Так обычны для нас чистая вода, воздух, искренность отношений между людьми, прямота в суждениях и жертвенность в исполнении долга, добрососедские отношения, терпение. Кажется, таким Прибайкалье было всегда. И люди, которые живут здесь, всегда были такими же. И мне совершенно точно известно, что нет лучше места на Земле. Тайны нашего прошлого живут и в нас, часто заставляя найти в себе силы попытаться их постичь. Может быть, еще и для того, чтобы понять, что же будет с нами в будущем, далеко и не очень.

Последние десятилетия для многих стали временем потрясающих открытий и откровений. Возвращение людей к вере и традиции, обретение в себе Бога и желание быть христианином перевернуло сознание и жизнь уже миллионов. Жить христианской жизнью сегодня одновременно трудно и легко. Трудно потому, что вообще идти за Христом почти невыносимый подвиг. А легко — потому что идти приходится вместе с Ним и со многими такими же, как ты.

Наше время — это время свободы для проповеди и дела просвещения. Никто нам сегодня не мешает заниматься изучением своей истории и богословской традиции, воспитанием детей и молодежи в православной вере, не препятствуют нам идти со Словом Божиим к находящимся в узах, к страждущим и больным, творить дела милосердия. Боль-

ше того, от нас этого везде ждут. Мы увлечены приобщением к своим истокам, и благоприятная для этого пора позволяет нам проявить пытливость в осознании того, какой исторический путь прошло наше Российское государство и церковь.

Обратимся к истории Сибири и Байкальского края XVII века. Россия стремительно продвигалась на восток. Буквально за несколько десятков лет от начала этого движения на территорию, прилегающую к Байкалу, пришли послы, миссионеры, купцы, служивые люди. Сейчас можно только представить, с какими трудностями столкнулись люди, постигая лежащие перед ними невыносимые просторы. Но, так или иначе, пришло время Сибири становиться под Русскую державу.

Самым главным и одновременно непростым было установление добрых отношений с теми, кто жил здесь уже многие столетия. Братание шло мучительно, неровно, часто кроваво. Сибирякам еще только предстояло перевариться в котле человеческих страстей, ревности, подозрительности, неуступчивости, прежде чем они стали теми, кто есть теперь.

Неожиданным, покрытым тайной стало убийство в 1650 году на восточном берегу Байкала посла Ерофея Заболоцкого, его сына и других участников экспедиции, которые были отправлены тобольскими воеводами в Мунгальскую землю к Цысану-хану и к зятю его Турукаю-Табуну для переговоров о принятии «подданства великому царю».

Послы были вероломно и неожиданно убиты нападшими на них «брацкими людьми» (бурятами). Вскоре прибыли мунгалы и силой заставили переводчика Семёнова продолжить путь и разыграть роль посла. Семёнов справился со своей задачей с большим достоинством; его статейный список был приведен Н. Оглоблиным в «Историческом вестнике» 1891 года¹.

Реакция царской власти была довольно жесткой. Сюда были отправлены казаки, которые проводили объяснение народов, живших в Восточной Сибири. Во все времена единственным смыслом российской государственности было сбережение своего народа для Царства Небесного. Поэтому Церковь стремилась привести и народы, жившие вне православия, к свету Христовой веры. Миссионеры оказывались востребованными людьми в передовых отрядах землепроходцев, покорявших сибирские территории. Можно сказать, что

православная миссия началась практически сразу по приходу в Сибирь государевых людей.

Посольский монастырь наряду с главным центром духовной жизни Забайкалья — Селенгинским Троицким монастырем — был основан, как принято считать, как подворье, заимка Троицкого монастыря в 1681 году на месте убийства тех самых послов. Игумен Феодосий по благословию тобольского митрополита Павла был отправлен в Забайкалье с миссией в Дауры. Отправляя Даурскую духовную миссию из Тобольска в Забайкалье, митрополит Сибирский и Тобольский Павел 13 и 15 мая 1680 года дал ей наказ: «Приехав в Дауры, в Селенгинском и в иных даурских городех и острожках иноверцов всяких верк истинней православной христианстей вере призывати... со всяким тщанием и прилежанием, безленостно, и крестити их во имя Отца и Сына и Святаго Духа, и приводити к тому святому и Божию делу иноверцев без тчеславия и гордости, с благоучительным намерением, без всякого озлобления»². В наказе митрополита Павла также содержалось благословение основать на реке Селенге или в каком-либо другом удобном месте монастырь во имя Святой Троицы³.

Дауры — народ, представители которого в настоящее время проживают в северной части Китая, в основном во Внутренней Монголии и в Синьцзян-Уйгурском автономном районе. Входят в 56 официально признанных национальностей страны. По религиозным верованиям — шаманисты⁴. Они были расселены в Забайкалье, известны своим нравом кочевников, не приобщенных в ту пору ни к китайскому государству, ни к российскому.

Свято-Троицкий Селенгинский монастырь был основан на реке Селенге. Монастырская же

заимка — на мысе Посольском. Духовная жизнь начала обустраиваться там, где была пролита кровь невинных жертв. Но, как водится, именно на крови угодников Божьих и зиждется дело Христово.

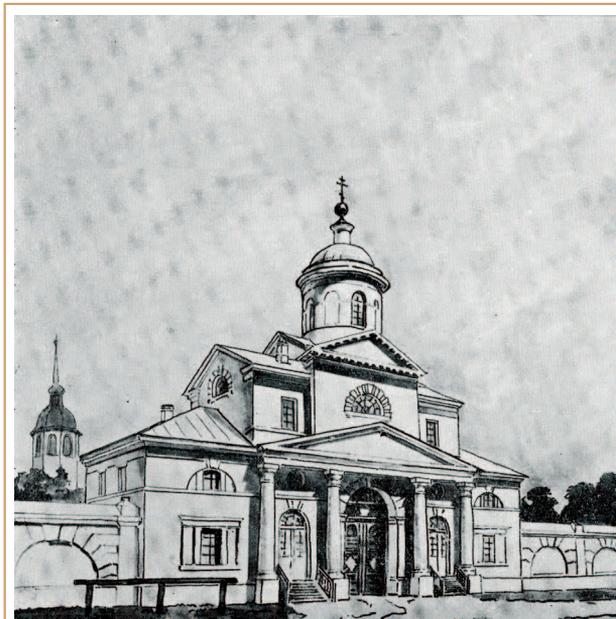
Монастырь строился быстро. Отсутствие дорог, как с южной стороны Байкала, так и с северной, заставляло путешественников вплавь преодолевать великую водную преграду. Все, кто переправлялся с западного берега Байкала на восточный, прибегали к стенам Посольской обители и получали там для себя духовную поддержку, а подчас и необходимые средства для дальнейшего путешествия. Позже, когда появи-

лись другие пути, роль Посольского монастыря как важного транспортного узла постепенно была утрачена.

При покровительстве царской семьи Селенгинскому и Посольскому монастырям, духовная и хозяйственная жизнь обителей стала осуществляться на обширных земельных угодиях, которые были им приписаны.

С 1683 года Посольскому и Селенгинскому монастырям принадлежало устье реки Селенги с богатыми рыбными ловлями. В 1688 году Троицкому монастырю

была пожалована Темлюйская деревня, летом следующего года монастырь получил «заречешные по Селенге покосы». С 1701 года Даурской духовной миссии принадлежала Кударинская вотчина по правобережью устья Селенги. Здесь предполагалось основать монастырь для новокрещеных бурят, поэтому в этой вотчине оставлялось около половины хлебных запасов миссии «про брацкий обиход, и работным людям, и новокрещеным, и иноверцам, понеже то для новокрещеных и обитель оная велено строить» (впрочем, частые наводнения не способствовали развитию в этих местах земледелия). В на-

Л. К. Минерт. Свято-Троицкий Селенгинский мужской монастырь. Надвратная церковь Св. Михаила. 1832 г.

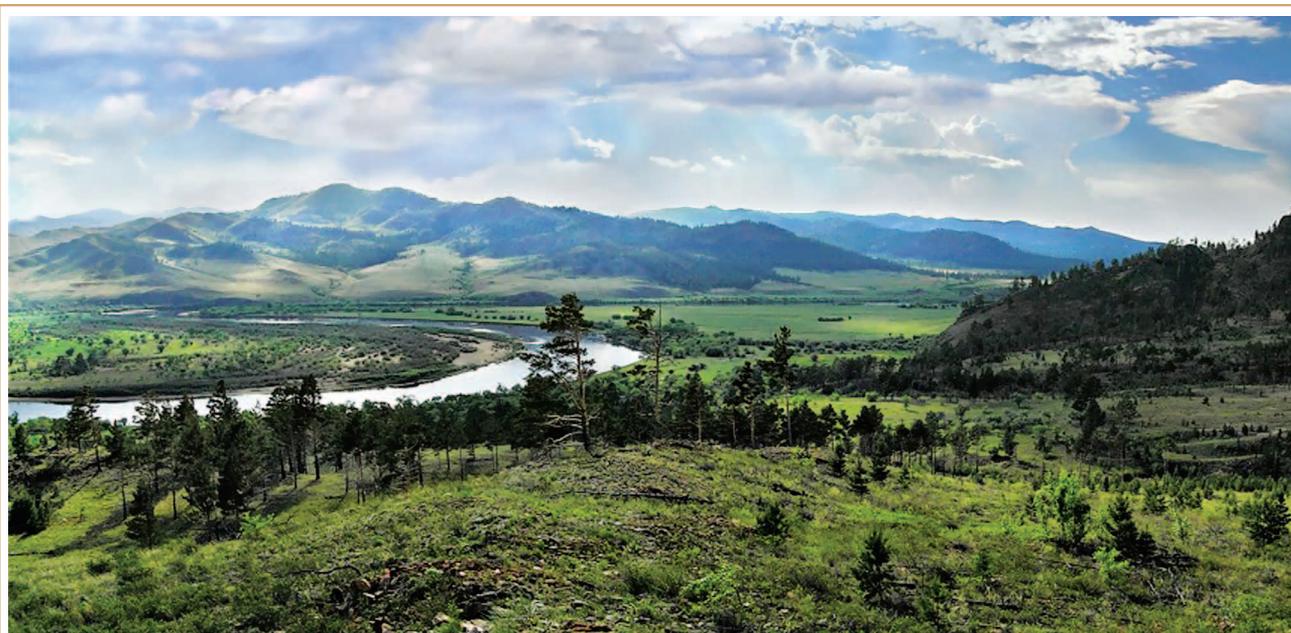

чале 30-х годов XVIII века здесь была построена Благовещенская церковь.

В 1704 году Троицкий монастырь стал владельцем богатой Хилоцкой вотчины в нижнем течении реки Хилок, где были сосредоточены основные бурятские кочевья. В 1708 году к вотчине присоединили земли в устье Хилка, в 1720 году — деревню Буй. В 1729 году Троицкий монастырь получил обширные сенные покосы по реке Киреть, между реками Чика и Хилок, через год — пахотные земли и выгоны для скота по левобережью Хилка до Бичуры и до Кирети. Вследствие этих пожалований монастырскими стали деревни и заимки Хилоцкой вотчины: Еланская, Сухой Ручей, Бичура,

Всего во владениях миссии распахивалось около 200 десятин земли, миссия получала 25 пудов зерна с каждого двора как продуктовую ренту. Монастырские мельницы обслуживали не только приписных крестьян, но и посадских людей, а также земледельцев всего Западного Забайкалья. Излишки хлеба продавались, в первой половине XVIII века монастырская торговля хлебом стала значительным фактором в развитии экономики Забайкалья, то же самое можно сказать о торговле рыбой и солью с монастырских ловлей и варниц.

Получая от правительства земли, монастыри устраивали на них заимки и деревни, в которых селили всех, кто пожелает обосно-

Долина реки Хилок (фото И. Глушко)

Узкий Луг, Буй, Красная Слобода и Куналей. В 1723 году в центре Хилоцкой волости, селе Харитонове, насчитывалось 37 дворов. Позднее эти русские поселения вошли в состав Мухоршибирской и Куналейской волостей и стали вторым по значимости центром христианской культуры в Западном Забайкалье. В 1724 году во владения Троицкого монастыря перешло Котокельское озеро со всеми впадающими в него реками, с сенокосными угодьями. Дворы, земельные участки, промышленные заведения, принадлежавшие монастырям Даурской духовной миссии, появились в Селенгинске, Удинске, Кяхте, Иркутске.

ваться в Забайкалье: людей «гулящих», беглых, «присыльных» из Центральной России. С конца XVII века в связи с освоением нерчинских серебрянорудных месторождений правительство стремилось к расширению пахотных угодий в Восточном Забайкалье для поселения приписных к сереброплавильным заводам крестьян. При этом правительство опиралось на помощь Посольского и Селенгинского монастырей, которым был дарован ряд льгот, в частности, разрешение селить на своих землях «беспаспортных» и беглых. Жизнь крестьян во владениях Даурской духовной миссии во многом регулировалась монастырским уставом, и они явля-

лись проводниками христианства в местной языческой среде.

На монастырских землях образовывались селения крещеных бурят, стремившихся устроить свой быт на новых основаниях, не смешиваясь с кочевой языческой средой. Таковы были приходы Троицкий, Посольский, Куядский, Кударинский, Голоустный, Твороговский, Куналейский, Еланский. (Число крещенных членами Даурской духовной миссии бурят и тунгусов неизвестно из-за частых пожаров, уничтожавших архивы миссии, в том числе «записные о новокрещеных имянные книги».) Развитие нового

ке Кударе в пустых местах». В Забайкалье стали появляться «карымы», родившиеся от смешанных русско-бурятских браков⁵.

Но главным в монастырской жизни остается молитва и просвещение. Даурская миссия, начавшаяся в 1681 году, просуществовала недолго. В территорию окормления миссией входила в том числе и территория современной Иркутской области. «...Из приложенной от Слопцова табели видно, что в 1727 году в состав Иркутской епархии вошли... В городе Иркутске 9 церквей... В Иркутском дискрикте церкви: Идинская Троицкая, Балаганская Спас-

Кочевые буряты возле летней юрты (фото из «Атласа Азиатской России». 1914 г.)

для Забайкалья типа хозяйствования — земледелие наравне с организацией рыболовного, солеваренного и прочих промыслов — позволяло создать надежную экономическую базу для новокрещеных. По мнению ученых, к началу XVIII века относится переход бурят к земледелию, причем первыми стали заниматься земледелием буряты, принявшие крещение, что было заслугой Даурской духовной миссии. Монастыри способствовали бракам русских переселенцев с новокрещеными бурятками и тунгусками, давали на обзаведение дом, скот, зерно; семьи расселялись «за Селенгою на реч-

ская, Бельская Сретенская, Кудинская Троицкая, Оецкая Афанасия и Кирилла, Бадайская Николаевская, Олонская Благовещенская, Усольская и Уриковская обе во имя Нерукотворенного Образа, Китайская Христорождественская, Вверх-Иркутская Введенская, Верхоленская Воскресенская, Бирюльская Покровская, Манзурская Введенская и Агинская Ильинская...»⁶

К началу XVIII века тибетский ламаизм стал проникать на территорию России. Конфликт между двумя центрами духовной жизни — ламаистским Тибетом и православной Москвой — оказался неизбежным. Проникно-

вание лам в Забайкалье стало настолько масштабным, что не считаться с этим московское правительство уже не могло. В 1734 году из-за опасения осложнений в отношениях с Китаем русское правительство запретило миссионерскую деятельность в Восточной Сибири. К середине XVIII века среди забайкальских бурят широко распространился ламаизм, поскольку по условиям Буринского и Кяхтинского договоров (1727–1728) российское правительство обязалось этому не препятствовать, в результате чего в Забайкалье прибыли 50 тибетских и 100 монгольских лам⁷.

Можно видеть, что коренные жители буряты, жившие к востоку от озера Байкал, были со временем почти полностью посвящены в религиозную жизнь буддизма. Тунгусские племена и буряты, исповедовавшие шаманизм, были вытеснены в северные районы Забайкалья и Прибайкалья. К рубежу XVIII–XIX веков к востоку от Байкала бурятское население было практически полностью ламаизировано.

Итоги работы миссии сегодня требуют серьезного осмысления. Епископ Вениамин (Благонравов) в «Письмах из Посольского монастыря» относил окончание деятельности Даурской духовной миссии к времени после назначения настоятеля Посольского монастыря архимандрита Илариона (Труса) в 1734 году главой Пекинской миссии с оставлением в должности настоятеля и после кончины архимандрита Мисаила (1743)⁸.

Знаменательным событием в духовной жизни Забайкалья стало появление в наших краях святителя Иннокентия (Кульчицкого), первого епископа Иркутского, направлявшегося для

окормления оказавшихся в китайском плену албазинцев. Албазинцы — это потомки русских казаков-поселенцев пограничного с Китаем острога Албазин, основанного Никифором Черниговским в 1665 году на Амуре (ныне село Албазино Амурской области) на предполагаемом месте расположения крепости даурского князя Албазы, сожженной дотла Е.П. Хабаровым в 1651 году⁹. Промыслом Божиим и интригами иезуитов при китайском императорском дворе будущий святитель в Китай допущен не

был. Большую часть лет, проведенных в Сибири, он жил в пределах Селенгинского Троицкого монастыря — в Староселенгинске. Усматривается прямая связь между его появлением и оживлением миссионерской идеи. Находившаяся в упадке государственная и духовная жизнь в Забайкалье требовала обновления. Святитель Иннокентий за три года смог преобразить жизнь в этом крае настолько, что из глухой провинции окрестности Байкала стали местом служения великих угодников Божьих: по его стопам последовали святитель Софроний Иркутский, святитель Иннокентий, митрополит Московский, святитель Мелетий, епископ Рязанский, преподобный Варлаам Чикойский.

С начала XIX века церковные власти рассматривали идею учреждения новой миссии для активизации проповеди среди бурят, эвенков и других местных народов. Деятельность миссионеров в Забайкалье активизировалась с 1814 года при Иркутском епископе Михаиле (Бурдукове). В 20–30-х годах XIX века миссионерским делом в селениях по берегам рек Уда, Она, Чесан, Кижинга, Хилок, Селенга и других

Святитель Иннокентий Иркутский
(шитая икона, выполнила Е.А. Постникова.
Около 1805 г.)

Фрагмент карты распределения населения России по вероисповеданиям к началу XX в. (Атлас Азиатской России. 1914 г.)

заведовал священник Александр Бобровников, составивший грамматику бурятского языка. В 1830 году при Иркутской епархии был создан Комитет по делам духовной миссии. Из-за нехватки средств и сотрудников, а также активизации буддизма успех миссионеров оказался незначительным¹⁰.

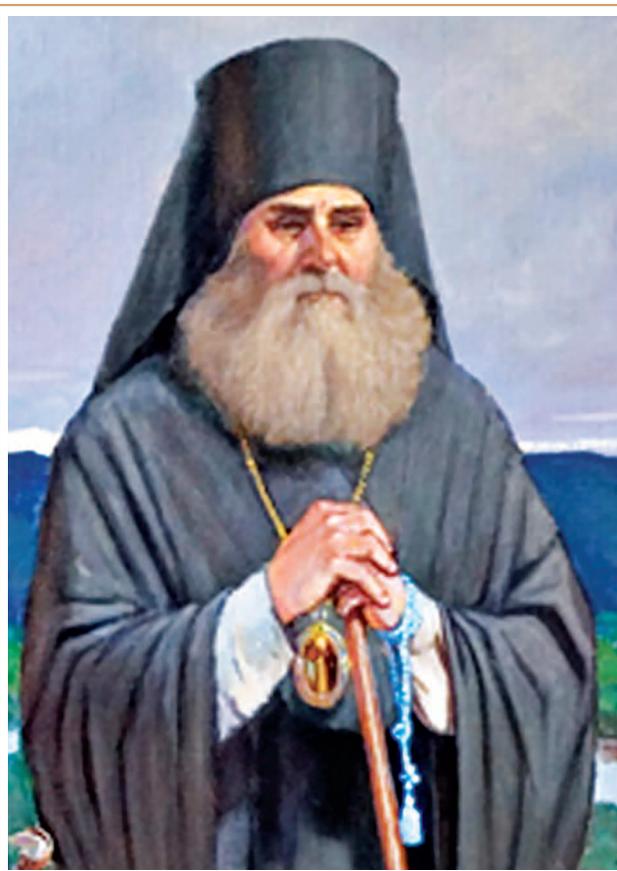
Продолжением дела Даурской духовной миссии стало учреждение Забайкальской духовной миссии в 1861 году. К тому времени был накоплен богатый опыт успешных миссий Америки и северо-востока Сибири. Благодаря деятельности святителя Иннокентия Вениаминова были заложены новые принципы организации миссионерского дела.

Центром вновь образованной миссии стал Посольский Спасо-Преображенский монастырь. В 1861 году было образовано Селенгинское викариатство, во главе которого, а также начальником Забайкальской духовной миссии стал епископ Вениамин (Благодеров). Епископ Вениамин в течение шестилетнего управления миссией,

без всякого пособия от казны, благодаря частной благотворительности, со своими соратниками устроил 11 миссионерских станов с церквями, домами для миссионеров, псаломщиков и учеников при них, богадельню для престарелых и больных новокрещеных и центральное училище в Посольском монастыре¹¹, которое было учреждено в 1862 году.

В ученики набирались дети из инородческих новокрещеных семейств с целью приготовления их к миссионерскому служению. Состав учащихся был разделен на два отделения, старшее и младшее. В первом обучались чисто-

писанию, священной истории, пространному катехизису, объяснению богослужения, церковному пению, арифметике, русской грамматике, географии, русской истории и книжному монгольскому языку. Младшие учились русскому чтению и письму, молитвам, краткой священной истории, краткому катехизису, а некоторые чтению и письму на монгольском языке и пению. В 1866 году обучалось 18 мальчиков и одна девочка. Из них трое было приходящих, а остальные на монастырском содержании¹².

Святитель Иннокентий (Вениаминов)

Миссионерское училище помещалось в монастырских зданиях. Современные исследователи указывают на развитую инфраструктуру монастырского комплекса, включавшую в себя Спасо-Преображенский собор, Никольскую церковь, монастырские кельи, Святые Врата с лестницей, часовню Заболоцкого, часовню Г.А. Осколкова, угловые башни, монастырскую ограду, мемориальный комплекс (могилу посла и его спутников), трапезную, главные входные Ворота с ча-

совней во имя Иоанна Богослова с восточной стороны (со стороны села Посольское).

Центр Забайкальской духовной миссии в Посольском монастыре просуществовал недолго — всего 18 лет. Уже в 1880 году кафедра Селенгинского викариатства из Посольска была перенесена в Читу.

В чем был смысл организации миссионерской деятельности, ее стиль, изюминка и отличительные черты? Безусловно, очень серьезное идеологическое и методологическое влияние на работу миссии оказал святитель Иннокентий (Вениаминов). Одной из успешных миссий, осу-

ществленных Русской православной церковью, стала миссия Американская, которая благодаря святителю и его сподвижникам закрепила за Аляской именование Русской Америки. Само содержание духа и следа, оставленного русской цивилизацией, до сих пор не могут быть уничтожены.

Когда нам довелось на небольшом парусном корабле проходить между островами Алеутской гряды, особенно стало понятно, какими трудами этот континент навсегда останется русским. Господь сохранил святителя Иннокентия и его уникальный опыт для будущих миссионеров, сберег народы, вошедшие через проповедь христианской веры в число цивилизованных народов мира. И этот опыт был востребован в организации Забайкальской духовной миссии.

Святитель Иннокентий считал обязанностью православного духовенства поддерживать все добрые обычаи, существующие у кочевых народов, и одновременно не возлагать на недавно пришедших к Вере Православной «бремена тяжелые и неудобноносимые»¹³. Нельзя, учил святитель Иннокентий, например, требовать от кочевников отказа от мясной пищи во время постов, так как мясо их основная, а нередко и единственная пища. Благодаря по-христиански разумному подходу к святому делу миссионерства, когда православный проповедник, по слову святого апостола Павла, для всех «сделался всем, чтобы спасти по крайней мере некоторых»¹⁴, не отступая притом от догматов и канонов Святой Церкви, многие нехристиане обратились к Православию¹⁵.

То есть необходимо, чтобы народ не почувствовал не только насилия над своей традиционной духовной культурой, но и увидел радость и естественность своего вхождения в мир православия. В этом смысле серьезное, научное рассмотрение опыта этой миссии сегодня для нас с вами звучит особенно актуально.

Можно ли говорить, что миссия завершена? Пока существует Церковь, ее миссия не заканчивается. Она лишь с каждой новой исторической эпохой приобретает новые черты и особенности. И народы, живущие в Сибири и Америке, ждут своих миссионеров, которые обязательно придут и укажут им тот путь в Царствие Небесное, по которому шли наши предки,

населявшие некогда и наш Байкальский край, и Русскую Америку, и другие территории нашего славного отечества. А возрожденная духовная жизнь Посольской обители — прямое этому свидетельство, обнадеживающее послание из прошлого, указывающее нам на то, что миссия продолжается.

Примечания

1. Заболоцкий Ерофей. Биография [Электронный ресурс] // Академик. — URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/25975>
2. История Российской духовной миссии в Китае : сб. ст. — М., 1997. — С. 42.
3. Жалсараев А.Д. Даурская духовная миссия // Православная энциклопедия. — М. : Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2006. — Т. 14. — С. 217.
4. Дауры [Электронный ресурс] // Википедия. Свободная энциклопедия. — URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/%C4%E0%E3%E0%FB>
5. Жалсараев А.Д. Даурская духовная миссия... С. 218–219.
6. Громов П. Иннокентий Святой, 1-й епископ Иркутский. Начальный состав Иркутской епархии // Иркутские епархиальные ведомости. Прибавления. — 1863. — № 23. — С. 344.
7. Жалсараев А.Д. Даурская духовная миссия... С. 219.
8. Там же.
9. Албазинцы [Электронный ресурс] // Википедия. Свободная энциклопедия. — URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/%C0%E1%E7%E8%ED%E6%FB>
10. Жалсараев А.Д. Забайкальская духовная миссия // Православная энциклопедия. — М. : Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2008. — Т. 19. — С. 427.
11. Мелетий, еп. Отчет о состоянии и деятельности Забайкальской духовной миссии за 1885 год // Иркутские Епархиальные Ведомости. Прибавления. — 1886. — № 29. — С. 329–336.
12. Вениамин, еп. Забайкальская духовная миссия в 1866 году // Иркутские Епархиальные Ведомости. Прибавления. — 1867. — № 14. — С. 160.
13. Мф. 23:4
14. 1 Кор. 9:22
15. Внутренняя миссия в Восточной Сибири в XIX в. и Посольский Спасо-Преображенский монастырь [Электронный ресурс] // Читинская епархия. — URL: <http://www.eparhiachita.ru/index.php/ct-menu-item-357/ct-menu-item-359/ct-menu-item-363/ct-menu-item-397/ct-menu-item-407>.

- **О СВЯТОЙ МУДРОСТИ
И ЛУКАВОМ МУДРОВАНИИ**
Записки мирянина

Владимир Иовлев

Народное
Вече

Революционные «перемены».
Москва в 1917–1918 гг.

О СВЯТОЙ МУДРОСТИ И ЛУКАВОМ МУДРОВАНИИ

Записки мирянина*

Икона «Корабль Веры» («Таинственный образ Святые нашей Церкви»)
Фреска Зографского монастыря на Святой горе Афон. XIX в.

Владимир Иовлев

1903 год. II съезд Российской социал-демократической рабочей партии. Июль – август. Брюссель – Лондон. В перечне главнейших резолюций, принятых на съезде, наряду с «о центральном органе партии», «о районных организациях» и пресловутом «о месте бунда в партии», значится — «о работе среди сектантов»:

«Принимая в соображение, что сектантское движение в России является во многих его проявлениях одним из демократических течений, направленных против существующего порядка вещей, второй съезд обращает внимание всех членов партии на работу среди сектантов в целях привлечения их к социал-демократии. Съезд поручает ЦК заняться вопросом о предложении, заключающемся в докладе Бонч-Бруевича»¹.

Надо отметить, что Бонч-Бруевич этого доклада не зачитывал. Владимира Дмитриевича не было на съезде. Зачитал доклад Ленин. Вот цитата: «Секта хлыстов очень многочисленная. Эта секта тайная, и потому об ее учении мало было напечатано в легальной прессе. <...> Эта секта наиболее организована, конспиративна и сильна. Учение хлыстов впитало в себя многое из «христианского коммунизма».

Упор был сделан на хлыстов по соображениям особым. Секта хлыстов была основана в 1645 году беглым солдатом Данилой Филипповым в Костромской губернии, который возмнил себя воплотившимся «Савоофом, превышним «Богом»². Через четыре года пребывания в этом состоянии Данила признал своего друга Ивана Сулова «возлюбленным сыном, Иису-

¹Продолжение. Начало см.: Иркутский Кремль. – 2015. – № 1 (13).

сом Христом». Окружив себя «богородицей и двенадцатью апостолами», они успешно распространили учение среди крестьян Владимирской и Нижегородской губерний. Ересь дошла до Москвы, Ярославля и далее по России. По учению хлыстов, Бог воплощается в человека и может это делать множественное количество раз, происходит отрицание брачной жизни и деторождения, умерщвление плоти. Но действия по исполнению заповедей выражались в свальном грехе, в радениях. Называлось это «духовными сожительствами», не составляющими греха, а являющимися духовной любовью, «христовой любовью». При радениях они доводят себя до исступления. Начинают говорить «иными языками странные глаголы», значение которых не понимают, но считают за пророчества. Это, мол, полезно, так как умерщвляются плотские страсти и привлекается благодать «Святого Духа». Вот такой дуализм. Но что еще примечательно: отношение хлыстов к Православной Церкви крайне лицемерно, так как не запрещается посещать богослужения в храмах и наружно выказывать усердие и благообразие во время службы. Но на самом деле отношения были враждебные и к святыням, и к таинствам, даже кощунственные. Хлыстовство было старообрядческим толком, поскольку возникло в среде дониконианской и сформировалось на отрицании существующей церкви и государства, подвергшихся порче в результате «заграничных греческих нововведений» (исправление книг при патриархе Никоне. — В.И.). А так как хлысты, или «духовные христиане», считали, что человек, управляемый Святым Духом, не должен повиноваться внешним законам, а умерщвлять плоть — удовлетворять ее желания, то такие свойства секты приглянулась Бонч-Бруевичу. «С политической точки зрения хлысты потому заслуживают нашего внимания, что являются страстными ненавистниками всего, что исходит от... правительства... Я убежден, что при тактичном сближении революционеров с хлыстами мы можем приобрести там много друзей».

С такой подачей темы резолюция была одобрена вторым съездом РСДРП и рекомендована для использования в деле. Тем более что этот вид сектантства в конце XIX — начале XX века стал весьма моден и в среде интеллигенции. Даже при императорском дворе были последователи. О размахе хлыстовства писал протоиерей Тимофей Иванович Буткевич:

«Хлыстовство охватило всю русскую землю. Нет той губернии, нет того уезда, в которых не было бы хлыстовства в той или иной форме»³. Отчет Священного Синода за 1900 год фиксирует в сравнении: «эта секта является наиболее опасной для Православия, чем другие».

Такое массовое движение религиозного нигилизма истачивало основы дореволюционной России и играло существенную роль в «трех русских революциях» наряду с известными элементами, ее составляющими.

ал-демократическом движении. Особо привлекательным для социал-демократов, а потом и большевиков, стал футуризм, как самое левое и разрушительное направление в искусстве Серебряного века.

* * *

Искусство всегда символично, и другим, возможно, быть не может. Оно и забава, и мода времени, и извечная болезнь с древности.

«Может за драхму Европу, гетеру из Аттики, /

Радение хлыстов

В тех же рядах с хлыстами оказались толстовцы. Вот тогда и нарекли Льва Николаевича Толстого «зеркалом русской революции».

Древний гностицизм, средневековые религиозные секты и воспроизведение их в современную эпоху — вот загадка истории. В этой мистической смуте нарождается искусство Серебряного века, вместившего в себя ереси века. Эти два направления — религиозное и художественное — странно совпадают и по степени их использования в раннем соци-

Всякий без пререканий иметь, никого не боясь. / Безукоризненно ложе, зимой есть уголья... / Право, незачем было тебе, Зевс, обращаться в быка»⁴.

Если сопоставить это древнее четверостишие с недавней постановкой в Новосибирске оперы Рихарда Вагнера «Тангейзер», то принципиальных отличий найти невозможно. Тем, кто знаком с религиозными предпочтениями древних греков, нетрудно провести параллели между глумлениями двухтысячелетней давности и современными.

Символизм имеет корневую систему, про-израстающую из чувственности. Для того чтобы возбудить в человеке вялые от пресыщения и потому притупившиеся воображение и чувства, применяются «спецэффекты». Одним из них в то время наряду с кокаином был символизм. Первый как медикаментозное средство, второй как эстетическое или духовная «пищевая добавка». Все это в начале XX века было модным вместе с социал-демократическими идеями.

* * *

У Дмитрия Галковского, известного автора романа «Бесконечный тупик», есть «Святочный рассказ № 2». Рассказ о судьбе тридцати четырех выпускников энской гимназии 1909 года, юношах различных национальностей, различных сословий, что характерно для небольших губернских городов Западной России. Был среди гимназических выпускников персонаж Дездемонов — великоросс из мещан по прозвищу Дездемона. *«Учась в седьмом классе энской гимназии, Дездемонов впервые увидел декадентский журнал. Журнал его поразил. Он выпросил у отца денег и подписался на год, потом еще. Переломным моментом была публикация в последнем номере за 1908 г списка подписчиков, где между «Де Артуа» и «Дункель-Пржеходским» стояла его фамилия. После появления в печати Дездемонова завело и понесло в угон. Едва дождавшись выпускных экзаменов, почти без денег, проклятый отцом, почтенным лавочником, Дездемонов бросился в Петербург. Для столицы у него были задумки: читать стихи в костюме Арлекина, напечатать книгу с круглыми страницами или на обоях, но его обсме-*

Новониченский митрополит
А. И. Введенский

яли, назвав все это уже бывшим в употреблении еще три года назад, — у французов украли».

И этот энский городок, запечатленный в рассказе, весьма походил на Витебск, а гимназия, описанная Д. Галковским, — на ту же губернскую, где директором был Иван Андреевич Введенский⁵, сын псаломщика Новгородской епархии, крещеного еврея из кантонистов.

И был у Ивана Андреевича сын Александр Иванович Введенский (1888–1946) — будущая звезда обновленческой ереси, — который учился в этой гимназии. А у Захара Сегала, грузчика у богатого торговца, там учился Марк (Мойша) Шагал (Сегал) (1887–1985) — будущая звезда демонического декаданса. Учились они, учились и после выпускных экзаменов подались в столицу. У Александра была склонность к университетскому образованию, у Марка — к рисованию; а склонность развил в отрочке Юдель Пен (1854–1937), художник-реалист, проживавший после окончания Академии художеств в Витебске. Перед отъездом Марка в столицу Захар Сегал сказал сыну: «Запомни, денег у меня больше нет. Сам зна-

ешь. Это все, что я могу наскрести. Выслать ничего не буду. Можешь не рассчитывать». «Все равно, — подумал я, — с деньгами или без — неважно... главное — искусство, главное — писать, причем не так, как все»⁶.

Вымысел Д. Галковского и автобиография М. Шагала: насколько похожи ситуации, замыслы и помыслы героев повествований! Главное — не как все. Что для этого надо? Выдумать себя и реальность. А для воплощения —

деформировать свою природу и окружающий мир, но так, чтобы этого *никогда и нигде не было*.

* * *

Родился Георгий Иванович Шавельский 6 января 1871 года в Витебской губернии, в семье дьячка местного приходского храма. Множество источников говорят, что он имел еврейские корни, но ссылок на первоисточник не дают, поэтому вопрос звучит невнятно и его можно оставить без внимания. Начальное образование, затем духовное училище (1881–1885) и курс Витебской духовной семинарии (1885–1891). И снова Витебск, хотя в ту пору губернский город, не более Бердичева, Гродно, Белостока, или даже Иркутска с его 51 тысячей горожан. По населению эти города были примерно равны. И по составу населения (исключая Иркутск) тоже. Например, в Витебске в 1895 году при 58 тысячах проживало до 41 тысячи жителей, называющих себя евреями и исповедующих иудаизм⁷.

Вполне возможно, на прогулках по городу семинарист Георгий Шавельский встречал случайно гимназистов: и будущего художника Марека Шагала, и будущего обновленческого иерея Шуру Введенского. Вряд ли они из-за разницы лет были знакомы, но точно: никто не мог предугадать, что семинаристом по городу идет будущий и последний протопресвитер всей Русской армии и флота.

Странность этого эпизода из начала жизни троих известнейших впоследствии людей я нахожу даже не в том, что их рождение и годы учебы были в одной местности, а в том, какие

общие черты своих натур были присущи каждому и в чем они походили друг на друга.

А черта главная — склонность к «декадентству». Например, сразу же после Февральской революции в столице возникло движение так называемого «церковного большевизма», лидером которого неожиданно оказался глава русского военного духовенства о. Георгий Шавельский, бывший приближенным к Николаю II, и даже участником движения «Союз русского народа»⁸.

Последний протопресвитер Русской армии и флота
Г. И. Шавельский

Здесь надо пояснить причину упоминания термина «декадентство». Под этим термином следует понимать (не более и не менее) антиреалистическое направление в искусстве конца XIX — начала XX века, с признаками демонизма, формализма, индивидуализма, упадничества.

На молодого Шагала оказала сильное духовное влияние дружба с Малевичем, а через Малевича связь с Хармсом (Даниилом Ювачевым). «Одним из вещественных свидетельств связи Малевича с Хармсом является сохранившаяся в архиве книга художника «Бог не скинут» (Витебск: Изд. дом «Уновис», 1919), по-

даренная Хармсу с надписью: «Идите и оставивайте прогресс»⁹.

И снова Витебск... заколдованное место...

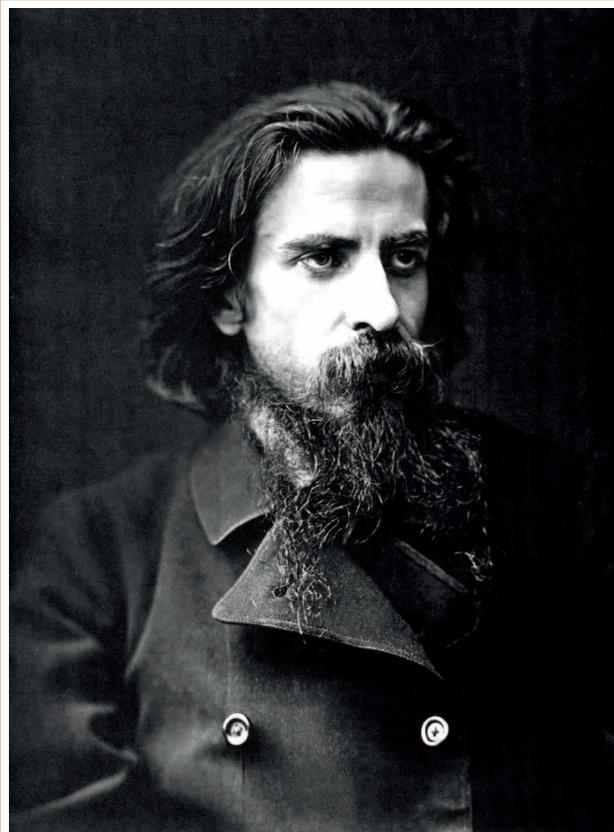
О том, что священник Александр Введенский тоже был не чужд декаданса как состояния души, имеются следующие наблюдения: «Надо сказать, что до конца жизни А.И. Введенский находился под сильнейшим влиянием декадентства, и если страстная тоска по правде, ощущение безвыходности, бессмысленности

обыденной жизни, переплавленные могучим ораторским талантом, создавали изумительные, потрясавшие слушателей проповеди, то идейная спутанность, смещение моральных ценностей, свойственные декадентству, способствовали поразительной беспринципности, свойственной этому сложному человеку»¹⁰.

* * *

Владимир Сергеевич Соловьев (1853–1900) был совершенно не церковным человеком, но известен как религиозный философ и богослов. Удивительно, правда? Не могу сказать утвердительно: по причине ли, что не был церковным человеком, в нем созрели те заблуждения, которые перешли в русскую религиозную философию, породившую и вольнодумцев-еретиков, и обновленчество, и ересь софианства, и экуменизм, но он был родоначальником этих явлений суемудрия в России. Иначе как назвать его идею объединения церквей во «все-ленскую теократию» во главе с Папой Римским? Или пантеистические и оккультные составляющие в его богословии?

Философ В. С. Соловьев

Обновленчество возникло в России вскоре после смерти В. Соловьева и изначально воплотилось в группе «32-х» петербургских священников, или в «Союзе церковного обновления». Эту группу считали предтечей обновленчества 1920-х годов. Но, говорят, это было не так. В декабре 1914 года вышла книга Ю. Балашкиной, фундаментально исследовавшей явление обновленчества, где доказывается, что обновленчество 1920-х годов не имеет ничего

общего с движением начала XX века, даже преемственности.

По словам автора книги, «результаты работы с архивными документами убеждают, что представители «Союза церковного обновления» — люди жертвенного служения Богу и народу, люди глубокой христианской совести. Оказавшись в центре не только церковных коллизий эпохи, но и религиозно-философского ренессанса начала XX века, соединенные многочисленными личными связями с культурной

элитой «серебряного века», они встали перед необходимостью ответа на непраздные вопросы, которые накопились по отношению к Церкви».

Какие же это непраздные вопросы? Вот они: соединяются ли небесные и земные идеалы; как соотносятся свобода и достоинство личности в светском и церковном понимании; как сочетать личное спасение и общественную деятельность; как относиться к западной культуре; и основной вопрос — освобождение Церкви от диктата государства.

Имеющееся «алиби» у 32 обновленцев — а автор книги и ее единомышленники

«алиби» демонстрируют — состоит в том, что у истоков движения стояло мировоззрение славянофила Ивана Петровича Аксакова. А уж славянофилы не могут быть заподозрены в «измене Церкви и обществу». Довод, конечно, слабый, но он не помеха, чтобы перейти к обновленцам 1920-х годов.

Некоторые современные богословы из священников, например Илья Соловьев, предлагают понять разницу в обновленчестве реформаторском и реакционном. Мол, перед

Вид Витебска с колокольни Успенского собора (фото С. М. Прокудина-Горского. 1912 г.)

термином «обновленчество» в церковной жизни возникает не то чтобы страх, но презрение и отторжение. Так ли это? Наверное, так...

* * *

Революция 1917 года объединила вокруг себя нетрадиционные круги российского общества, которые идейно выразились в движении по имени «Серебряный век». Традиционная православная церковь в тот период, отказываясь от сотрудничества с безбожной властью большевиков, все же стремилась к выживанию в новых условиях. Это естественно. Однако находились священники и епископы, готовые к сотрудничеству с богоборческой властью: «Только большевики могут спасти Россию» (архиепископ *Тобольский Варнава*). Он пообещал привести за собой пол-России.

Такое заявление не могло быть объяснимо только страхом перед ВЧК. Это признание объяснимо как идейное заблуждение либо как религиозный нигилизм. И Варнаве следовали десятки и даже сотни православных иереев.

В это смутное для России время был созван Собор Православной Российской Церкви (1917–1918) из 576 человек: 10 митрополитов, 17 архиепископов, 52 епископа, 2 протопресвитера, а также игумены, иеромонахи, протоиереи, священники, протодьяконы, дьяконы, псаломщики и миряне.

От Иркутской епархии на соборе присутствовали шестеро: архиепископ Иркутский и Верхотурский Иоанн, священник Околович Михаил Федорович, псаломщик Шергин Виктор Прокопьевич (впоследствии признан выбывшим из состава Собора), крестьяне Зюзин Дмитрий Андреевич, Можяев Илья Арсеньевич и преподаватель духовной семинарии Одинцов Михаил Васильевич.

Не касаясь множества определений и постановлений, упомяну общие положения о высшем управлении Православной Русской Церкви: высшая законодательная, административная, судебная и контролирующая власть Церкви принадлежит Поместному Собору; восстанавливается Патриаршество; Патриарх является первым между равными ему епископами; Патриарх вместе с органами церковного управления подотчетен Собору.

На Соборе рядом с архиереями и специалистами канонического права большинством были простые миряне из мещан и крестьян. Большинство голосов проходило их мнение.

Один из мирян сказал: «У нас нет больше царя, нет отца, которого бы мы любили. Синод любить невозможно, а потому мы, крестьяне, хотим патриарха». И то правда, со времен Петра I была нарушена преемственность патриаршества на Руси. Первым был поставлен Иов (1525–1607) в 1589 году. Родом из тверской Старицы, древнего русского города. Первым после трехсотлетнего перерыва на Соборе был избран Патриархом митрополит Тихон (Василий Иванович Белавин, 1865–1925), тоже тверской, родом из-под Торопца. Совпадение удивительное и для меня приятное, не скрою, ибо и мой отец, и его предки — тверские, и мне приходилось не раз видеть: по многим погостам под крестами лежат мои однофамильцы.

Деяниями Священного Собора Православной Российской Церкви все (или почти все) реформаторские вопросы 32 священников из «Союза церковного обновления» были сняты. Но осталось то, что породило «политическое» разномыслие или раскол, который коренным образом отличался от раскола XVII века.

* * *

Да, реформацию Церкви Александр Введенский понимал отлично от соборного мнения, а потому и от деяний Собора.

Но вернусь к первым годам жизни юноши из Витебска в Петрограде... Поступил Александр в университет на историко-филологический факультет. Почти каждый день, как и в Витебске, бывал в церкви. Занимался философией, музыкой. Но пылкой натуре этого мало, занялся богоискательством. Нет, не тем поиском Бога, что у пророка Исайи: «Ищите Господа, когда можно найти Его, когда он близко» (Ис. 55:6), а другим — путем хождений по экзальтированно-религиозным светским салонам. Он становится частым гостем у Мережковского и Гиппиус.

Нрава Введенский был необузданного и пылкого, имел недюжинные способности к постижению премудростей мироустройства. О внешности разговор отдельный... она на-

столько была выразительна и характерна, что Н.К. Чуковский (сын К.И. Чуковского) в своем автобиографическом романе «Юность» упоминал о ней так: «Красивое, молодое, нерусское лицо. Армянин, что ли, или грек? Острая подстриженная бородака чрезвычайной черноты. Горбатый изогнутый нос, очень тонкий. Смуглые щеки, большие зеленоватые глаза с необыкновенно ярким блеском, в котором было что-то женственное и вместе с тем баранье. Черные длинные вьющиеся волосы из-под серой шляпы... Наша цель конкордат, и на конкордат они пойдут...»¹¹

Курьез состоит в том, что позднее, в 1919 году, Введенский удостоился аудиенции самого председателя Петроградского Совета Зиновьева в Смольном. Обсуждали перспективы развития Церкви. Введенский предложил конкордат: соглашение между Советами и реформированной Православной Церковью. Зиновьев дал следующий ответ: «Конкордат в настоящее время вряд ли возможен <...> как вы знаете, я делаю все зависящее, чтобы избежать каких-либо ненужных обострений в отношении с церковью у нас в Петрограде». Позднее, в 1925 году, уже митрополитом обновленческой «Живой церкви», Собор которой состоялся тремя годами ранее, А.И. Введенский участвует в диспуте с Анатолием Васильевичем Луначарским — первым наркомом просвещения советского государства. Дебаты, если это возможно так назвать, имели такую форму: доклад Луначарского — ответное слово Введенского — заключительное слово Луначарского. Встреч было две. Со стороны наркома просвещения звучала резкая критика христианства. Обновленческий митрополит возражал, но как бы играл «в поддавки», постоянно давая понять, что «марксисты, коммунисты, советская власть работают для исполнения заветов Христа», и далее: «мир должен услышать от церкви, что те, которые пошли бороться с этим злом, они не прокляты, а благословенны, и мы их должны благословить именем Христа. Мир должен через авторитет церкви принять правду коммунистической революции».

Это и запечатлелось в постановлении первого обновленческого Собора (апрель 1923 года). Было ясно и тогда, и позднее в особенности, что

обновленческое движение не могло возникнуть без поддержки советской власти, так как стратегически рассматривалось как средство разрушения Русской Православной Церкви.

И даже Патриарх Тихон после освобождения из заточения, за два года до смерти заявил: «Я, конечно, не выдавал себя за такого поклонника Советской власти, каким объявляют себя церковные обновленцы, но зато я далеко и не такой враг ее, каким меня выставляют».

* * *

Митрополит Сергей (Иван Николаевич Страгородский, 1867–1944) в сравнительно молодые годы, даже будучи епископом в 1901–1903 годах, не чужд был новых идей, и в этом деле без «передовой» творческой интеллигенции (без Мережковского, Гиппиус) никак не обошлось. Я часто упоминаю эти имена, потому что они были мистическим знаменем Серебряного века в деле обновления религиозной и культурной жизни России.

«Но сердце хочет и просит чуда. Чуда! О, пусть будет то, чего не бывает, никогда не бывает»¹². «Чудо» свершилось в октябре семнадцатого. Но ожиданием «чуда» жила образованщина с начала XX века. Речи, пророчества, ожидание чуда, диспуты о свободе совести, христианской догматике... На диспутах бывали и В.В. Розанов, и А.И. Введенский, и Г.И. Шавельский, и многие молодые священнослужители. Интеллигенция ожидала от Церкви реформации...

Василий Васильевич Розанов (1856–1919) очень метко иронизировал над религиозно-философскими диспутами: «Мы постараемся поверить, а они пусть начнут делать; и все кончится благополучно...» Благополучно не кончилось, но Василий Васильевич об этом до конца не узнает. Он свои доклады на философских собраниях печатал в тогдашнем «Новом пути», а в 1994 году сборник статей вышел отдельной книгой, названной «В темных религиозных лучах». Отчего-то не в светлых религиозных лучах...

Вот тогда начала зарождаться идея церковного обновления, породившая декларацию тридцати двух священников; началось и становление «Живой церкви».

Святитель Иоанн Кронштадтский критически относился к таким религиозным опытам, а

обер-прокурор святейшего Синода К.П. Победоносцев своим распоряжением прекратил их вовсе после двадцати двух заседаний.

Но вернемся к митрополиту Сергию... Да, в 1922 году он уже был митрополитом. Тогда он публично признал обновленческое Временное Церковное Управление (ВЦУ) единственной канонической церковной властью. И не один признал, а совместно с архиепископами Нижегородским Евдокимом и Костромским Серафимом: «...Заявляем, что целиком разделяем мероприятия ВЦУ <...> Мы призываем последовать нашему примеру всех истинных пастырей и верующих сынов церкви, как вверенных нам, так и других епархий»¹³.

Надо иметь в виду, что за год до этого злополучного воззвания митрополит Сергей был арестован и несколько месяцев находился в заточении в Бутырской тюрьме. Однако через год с небольшим принес покаяние и был принят в лоно Патриаршей Церкви.

Надо признать, что действия митрополита Сергия в то тяжелое время многими признавались направленными против интересов Патриаршей Церкви. Но надо было знать его характер и смысл его поведенческих реакций до конца. Вот комментарий Левитина-Краснова и Шаврова, современников, переживших Патриарха на многие годы:

«Тихо, осторожно, без нажимов, сохраняя достоинство, но не обостряя ни с кем отношений, — такова линия митрополита (впоследствии Патриарха) Сергия. Придя в обновленческое движение, митрополит Сергий занял ту же позицию. Признав ВЦУ, он спокойно и тихо си-

дел у себя во Владимире, пока не наступил «раскол в расколе», а в сентябре выступил в союзе с Антонином Грановским против Живой Церкви».

* * *

Власть (советская) была склонна сохранять две юрисдикции: обновленческую («Живую церковь») и Патриаршую, при неустанной борьбе с религией общества безбожников и с постоянной пропагандой материалистического мировоззрения. Регулируя процессы и взаимодей-

действуя со всеми тремя, власть должна была заручиться поддержкой и Патриаршей Церкви. Для этого митрополита Сергия снова арестовали в ноябре 1926 года. Арест как оказание давления в принуждении к лояльности Советской власти и к публикации в нужной редакции обращения к своим чадам. Но официальное обвинение — связи с эмиграцией и приходом за границу.

В марте 1927 года митрополит Сергей вступил в управление Патриаршей Церковью на правах заместителя местоблюстителя, так как Патриарха Тихона не было уже в живых. В результате и арест, и дальнейшее давление власти принудили к

публикации так называемой «Декларации митрополита Сергия»: «...Мы хотим быть православными и в то же время сознать Советский Союз нашей гражданской родиной, радости и успехи которой — наши радости и успехи, а неудачи — наши неудачи. Всякий удар, направленный в Союз, будь то война, бойкот, какое-нибудь общественное бедствие или просто убийство из-за угла создается нами как удар, направленный в нас...»

Патриарх Тихон (Белавин)
и митрополит Сергий (Страгородский)

Эта Декларация породила большое разномыслие в Патриаршей Церкви. Одни считали, что «сергианство» как примирение с коммунистами спасет Церковь от ее полного истребления, другие считали иначе... По рассказам старших своих родственников знаю, что мой дед Сергей Илларионович тяжело переживал это церковное разномыслие... Позднее на чердаке дома я нашел остатки его библиотеки. Там много было журналов и газет: «Кормчий», «Церковные ведомости», «Русское знамя». Намного позднее, ознакомившись с кругом чтения подробнее, я понял его как русского православного человека, бывшего одно время старостой Ильинского храма в селе Селихове. В то смутное время храм перешел к обновленцам, и Сергей Илларионович возмущался по этому поводу. Даже писал жалобу в Тверскую и Кашинскую епархию на курящего и своевольно священника.

На Сергея Илларионовича, из «политических соображений», была наложена епитимья (копия этой жалобы сохранилась у меня и по сей день). После этого он затих, ушел в себя и больше не занимался обличением обновленческого клира.

* * *

В 1922 году была принята Программа церковных реформ обновленческой «Живой церкви», именуемой так по названию журнала, который ею издавался. Она включала в себя в своих основных положениях реформы догматические, этические, литургические, канонические и приходские. Не вдаваясь в подробности этих реформ, обоснованно заявляю, что основные изменения касались отрицания опыта Православия в постижении Бога и служения Ему. Хотя кое-что разделялось традиционной Церковью, например, — устранение обрядов, являющихся пережитками древнего язычества, борьба с суевериями...

По количеству своих прихожан обновленческая церковь намного уступала Патриаршей Церкви, но все же по ряду епархий была многочисленной. Например, в Московской епархии всего 95 храмов попали под влияние обновленцев, в Тверской — только 16, а в Иркутской епархии — 101. В Иркутске, скажем, даже со-

седствующие храмы принадлежали разным религиозным организациям. К примеру, приход церкви Входа Господня в Иерусалим был обновленческим, а церковь Михаила Архангела (Харлампиевская) относилась к Патриаршей Церкви.

Примечания

1. Второй съезд РСДРП : протоколы. – М. : Изд-во лит. лит., 1959. – С. 429.
2. Булгаков С.В. Православие. Праздники и посты. Богослужение. Требы. Расколы, ереси, секты. Противные христианству и православию учения (из настольной книги для церковно-служителей). – Киев, 1912.
3. Буткевич Т.И. Обзор русских сект и их толков с изложением их происхождения, распространения и верования и с опровержением последнего. – Харьков, 1912.
4. Антипатр Фессалоникский, I век до н.э.
Европа — дочь финикийского царя Агенора, похищенная Зевсом, обратившимся в быка. На спине этого быка Европа по морю и попала на Крит.
5. Вся Россия. – Издание Суворина, 1895.
6. Шагал М. Моя жизнь.
7. Ежегодник «Вся Россия», 1895 г., издание Суворина.
8. Агурский М. (1933–1991). Идеология национал большевизма.
9. Театр. – 1991. – № 11. – С. 174.
10. Левитин-Краснов А., Шавров В. Очерки по истории русской церковной смуты. – М. : Изд-во «Крутицкое Патриаршее подворье», 1996.
11. Цит. по: Агурский М. Идеология национал большевизма // Известия. – 1923. – 4 июля.
12. «И это желание не знаю откуда, / Пришло откуда, / Но сердце хочет и просит чуда. / Чуда!». Зинаида Гиппиус. Песня. Март 1893 год.
13. Меморандум трёх. Воззвание от 6 июля 1922 года.

Продолжение следует

• **БИТВА ЗА РОССИЮ**
Митрополит Иоанн (Снычѳв)

Э. Э. Лиснер.
Преподобный Сергий Радонежский благословляет
князя Дмитрия Донского на битву с Мамаем (фрагмент)

БИТВА ЗА РОССИЮ

Митрополит Иоанн (Снычёв)

У России есть только два верных союзника. Это ее армия и ее флот.

Государь Император Александр III

У од мировой истории извилист и непредсказуем. Вопреки распространенному мнению, ее течение не есть результат «борьбы добра и зла». Это заблуждение, утверждающее нравственный дуализм, а проще сказать — равняющее Всеблагого Бога с Его падшим творением, низверженным херувимом, превратившимся в мрачного демона, — доныне служит первоосновой множества пагубных недоразумений и ошибок во всех областях человеческой жизни. Силы добра неизмеримо превышают возможности зла. Причины всех земных нестроений в том, что зло — именно зло — борется с добром, пытается разрушить промыслительное Божественное устройство мира, которое по милости Божией должно совершиться полным искоренением грехов и страстей. И если бы человек, почтенный от Господа превыше всякой земной твари, обладающий богоподобной свободой — свободой нравственного выбора, — не злоупотреблял

Когда это стремление к чистоте и святости овладевает целым народом, он становится носителем и хранителем идеи столь высокой, столь сильной, что это неизбежно сказывается на всем мироустройстве. Такова судьба русского народа.

ею, произвольно склоняясь на соблазны зла, не было бы в мире места темной силе и простора для ее действий на земле. Разумение своей нравственной немощи побуждает человека стремиться к исправлению. Когда это стремление к чистоте и святости овладевает целым народом, он становится носителем и хранителем идеи столь высокой, столь сильной, что это неизбежно сказывается на всем мироустройстве. Такова судьба русского народа. В этом положении народ и его государство неизбежно подвергаются испытаниям самым тяжким, нападкам самым безжалостным и коварным. Такова судьба России. Тяжел и тернист исторический путь нашей Родины. Его десять столетий изобилуют войнами и смутами, нашествиями иноплеменников и интригами иноверцев. Заявляя о своем стремлении воплотить в жизнь религиозно-нравственные святыни веры, Россия неизбежно становилась поперек дороги тем, кто, отвергая заповеди о милосердии, нестя-

жании и братолюбии, рвался устроить земное бытие человека по образцу звериной стаи — жестокой, алчной и беспощадной. Сегодня нам как никогда важно понять, что все происходящее ныне со страной есть лишь эпизод в этой многовековой битве за Россию как за духовный организм, хранящий в своих недрах живительную тайну религиозно осмысленного, просветленного верой жития. Осознав себя так, сумеем преодолеть тот страшный разрыв — болезненный и кровоточащий, — что стал следствием второй, Великой русской Смуты, вот уже более семидесяти лет терзающий нашу землю и наш народ. Мы больше не можем позволить себе делиться на «белых» и «красных». Если хотим выжить — надо вернуться к признанию целей столь высоких, авторитетов столь бесспорных, идеалов столь возвышенных, что они просто не могут быть предметами спора для душевно здравых, нравственно полноценных людей. Таковы святыни веры. Не зря на протяжении веков именно Церковь являлась первой мишенью губителей России. В последнее время мы так увлеклись безудержным «миролюбием» (напоминающим, к сожалению, при ближайшем рассмотрении паралич державной воли), что нелишним, пожалуй, будет напомнить читателям, как из века в век плелись заговоры против нашей страны. Итак, немного истории. На рубеже IX–X веков по Рождестве Христовом в среднем течении Днепра сложился союз славянских племен, ставший впоследствии основой русской государственности. В 988 году Крещение Руси Великим князем киевским Владимиром ознаменовало собой рождение Русской Державы — централизованной, объединенной общей верой, общими святынями, общим пониманием целей и смысла человеческого бытия. В 1054 году христианский мир испытал

страшное потрясение: от вселенской полноты Православной Церкви отпал католический Запад, прельстившись суетой и обманчивой славой мирского величия. Русь сохранила верность Православию, презрев политические выгоды и соблазны ради подвижнических трудов и даров церковной благодати. С этого момента берет свое начало не прекращающаяся по сию пору война против России. Русскому народу пришлось воевать без конца: уже с 1055-го по 1462 год историки насчитывают 245 известий о нашествиях на Русь и внешних

столкновениях. С 1240-го по 1462-й почти ни единого года не обходилось без войны. Из 537 лет, прошедших со времени Куликовской битвы до момента окончания Первой мировой войны, Россия провела в боях 334 года. За это время ей пришлось 134 года воевать против различных антирусских союзов и коалиций, причем одну войну она вела с девятью врагами сразу, две — с пятью, двадцать пять раз пришлось воевать против трех и тридцать семь — против двух противников.

Подавляющее число русских войн всегда были войнами оборонительными. Те же, которые можно назвать наступательными, велись с целью предотвращения нападений и для уничтожения международных разрушительных сил, с конца XVIII века непрерывно грозивших Европе страшными потрясениями. Мужество и стойкость, военные и государственные таланты, проявленные нашим народом в ходе этой многовековой битвы, не знают себе равных. За четыреста лет территория России расширилась в четыреста раз! Молдавские господа и грузинские цари, украинские гетманы и владыки кочевых народов Средней Азии смиренно просили — иные по сто лет кряду — о принятии в российское подданство, «под высокую руку» русского царя.

Из 537 лет, прошедших со времени Куликовской битвы до момента окончания Первой мировой войны, Россия провела в боях 334 года. За это время ей пришлось 134 года воевать против различных антирусских союзов и коалиций, причем, одну войну она вела с девятью врагами сразу, две — с пятью, двадцать пять раз пришлось воевать против трех и тридцать семь — против двух противников.

Были и завоевательные походы. Тогда, когда терпеть коварство и жестокость соседей уже не хватало сил. Только с XV по XVIII столетие восточные соседи Руси — татары и турки — захватили в полон и обратили в рабство около 5 миллионов русских. А сколько еще погибло во время хищнических набегов! В одной лишь Казани, взятой русскими войсками после упорного штурма в 1552 году, томилось сто тысяч русских пленников. Еще в начале XVII века на большинстве французских и венецианских военных галер гребцами были русские рабы, обреченные на пожизненный каторжный труд. И все же, несмотря на непрерывные набеги и страшное военное напряжение, в котором из века в век находился русский народ, Русь росла и крепла. В 1480 году Европейская Россия имела население в 2 миллиона человек (в 9 раз меньше тогдашней Франции). В 1648 году, когда русские первопроходцы открыли водный путь из Северного Ледовитого океана в Тихий, до предела раздвинув восточные границы России, ее население насчитывало 12 миллионов жителей (против 19 миллионов во Франции). В 1880 году число подданных Российской Империи превысило 84 миллиона, в 2,5 раза превзойдя ту же Францию. Накануне Первой мировой войны Россия имела 190 миллионов, и не будь социальных катастроф, непрерывно сотрясавших ее в последующие десятилетия, уже в 1950 году, по подсчетам демографов, население России перешло бы за 300 миллионов. Такова огромная жизненная мощь русского народа, наглядно явившая себя на просторах Святой Руси. Страшная и непонятная для чужого, холодного внешнего наблюдателя, она охотно раскрывает свои секреты всякому, вопрошающему с любовью и надеждой, приходящему за поддержкой и помощью, наукой и вразумлением. Секрет прост: в основание внешнего величия и силы русский гений положил несокрушимый «камень веры», многовековой опыт духовного единства, забот-

Секрет прост: в основание внешнего величия и силы русский гений положил несокрушимый «камень веры», многовековой опыт духовного единства, заботливо лелеемый Православием, как зеница ока оберегаемый Русской Церковью.

ливо лелеемый Православием, как зеница ока оберегаемый Русской Церковью. Опыт личного благочестия, неопровержимое внутреннее свидетельство о правде Божией воспламеняли верой и мужеством сердца русских ратников на поле боя, русских подвижников в дальних скитах и убогих келиях, русских князей в делах государственного управления. Не раз составляли враги России хитроумные планы ее порабощения. Вот лишь несколько примеров того, как предполагалось уничтожить ненавистную, непокорную страну. Самым верным способом для этого сочли лишить Россию ее религиозной самобытности, ее православных святынь, «растворив» их в западном католичестве. Еще при святой равноапостольской княгине Ольге, в середине X века, посылает Рим первых послов в Россию. С предложением о «соединении» обращался к русским князьям папа Климент III в 1080 году. В 1207-м папа Иннокентий в новом послании к русским людям писал, что он не может «подавить в себе отеческие чувства» и «зовет их к себе». Оставшиеся без ответа «отеческие чувства» Ватикана проявили себя в организации мощного военного давления на западные рубежи Руси. Ловкостью и политическими интригами сосредоточив в своих руках духовную и светскую власть над Европой, папы в XIII столетии всеми силами пытаются воспользоваться несчастным положением разоренной монголами Руси: против православной страны они последовательно направляют оружие датчан, венгров, военизированных монашеских католических орденов, шведов и немцев. Еще в 1147 году папа Евгений III благословил «первый крестовый поход германцев против славян». Не брезгует Запад и антирусскими интригами при дворе Батыя — не случайно одним из советников хана является рыцарь Святой Марии Альфред фон Штумпенхаузен. В 1245 году ездил в Великую Монголию с поручением от папы Иннокентия IV к самому Великому хану минорит Иоанн де Плано Кар-

пини, в сопровождении двух доминиканских монахов: Асцелина и Симона де Сен-Кента. Голландский монах Рюисброк был послан в Каракорум к хану Менгу владыкой Франции Людовиком IX. Европейские государи были как нельзя больше заинтересованы в продолжении татарских набегов на Русь. «Будем осмотрительны, — писал английскому королю император Фридрих III Штауфен. — Пока враг губит соседа, подумаем о средствах самообороны». Цинизм «просвещенной Европы» непередаваем: когда очередные попытки натравить монголов на Русь провалились благодаря дипломатическим талантам Александра Невского, папа, ничтоже сумняшеся, в 1248 году предложил тому же Александру союз против хана — с условием, конечно, что князь признает главенство Ватикана. Так, ложью, лестью и насилием пытаются искоренить в Европе «русский дух». И все же, вопреки всему, Русь выстояла, отразив восточные орды кочевников и западные — крестоносцев. Выстояла, окрепла и возмужала. Однако желающие еще и еще раз испытать ее прочность не переводились. В 1564 году, например, в Россию приехал попытать счастья на русской службе некто Генрих Штаден, сын бюргера из небольшого вестфальского городка. Он пробыл в «стране москвитов» 13 лет, нужды не знал, занимался в Москве шинкарством, водил обширные знакомства и в 1576 году беспрепятственно вернулся на родину. Тут-то и началось самое интересное. Два следующих года Штаден провел в эльзасском замке Люцсльштейн, принадлежавшем пфальцграфу Георгу Гансу, где терпеливо и тщательно разрабатывал... план захвата и уничтожения русского государства. План этот — надо отдать ему должное — задуман был смело и широко, с глобальным политическим размахом. В антирусскую коалицию предполагалось вовлечь Пруссию, Польшу, Ливонию, Швецию и Священ-

ную Римскую Империю. На аудиенциях у императора и заседаниях рейхстага воинственный пфальцграф добивался создания могучего флота в Балтийских водах с целью нападения на русские владения. Генрих Штаден привлекался к проекту в качестве советника, эксперта и консультанта «по русским вопросам». «Ваше римско-кесарское величество, — писал он, — должны назначить одного из братьев Вашего величества в качестве государя, который взял бы эту страну (Россию. — Прим. авт.) и управлял бы ею... Монастыри и церкви должны быть закрыты. Города и деревни должны стать свободной добычей воинских людей...» Далее Штаден разрабатывает подробный план захвата и оккупации Руси при движении на Москву с севера. «Отправляйся дальше и грабь Александровскую слободу, — рекомендует автор, — заняв ее отрядом в 2000 человек... За ней грабь Троицкий монастырь». Затем, по его мнению, окруженная «Москва может быть взята без единого выстрела». Чтобы закрепить победу и лишить русских людей традиционного харизматического руководства, царя Иоанна «вместе с сыновьями, связанными как пленники, необходимо увезти» подальше от родной земли. Не правда ли, у создателей плана «Барбаросса» были весьма достойные предшественники?

Не прошло и трех десятилетий после неудачи этого глобального предприятия, как нашлись охотники попользоваться русской смутой, ставшей результатом затяжного династического кризиса. На этот раз за дело взялись признанные профессионалы — иезуиты, монахи католического «общества Иисуса», прекрасно понимавшие, что основа русской мощи находится в области духовной, религиозно-церковной. Размышить, пошатнуть ее с помощью так называемой «унии», т. е. присоединения Русской Церкви под власть папы римского — таков был их главный

На этот раз за дело взялись признанные профессионалы — иезуиты, монахи католического «общества Иисуса», прекрасно понимавшие, что основа русской мощи находится в области духовной, религиозно-церковной. Размышить, пошатнуть ее с помощью так называемой «унии», то есть присоединения Русской Церкви под власть папы римского — таков был их главный замысел.

замысел. Внешне Русь являла собой печальную картину разброда и хаоса. Зная, однако, как обманчив этот русский хаос, отцы-иезуиты дали своему воспитаннику, самозванцу Лжедмитрию I, занимавшему в то время русский престол, следующие инструкции:

«...— Самому государю заговаривать об унии редко и осторожно, чтобы не от него началось дело, а пусть русские первые предложат о некоторых неважных предметах веры, требующих преобразования, и тем проложат путь к унии;

— Издать закон, чтобы в Церкви русской все подведено было под правила Соборов и отцов греческих, и поручить исполнение закона людям благонадежным, приверженцам унии: возникнут споры, дойдут до государя, он назначит Собор, а там можно будет приступить к унии;

— Намекнуть черному духовенству о льготах, белому о наградах, народу о свободе...

— Учредить семинарии, для чего призвать из-за границы людей ученых, хотя и светских...»

Вам это ничего не напоминает? Похоже, идеологи перестройки поменяли только терминологию. Впрочем, тактика лицемерия и коварства всегда одна и та же... Прошло еще триста лет. В отношении Запада к России мало что изменилось, разве что ее враги — явные и тайные — обрели силу и власть, позволившие ставить вопрос об уничтожении русской государственности и включении поработанной страны в систему международной наднациональной диктатуры. Соответственно, изменились идеологические, политические, экономические методы достижения целей. И вот на свет появился любопытнейший документ. Он широко известен миру под названием «Протоколы сионских мудрецов». Пожалуй, ни один документ не вызывал за последние

восемьдесят лет столь яростных споров. Да и немудрено — в нем детально и одновременно сжато изложен план завоевания мирового господства столь циничный и подлый, преисполненный столь явного презрения к человеку и откровенного поклонения злу, столь искусно составленный, что не хочется верить в существование организации, в недрах которой могла найти свое воплощение эта страшная идея. Одни историки безусловно признают подлинность «Протоколов». Другие — столь же безусловно ее отрицают. Я далек от того, чтобы становиться арбитром в этом споре. История

появления «Протоколов» довольно путаная. Впервые они увидели свет в широкой печати, когда в 1905 году русский духовный писатель С.А. Нилус включил их в свою книгу «Великое в малом». Это дало впоследствии повод утверждать, что «Протоколы» фальсифицированы царской охранкой, чтобы свалить вину за разгоравшуюся революцию на несуществующие «темные силы». Обвинение, однако, не соответствует действительности хотя бы потому, что первые сто экземпляров «Протоколов» были отпечатаны на гектографе (прокурором московской синодальной конторы, камергером Ф.П. Сухотинным) уже в 1895 или 1896 году. Годом позже «Протоколы» были размножены в губернской типографии по заказу А.И. Клеповского, состоявшего тогда чиновником особых поручений при Великом князе Сергее Александровиче. Как бы там ни было, до конца не проясненным остается вопрос, как они вообще попали в Россию. Нам, впрочем, интересно другое: подлинны «Протоколы» или нет, но восемьдесят лет, прошедших после их опубликования, дают обильный материал для размышления, ибо мировая история, словно повинувшись приказу невидимого диктатора, покорно прокладывает свое прихотливое русло в удивительном, де-

В отношении Запада к России мало что изменилось, разве что ее враги — явные и тайные — обрели силу и власть, позволившие ставить вопрос об уничтожении русской государственности и включении поработанной страны в систему международной наднациональной диктатуры. Соответственно изменились идеологические, политические, экономические методы достижения целей.

тальном соответствии с планом, изложенным на их страницах. Не миновала на этот раз общей участи и Россия.

Судите сами. «Наш пароль — сила и лицемерие, — провозглашают анонимные авторы документа. — Насилие должно быть принципом, хитрость и лицемерие — правилом... Чтобы скорее достигнуть цели, нам необходимо притвориться сторонниками и ревнителями вопросов социальных... особенно тех, которые имеют задачей улучшение участи бедных; но в действительности наши стремления должны тяготеть к овладению и управлению движением общественного мнения... Действуя таким образом, мы сможем, когда пожелаем, возбудить массы. Мы употребим их в качестве орудия для ниспровержения престолов (Россия) и для революции, и каждая из этих катастроф гигантским шагом будет подвигать наше дело и приближать к цели — владычеству над всей землей». Первейшее основание успеха «мудрецы» видят в том, чтобы разрушить и осквернить национальные святыни народа. «Нам необходимо подорвать веру, вырвать из ума людей принцип Божества и Духа, и все это заменить арифметическими расчетами, материальными потребностями и интересами... Священничество мы позаботились дискредитировать... С каждым годом влияние священников на народы падает — повсюду провозглашаются свободы: следовательно, только какие-нибудь годы отделяют нас от момента полного крушения христианской веры, самой опасной для нас противницы...» Тем, кому памятна страшная разрушительная роль, сыгранная средствами массовой информации в нашем недавнем прошлом, небезынтересно будет ознакомиться со следующими строками, написанными «сионскими мудрецами» сто лет назад: «Если золото первая сила в мире, то пресса — вторая. Мы достигнем нашей цели только тогда, когда

пресса будет в наших руках. Наши люди должны руководить ежедневными изданиями. Мы хитры, ловки и владеем деньгами, которыми умеем пользоваться для достижения наших целей. Нам нужны большие политические издания — газеты, которые образуют общественное мнение, уличная литература и сцена. Этим путем мы шаг за шагом вытесним христианство и продиктуем миру, во что он должен верить, что уважать, что проклинать. С прессой в руках мы можем неправое обратить в правое, бесчестное в честное. Мы можем нанести первый удар тому, до сего дня еще священному учреждению, — семейному началу, которое необходимо довести до разложения. Мы тогда уже будем в состоянии вырвать с корнем веру в то, пред чем до сего времени благоговели... и взамен этого воспитать армию увлеченных страстями... Мы можем открыто объявить войну всему тому, что теперь уважают и перед чем благоговейт еще наши враги. Мы создали безумную, грязную, отвратительную литературу, особенно в странах, называемых передовыми... Мы затронули образование и воспитание, как краеугольные камни общественного быта. Мы одурачили, одурманили и развратили молодежь...»

Для приверженцев конкретных фактов скажем, что «Протоколы» предсказали мировые войны, политическую форму устройства государств на десятилетия вперед, ход развития мировой экономики, черты кредитно-финансовой политики и множество других деталей жизни «мирового сообщества» с потрясающей точностью. Вот картина политической гибели независимого национального государства, описанная «Протоколами» в конце прошлого века. Сравните ее с тем, что происходит сейчас в России. «Когда мы ввели в государственный организм яд либерализма, вся его политическая комплекция изменилась: государства заболели смертельной болез-

Первейшее основание успеха «мудрецы» видят в том, чтобы разрушить и осквернить национальные святыни народа. «Нам необходимо подорвать веру, вырвать из ума людей принцип Божества и Духа, и все это заменить арифметическими расчетами, материальными потребностями и интересами...»

ню — разложением крови. Остается ожидать конца их агонии. От либерализма родились конституционные государства... а конституция, как вам хорошо известно, есть не что иное, как школа раздоров, разлада, споров, несогласий, бесплодных партийных агитаций — одним словом, школа всего того, что обезличивает деятельность государства. Парламентская трибуна не хуже прессы приговорила правительства к бездействию и к бессилию... Тогда мы заменили правительство его карикатурой — президентом, взятым из толпы, из среды наших креатур... Все государства замучены, они взывают к покою, готовы ради мира жертвовать всем; но мы не дадим им мира, пока они не признают нашего интернационального Сверхправительства открыто, с покорностью».

Выводы каждый разумный человек сделает сам. Со своей стороны, отмечу, что разрушительные принципы, отраженные в цитированных выше документах, не только не устарели, но получают уточнение и развитие до наших дней. Причем порой это происходит вполне открыто, на самом высоком политическом уровне. Пережив революцию и страшную братоубийственную бойню гражданской войны, ужас массовых репрессий и террор коллективизации, Россия явила на полях Второй мировой — Великой Отечественной войны чудеса героизма и мужества, спасая своих западных союзников. Казалось бы, времена взаимной враждебности должны были уйти в прошлое, отступив перед скрепленным великой кровью новым союзом. Но нет. Не успел стихнуть гул последних боев, как западные союзники круто изменили свое отношение к России. Самостоятельная и сильная — она никому не была нужна.

«Посеяв в России хаос, — сказал в 1945 году американский генерал Аллен Даллес, руководитель политической разведки США в Европе, ставший впоследствии директором ЦРУ, — мы незаметно подменим их ценности на фальшивые и заставим их в эти фальшивые ценности верить. Как? Мы найдем своих единомышленников, своих помощников и союзников в самой России. Эпизод за эпизодом будет разыгрываться грандиозная по своему масштабу трагедия гибели самого непокорного на земле

народа, окончательного, необратимого угасания его самосознания. Из литературы и искусства, например, мы постепенно вытравим их социальную сущность. Отучим художников, отобьем у них охоту заниматься изображением, исследованием тех процессов, которые происходят в глубине народных масс. Литература, театры, кино — все будет изображать и прославлять самые низменные человеческие чувства. Мы будем всячески поддерживать и поднимать так называемых творцов, которые станут насаждать и вдальбивать в человеческое сознание культ секса, насилия, садизма, предательства — словом, всякой безнравственности. В управлении государством мы создадим хаос, неразбериху. Мы будем незаметно, но активно и постоянно способствовать самодурству чиновников,

взяточников, беспринципности. Бюрократизм и волокита будут возводиться в добродетель. Честность и порядочность будут осмеиваться и никому не станут нужны, превратятся в пережиток прошлого. Хамство и наглость, ложь и обман, пьянство и наркоманию, животный страх друг перед другом и беззастенчивость, предательство, национализм и вражду народов, прежде всего вражду и ненависть к русскому народу: все это мы будем ловко и незаметно

«Посеяв в России хаос, — сказал в 1945 году американский генерал Аллен Даллес, руководитель политической разведки США в Европе, ставший впоследствии директором ЦРУ, — мы незаметно подменим их ценности на фальшивые и заставим их в эти фальшивые ценности верить. <...> Эпизод за эпизодом будет разыгрываться грандиозная по своему масштабу трагедия гибели самого непокорного на земле народа, окончательного, необратимого угасания его самосознания...»

культивировать... И лишь немногие, очень немногие будут догадываться или понимать, что происходит. Но таких людей мы поставим в беспомощное положение, превратив в посмешище. Найдем способ их оболгать и объявить отбросами общества».

Оглянемся вокруг: какие еще доказательства нужны нам, чтобы понять, что против России, против русского народа ведется подлая, грязная война, хорошо оплачиваемая, тщательно спланированная, непрерывная и беспощадная. Борьба эта — не на жизнь, а на смерть, ибо по замыслу ее дьявольских вдохновителей уничтожению подлежит страна целиком, народ как таковой — за верность своему историческому призванию и религиозному служению, за то, что через века, исполненные смут, мятежей и войн, он пронес и сохранил святыни религиозной нравственности, сокровенное во Христе понимание Божественного смысла мироздания, твердую веру в конечное торжество добра. «Из тайных скопищ безбожных исторгся вихрь мятежа и безначалия, и против державы Российской особенно дышит яростно, с шумом и воплями, как против сильной и ревностной защитницы законной власти, порядка и мира», — еще в середине XIX века предупреждал митрополит Московский Филарет, прозирая грядущую великую брань. Сегодня пришло время подводить итоги и предьявлять к оплате копившиеся веками счета. Позор нам и вечное проклятие потомков, если мы не сумеем сделать должных выводов из горького исторического опыта, заболтаем Россию, утопив ее в словесном мусоре заседаний, собраний, митингов и конференций. Не приведи, Господи! Пора научиться жить, надеясь лишь на Бога да на себя. Тяжелую и трудную, но жизненно необходимую работу по возрождению России никто не сделает за нас. Настал час вспомнить слова

Государя Императора Александра III, на смертном одре сказавшего наследнику-цесаревичу: «Знай — у России нет друзей. Нашей огромности бояться...» В своем завещании державный вождь России... сказал многое, к чему стоило бы сегодня прислушаться всем, кому небезразлична русская судьба. Вот что услышал Николай II из уст умиравшего отца: «Тебе предстоит взять с плеч моих тяжелый груз государственной власти и нести его до могилы так же, как нес его я и как несли наши предки. Я передаю тебе царство, Богом мне врученное... Меня интересовало только благо моего народа и величие России. Я стремился дать

внутренний и внешний мир, чтобы государство могло свободно и спокойно развиваться, нормально крепнуть, богатеть и благоденствовать. Самодержавие создало историческую индивидуальность России. Рухнет самодержавие, не дай Бог, тогда с ним рухнет и Россия. Падение исконной русской власти откроет бесконечную эру смут и кровавых междоусобиц. Я завещаю тебе любить все, что служит ко благу, чести и достоинству России... Ты несешь ответственность за судьбу твоих подданных перед престолом Всевышнего. Будь тверд и мужественен. В политике внешней — держись независимой позиции. Избегай войн. В политике внутренней — прежде

всего покровительствуй Церкви. Она не раз спасала Россию в години бед. Укрепляй семью, потому что она основа всякого государства».

Дай нам Бог понять, наконец, всю меру нашей сегодняшней ответственности, всю важность момента, весь ужас катастрофы, ожидающей нас, если мы не найдем в себе сил противостоять яростным порывам зла, терзающим страну. Молюсь об этом крепко и крепко верю — Россия вспрянет ото сна! Аминь!

Позор нам и вечное проклятие потомков, если мы не сумеем сделать должных выводов из горького исторического опыта, заболтаем Россию, утопив ее в словесном мусоре заседаний, собраний, митингов и конференций. Не приведи, Господи! Пора научиться жить, надеясь лишь на Бога да на себя. Тяжелую и трудную, но жизненно необходимую работу по возрождению России никто не сделает за нас.

- **ДРЕВЛЯЯ ВЕРА**

Анатолий Байбородин

Русский Обычай

С.Д. Милорадович. Черный собор. Восстание Соловецкого монастыря против новопечатных книг в 1666 году (фрагмент. 1885 г.)

ДРЕВЛЯ ВЕРА

Староверы (фото М.П. Дмитриева. 1897 г.)

Анатолий Байборodin

Глава первая
Семейский корень

Царь Иван Грозный, основатель Православного Русского Царства, проповедовал самобытно-русский, народно-православный путь России, оборонял державу от западной бесовщины, а исподволь проникающую и доморощенную, подобную ереси живодствующих, жестоко выкорчевывал, как знахарь, удаляющий опухоль, а порой и часть плоти, дабы спасти тело. И на попытки Царьграда втянуть Русь в кровавую брань, даже за христиан, полоненных басурманами, лишь разводил руками: мол, силенок маловато, истожила лукавая и непокорная Казань, обескровили брани, да и держава в смуте... А вот царь Алексей Тишайший и патриарх Никон, почуя силу русскую во Христе, впали, по суждению поклонников староверия, в мессианскую прелесть: Россия — Третий Рим, спасительница православного мира... «Храни и внимай, благочестивый царь, тому, что все христианские царства сошлись в одно твое, что два Рима пали, а третий стоит, четвертому же не бывать. И твое христианское царство другим не сменится, по слову великого Богослова, а для христианской церкви сбудется блаженного Давида слово: «Вот покой мой во веки веков, здесь поселюсь, как пожелал я того»¹.

Дабы Русская Православная Церковь вселенски утвердилась в христианском мире, утвердилась ради обережения братьев и сестер во Христе от искуса иудеев и католиков, от нашествия басурман, патриарх Никон и его собинный брат Алексей Михайлович, провидя в Святой Руси грядущую духовную силу и славу Православной Византийской Империи, Чет-

вертого Рима, затеяли правож испорченных церковных обрядов, а также искаженных при темной переписке богослужебных книг, сличая обряды и книги с греческими, коль от греков русичи и крестились во Христа, облекались во Христа.

Обозвав «никониане поганые» (смекай, дьяволопоклонники, сатанаилы), староверы предали анафеме патриарха Никона, царя Алексея Михайловича и всех, кто закрестился не двумя, а тремя перстами, кто заходил вокруг аналоя не по солнцу, *посолонь*, а встречу солнцу, кто замолился по книгам, что сверены и выправлены по греческим книгам. Чураясь «испрокаженного басурманами» царьградского православия... а почиталось колыбелью русского православия... древлеверы мнили себя истинными православными христианами, словно крещеными не от греков, а, воистину, святым апостолом Андреем, который попутно с крещением «дал» и обряды: сугубую аллилуйю, двуперстие, хождение посолонь, распевное многоголосие и богослужебные книги. В сей «избранности», конечно, таился искус гордыни, ибо Русская Православная Церковь, горделиво и заносчиво прозываемая староверами «поганой никонианской», явила сонм святых и тысячи новомучеников Христа ради; а староверческая церковь, расколовшись на еретические толки и согласия, потеряв единство, святости не породила². Но о сем подробно во второй главе...

Попутно — впрочем, се праведно — старообрядцы обличали боярство и дворянство за то, что пали в бесовский искус европейского книжного просвещения, — суть обезбоженно-мистицизма либо откровенного демонизма. Дворяне предательски приотворили русские ворота западному чужебесию. Историк Василий Ключевский о кануне раскола пишет: «В XVI веке в русском обществе сложился... взгляд на объединительницу Русской земли Москву, как на центр и оплот всего православия. Теперь было совсем не то... <...> ...На место падающей веры в родную старину и в силы народные является уныние, недоверие к своим силам, которое **широко растворяет двери иноземному влиянию** (выделено мною. — А.Б.)»³. А Петр, презиравший русскую народность, широко распахнул ворота падшему Западу, и хлынул в Россию бурный поток искусительной отравы, заразившей и сгубившей дворянские души. «Величие» Петра — великая попытка яростного западника сбить Россию с народ-

но-православного, крестьянски самобытного, горнего (божественного) пути на дольную (земную) дорогу, устланную сладострастными цветами, ведущую душу в погибельную тьму, где вечные муки, где огонь, червь и скрежет зубовный. Вторую великую попытку сбить Россию с горнего пути предприняли красные дьяволята, укравшие российскую власть, кроваво вздыбившие русское царство-государство; и неслучайно, попутно с православными храмами сокрушив памятники царям, Помазанникам

царских утеснений, обрела приют в тогдашних польских землях — Стародубье, Ветка. Старообрядческий беспоповец Иван Алексеев писал: «И к новшествам принуждающе силою и муками; коих страшных прещений, не могуте носить, многие народы оставляюще свои природные места, сродники и други, течаху в Стародубскую область и тамо пустыни населяюще»⁴.

Об этом же писал и Андрей Иоаннов (Журавлев)⁵, старообрядческий летописец

Староверы перед моленной в деревне Погорелец, Польша. 50-е гг. XX в.

Божиим, оберегали, лелеяли памятник Петру, словно первому большевику.

Любя церковные обряды от отичей и дедицей, свято чтя азы и буки богослужбных книг, некая часть православных выразила протест «исправлению веры» — отчего старообрядцев именуют еще и протестантами, — и русское священство, русское царство где пряником, где ботагом, где ласково, где люто пытались разумить неистовых древлеверцев, но лишь раздорили. Большая часть староверов, убегая от

XVIII века: «И тамо вси пришедшие с Козьмой⁶ числом 20 поселилися при реце Ревне в лето 7177 (1668) в местечке Понуровка. <...> Русаки наши, как узнали друг от друга малороссийскую дорогу, то беспрестанно один за другим туда приходили, и редкий беглец при собственном имени оставался для того, чтобы в случае поисков нельзя было познать их»⁷.

Вот корневая причина, отчего иные староверы пришли в Забайкалье с заемными, нередко и польскими фамилиями, отчего прозыва-

лись *поляками*, как, скажем, Андриевские, мои родичи по материному крылу.

В тогдашних польских землях, входящих в Царство Русское, поначалу крестьяне не страдали от государева утеснения, от крепостного помещичьего гнета и могли свободно переходить от пана к пану и даже вольно осваивать дикие земли. Русские мужики с трудовым азартом и размахнулись во всю мощь и ширь крестьянского таланта. «Вкусив свободу, русский человек осваивал новые земли, строил дома,

верною»,⁹ — писал исследователь старообрядчества, академик Д. Анучин.

И, наконец, при царице Екатерине II (1760–1768) старообрядцев *семьями* (отчего и *семейские*) переселили в Забайкалье для устройства устойчивого хлебопашества. И уже к середине XIX века семейские освоили все отведенные им земли. Часть староверов, прозванная кержаками, осела в Западной Сибири, на Алтае, часть ушла в Приамурье, но самые крупные локальные поселения старообрядцев возникли в За-

Семейские староверы Ефимовы. Бурятия, с. Билютай. Начало XX в.

развивал ремесла и торговлю. Крестьянские повинности были незначительными»⁸. Но и польские паны — не дураки: дозволив русским крестьянам освоить пустующие земли, стали притеснять похлеще российских помещиков. Несмотря на временные вольности, староверы чувствовали себя в польских землях духовно неуютно — кругом *поганые латиняне*, и христианство их — ересь жидовствующая. «Польша становится для старообрядцев вторым отечеством, но в то же время землю «поганой, не-

байкалье — в бывшем Верхнеудинском уезде и в Забайкальском крае.

* * *

Изрядную путаницу в историю и религиозную этику старообрядчества привнесли, как ни печально, те, кто исследовал и описывал «старую веру» в XX веке: одни от слепой *национал-патриотической* восторженности перед поборниками *огнеопальной* веры, исповедниками «древлеотеческого» церковного чина,

хранителями нравственной крепости, русской старины; другие, видя в старообрядчестве лишь обрядолюбие и религиозный фанатизм, культурное невежество и национально-этическую замкнутость, которая неизбежно приводит к «замиранию» и последующему вымиранию или растворению этноса среди других этнических сообществ; третьи и вовсе от безбожного, материалистического взгляда на раскол, своевольно опуская его с религиозно-мистических высот до этической, социально-сословной неприязни крестьян к помещикам и царской власти.

Не будучи основными, были и сии мотивы: крестьяне-староверы убегали от крепостного помещичьего гнета, от рабства, от безземелья. «...Стекались сюда (в тогдашние польские пределы, на Ветку. — А.Б.) из разнообразнейших мест России, причем их побуждали не только гонения за веру, а также желание освободиться от ига крепостного права»¹⁰. Размышляя о сути русского религиозного размежевания, литератор XIX века Я. Абрамов писал в «Отечественных записках»: «...Раскол явился протестом старины против новин, причем под стариной отнюдь не должно разуметь одну заскорузлость и рутину; рядом с двуперстным знамением и хождением посолонь, рядом с бородою и русским кафтаном протестанты (староверы, **протестанты, протестующие** против церковных нововведений патриарха Никона и царя Алексея Михайловича. — А.Б.) отстаивали и старинное крестьянское русское право свободного передвижения и личной свободы, и исконное право земледельца на обрабатываемую им землю, и старинное русское самоуправление...»¹¹

Но социальный, классовый, житейский и даже этический мотивы, разумеется, не были главными в расколе, поскольку эта русская трагедия — явление духовно-религиозное, и писатель Валентин Распутин по поводу раскола верно сказал: «Если социальные революции — это бунт недовольной плоти за своё благополучие против верховности существующего права, то расхождения внутри духа, раскол внутри учения, — это факт того, что **дух ослаб или заблудился** (выделено мною. — А.Б.)»¹².

Давая иногда важные историко-этнографические сведения о жизни **огнеопальных** поборников «древлего благочестия», исто-

рики-народоведы искажали духовный облик старообрядчества, когда исследовали конфессионально-этическую общность с точки зрения не только материализма, но и вульгарного атеизма. А.М. Попова писала о староверах Забайкалья: «Главными носителями старины и руководителями семейских были «уставщики» и «начетчики». Они — страшное зло в семейских селах, губят всякое живое начало и заставляют своей церковной властью пребывать во мраке и невежестве»¹³. Смягчая сей богоборческий натиск, сосредотачивая внимание на хозяйственной деятельности, поэтизируя языческие начала в обрядовой культуре, тем не менее, в духе А.М. Поповой описывали старообрядцев и другие этнографы XX века, и так до последних времен. В.П. Мотицкий, цитируя вышеупомянутого автора, негодовал: «Именно они, уставщики и начетчики, бережно охраняли устои старого быта, старые порядки, закрепощали разум человека, затемняли классовые интересы бедноты и притупляли стремление женщин и молодежи освободиться от религиозного гнета»¹⁴.

Иное — умиленное и восхищенное — мнение о старообрядчестве выразили многие русские писатели и любомудры, восклицая вслед за поэтом «Здесь русский дух, здесь Русью пахнет...», узрев в старообрядческом мироустройстве исконный нравственный и творческий идеал.

Основательно изучавший жизнь староверов в качестве государева чиновника, осмысливший и даже поэтически, живописно изложивший староверческую жизнь в талантливых романах «В лесах», «На горах», Андрей Мельников-Печерский в 1866 году заверял министра внутренних дел России графа Петра Андреевича Валуева: «Главный оплот будущего России все-таки вижу в старообрядцах. А восстановление русского духа, самобытной нашей жизни все-таки произойдет от образованных старообрядцев...»¹⁵

Возрождение в народе самобытной жизни, а тем паче русского духа оказалось непосильной ношей для горстки старообрядцев; да и русский дух не столь в народных обычаях, обрядах и крестьянских нарядах, сколь в православной вере, чему достойно служила Московская Патриархия и служит, возрождая веру после полувековых

утеснений и гонений, а старообрядчество обрратилось в фольклорно-этнографический русский памятник. И тем не менее, как писал Валентин Распутин, «мы должны быть благодарны старообрядчеству за то, в первую очередь, что на добрых три столетия оно продлило Русь в ее обычаях, верованиях, обрядах, песне, характере, устоях и лице. Эта служба, быть может, не меньше, чем защита Отечества на поле брани»¹⁶.

* * *

Старообрядцы... Изначально и томительно влек к старообрядчеству интерес народоведче-

следует, что рассуждая о ней, необходимо обращаться ко всей русской народной культуре, предшествующей религиозному расколу. И выразился мой интерес к старообрядчеству в изучении семейских обрядов и обычаев, в фольклорно-этнографической экспедиции по семейским селам Забайкалья и творчески воплотился в очерковых и сказовых сочинениях: повесть «Не родит сокола сова», рассказ «Купель», очерки «Родова», «Мать-сыра земля», «Творение русского духа. О трилогии Владимира Личутина «Раскол».

Писательский интерес мой к старообрядцам Забайкалья (семейским) явился не случай-

Дом Лазаря Андриевского в с. Погромна Еравнинского района в Бурятии (фото из архива автора)

ский, ибо старообрядцы (в Забайкалье — семейские) веками оберегали душеспасительный семейный и родовой домострой, и через три столетия в красе и щедрости пронесли исконно русскую языковую, обрядовую, песенную культуру. Старообрядчество консервативно хранило испоконную народную культуру, крепко держась старославянских корней, как хранило и православную от древних времен, а посему всю русскую народную и религиозную культуру до раскола можно считать старообрядческой. Из этого

но: дед мой, Лазарь Ананьевич Андриевский, и бабушка, Вера Александровна (в девичестве — Линейцева), родившая двадцать два чада, жили в староверческом селе Барахоево Красночичкой волости Забайкальского края, где родилась и моя мама Софья Лазаревна. Из Барахоево семейство Андриевских уководило в Еравнинский аймак, что на северо-востоке от Верхнеудинска (ныне — Улан-Удэ). Дед Лазарь — дал Господь по щедрости — прожил сто шесть лет: пятьдесят — в девятнадцатом веке,

пятьдесят шесть — в двадцатом; и я, родившись в 1950 году, частенько гащивал у деда Лазаря — старик доживал у маминой сестры Валентины Лазаревны в селе Погромна.

В очерке «Родова» я писал и ныне вспомню: «Коль Андриевские вышли из староверческого корня, то знаменитый этнограф Фирс Болонев в книге о семейщине и меня вписал в старообрядцы¹⁷. Хотя и лестна эдакая запись, но к старообрядцам себя не отношу, ибо и матушка моя — похоже, единоверка — на закате минувшего века молилась в патриарших церквях, и меня крестили в патриаршей церкви, и держусь я общеправославных обрядов. Да и родичи мои по отцовской ветви — забайкальские гураны¹⁸ — чурались староверов: горделивы, скрытны, скуповаты, хитроваты, вроде жинов, и любят не столь Бога и ближнего, сколь древние обряды.

Андриевские... Даже сама фамилия широко разошлась по староверчеству, будучи польского происхождения, ибо, как поминалось, староверы во второй половине XVII века «утекли» в польские земли (Стародубье, Ветка), отчего их на Алтае, а иногда и в Забайкалье, величали ещё и *поляками*, польскими переселенцами. В царствование Екатерины Великой староверов переселили в Сибирь, куда они прихватили вместе с некорыстным скарбом и обретенные на польской земле шляхетские фамилии.

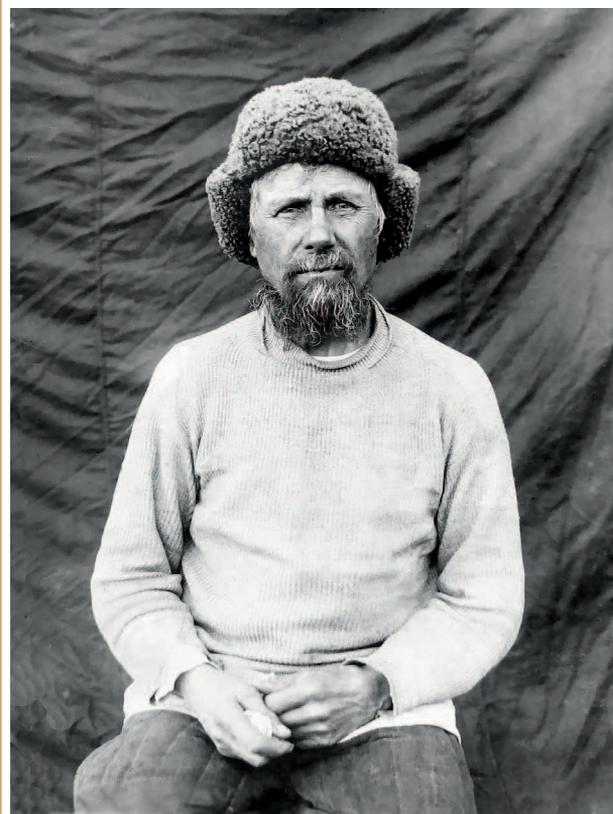
Из южно-равнинной России в царствование Екатерины Великой в Сибирь укочевало более трех миллионов русских. И народец, подобно Андриевским, подбирался жилистый, на крестьянскую колодку скроенный, смоленой

дратвой сшитый, на работу жадный, доподлинно ведающий земное разноцветье-разнотравье, всякое древо и куст, небесные светила и стихии, и от вселенского знания постигший уйму верных примет на плодородие земли. Распахивались приречные и приозерные долины, выжигалась и корчевалась тайга под пашни, рубились избы, скотные двory, стайки, амбары, но, перво-наперво, зазывно и спасительно зазвенели колокола сельских церквей. Коль церковь засияла куполами в небесах, значит,

православные осели надолго... навсегда, душой и духом вращая в Беловодье.

Маетно далось Андриевским переселение с теплых земель в студеное Забайкалье, где глухоморная тайга без края да степи без огляда, и обживаться на голой кочке нелегко, но благодаря азартному трудолюбию, терпению, выносливости, неприхотливости, благодаря крестьянской сметливости обзавелись переселенцы крепким середняцким хозяйством.

Но, видимо, Лазарь Андриевский откачнулся от чистых и неуклонных старообрядцев в *обмирщанники*, в *единоверцы*; словом, уже не

Дед Лазарь

чурался и не избегал новоправославных церковных обрядов. А мать моя, Софья Лазаревна, в девичестве Андриевская, уроженница того же семейского красноточийского села Барахоево, вышедшая замуж за коренного сибирца, искренно верующая, будучи в Иркутске, уже молилась в тамошних церквях, а вот двумя персты или тремя?.. хоть убей не помню — по молодости не ходок я был по церквам. Но дед Лазарь не был и *поганистым*, отвергающим напрочь древнее благочестие; не предавал анафеме молельни, где когда-то, возможно, тянул вслед

за уставщиком нареченную молитву, знаменитую тем, что «пока строчку нареченного споешь, можно любовную песню спеть», хотя при этом уже и не брезговал единоправославными, патриаршими церквями.

Всё же, вероятно, *обмирщаннику* нелегко было жить среди истых староверов, о чем свидетельствует запись в «Словаре русских говоров Забайкалья» Лазаря Элиасова: «После Катьки-распутницы, которая нас сюда прогнала через всю матушку Расею и Сибирь, тут у нас на месте *обмирщанники* появились, ну, как бы богоотступники, которые говорили, что только креститься надо двумя пальцами, а всё остальное надо делать и молиться так же, как никонианцы. Мы на этих *обмирщанников* беду накликали, анафеме предали, стали молиться так, как наши деды и прадеды молились»¹⁹.

Потому-то, может, в начале двадцатых годов *обмирщанник* Лазарь Андриевский со многочадливым семейством — у деда родилось и выросло более двадцати детей — укочевал из Красного Чикоя на северо-восток, поближе к священному Байкал-мory, где по первости обитал в селе Федоровка, приказавшему долго жить».

* * *

«Не следует, разумеется, идеализировать старообрядчество, — похвалив древлеверцев, оговаривается Валентин Распутин. — Отделившись от общего народного организма, уйдя во внутреннюю эмиграцию (внешняя была немногочисленной), отказавшись от христианских заветов любви и терпения ко всякому ближнему, оно не могло не пострадать, и пострадало. Немало со временемросло в нем темного и костного, и неуклюжего вместе с упрямством, фанатизмом и гордыней. Не говоря уже о крайнем сектантстве, которое выродилось в уродливые формы, губительные для человеческой природы»²⁰.

В повести «Не родит сокола сова» есть глава, где говорится: «Святоотеческое древо старой веры к исходу усталого девятнадцатого века, на кровавом восходе двадцатого пустило столь густолистных ветвей, что уже и мутно виделся сам хребтовый аввакумовский ствол; недаром же и приговорка шаталась по сибирской

украинной Руси: что ни деревня — согласие, что ни село — толк. Случалось, в деревне-малодворке, да и на улице одной, уживались, хотя и в спорах, разные семейцы: и поморские, и белокрыницкие, и беглопоповские, и беспоповские, и федосеевские да окулькины, дунькины с их безвенечьем (*лучше семерых родить, чем замуж ходить*), и тюрюкановские, и гурьевские, и темноверцы, что не признавали ладана и свечей, и Бог весть еще какие. Даже, прости Господи, и дырники народились, что, подобно духоборцам, иконоборцам, баптистам, иеговистам и прочим еретикам, поклонялись якобы «Христу не мазаному, не писаному, а Христу животворящему», — молились в слуховое оконце, навроде дыры, прорубленное в избянном венце на солновсход.

На таежном заиме в вершине реки Уды при царе-косаре таились древлеправославные скрытники, сбжав и от никониан троеперстных и от староверцев, что жили в добротных и богатых забайкальских селах: мол, и посолонь ходят круг аналоя на молебнах, и не щепотники никониановы — дуперстные, а склонили выи золотому тельцу. На заутреню и вечерню собирались скрытники в избе уставщика, молились по старому чину, крестились двумя персты. Годом да родом из таежного потая выбирались в волостное село Укыр.

Сурово и замкнуто жили скрытники беспоповские, прятались от никонинианского, единоверского и семейского мира на таежных займищах, уверовав, что несть правды под небесами, что священство ныне у антихриста на побегушках, а со дня на день явится и сам соблазнять о себе знаменьями да чудесами. Но хоть и таились староверы-скрытники по лесным палям, но работали не меньше деревенских, и землей не попускались: драли целики на лесных елянях или творили залого — повалив лес, выжигали, корчевали пни и в солоноватую от пота, но жирную пашню сеяли жито. Расчищенные елани мужики ласково величали Божьей пазухой, — молодая нива много лет щедро родила хлеб. А коль жито сеяли, то и скотину держали. Но все лишь для некорыстного прокорма; большее время засекали промеж себя Слово Господне: во все дни живота своего пребывали в молитве, усердно пости-

лись и бегали кобей бесовских — пианства, табака, блуда, слова поганого. Отсчитывая на деревянных четках, как начетчик выучил, твердили Боговы Слова, били лбы пред древними образами, слушали уставщика, который читал Священное Писание, дедами завещанное, неисправленное «никонианами погаными». Жили не для хлеба куса, заради самого Иисуса²¹, как и заповедывал Господь: «Взгляните на птиц небесных: они не сеют, не жнут, не собирают в житницы; и Отец ваш Небесный питает их. Вы не гораздо ли лучше их». Не жили, конечно, по-птичь, кус мимо рта не проносили, хотя и не радели о земных сокровищах, ибо тлен, но — о небесных, ибо вечны, при этом хватко держались древлего чина: «Бесстрастие телесное имети, ступание кротко, глас умерен, слово благочинно, пищу и питье немятежно». Кто в земной юдоли взрастил себе крылья, — правил души святой Ефрем, — тот на небесах воспаряет горняя; кто здесь очистит ум свой, тот на небесах узрит славу Божию; в какой мере возлюбишь Бога, в той мере насытишься любовью Его...»²²

* * *

Конфессиональное дробление, породившее православное ослабление, доходило до того, что, как ни чурались староверы *бесовского язычества*, даже в их среде стали появляться толки, обрядово и мистически близкие верованиям древних славян, одухотворявших землю. Сплетая древние природные обряды с христианством, даже суровые старообрядцы не избежали мистического поклонения матери-сырой земле, а заодно и предкам, захороненным в ней и якобы имеющим с ней мистическую связь. Об этом писал протоирей Андрей Иоаннов Журавлёв, прибывший вместе с гонимыми старообрядцами в польские земли, на Ветку: «Старообрядцы в день Пятидесятницы (Святой Троицы, что праздновалась накануне Духовна дня. — А.Б.), ложая ниц на землю, слушают молитвы, а священник читает их, на коленях стоя к престолу, зря на восток»²³. Вот так радели иные старообрядцы, как бы в чистоте сохранившие исконное, древнее православие, в отличие от «нововеров», что в лихую годину церковного раскола выправили богослужебные книги и

церковный обряды на манер греческого православия, якобы о ту пору испрокаженного.

Именно у старообрядцев появляются религиозные толки суть бесовские коби, где прихожане поклоняются матери-сырой земле. В XIX веке у семейских Бичуры, Мухоршибири, Большого Куналея (семейские села в Бурятии. — А.Б.) образовался таинственный толк «землепоклонников». Сошлись в нем крестьяне, которые не признавали икон, попов и уставщиков, а поклонялись священной земле, как самосвятой. В.П. Мотицкий писал в книге «Старообрядчество Забайкалья»: «Землепоклонники всей семьей или небольшой группой выходили в поле и там, осенев себя двуперстным крестным знаменем, становились на колени и кланялись так низко, что лбами касались земли, прося ее о помощи»²⁴.

О бытии толков, созвучных языческим радениям, писал известный сибирский фольклорист и диалектолог, уроженец баргузинского села Большое Уро Лазарь Ефимович Элиасов, многие годы посвятивший изучению религиозной этики забайкальских староверов, что отразилось в очерке «Толки семейских». «В начале XIX века в семейских селах Окино-Ключи Бичурской волости, Хонхолой и Шаралдай Мухоршибирской волости появился новый толк, получивший название «песочников». Старообрядцы-песочники при крещении ребенка употребляли не воду, а подогретый песок. Л.Е. Элиасов записал от семейских обряд крещения: «Мать держала ребенка на руках, а уставщик сыпал ему на животик или спинку мелкий теплый песок. После этого ребенка осеняли крестом и давали ему имя, затем умывали в тазу, очищали от песка, пеленали и клали в зыбку. Если ребенок засыпал сразу, то родители были уверены, что он будет здоровым и счастливым, а если не сразу, то его ожидала нелегкая жизнь»²⁵.

Мало того, в Бичуре (самое большое семейское село в Бурятии, а в середине XX века самое длинное в мире. — А.Б.) появился и толк «идолопоклонников», когда молились под открытым небом у «священного» пня или камня (идола), что творили далекие предки русских славяне-язычники. Венчание идолопоклонники совершали так же возле идола, крещение —

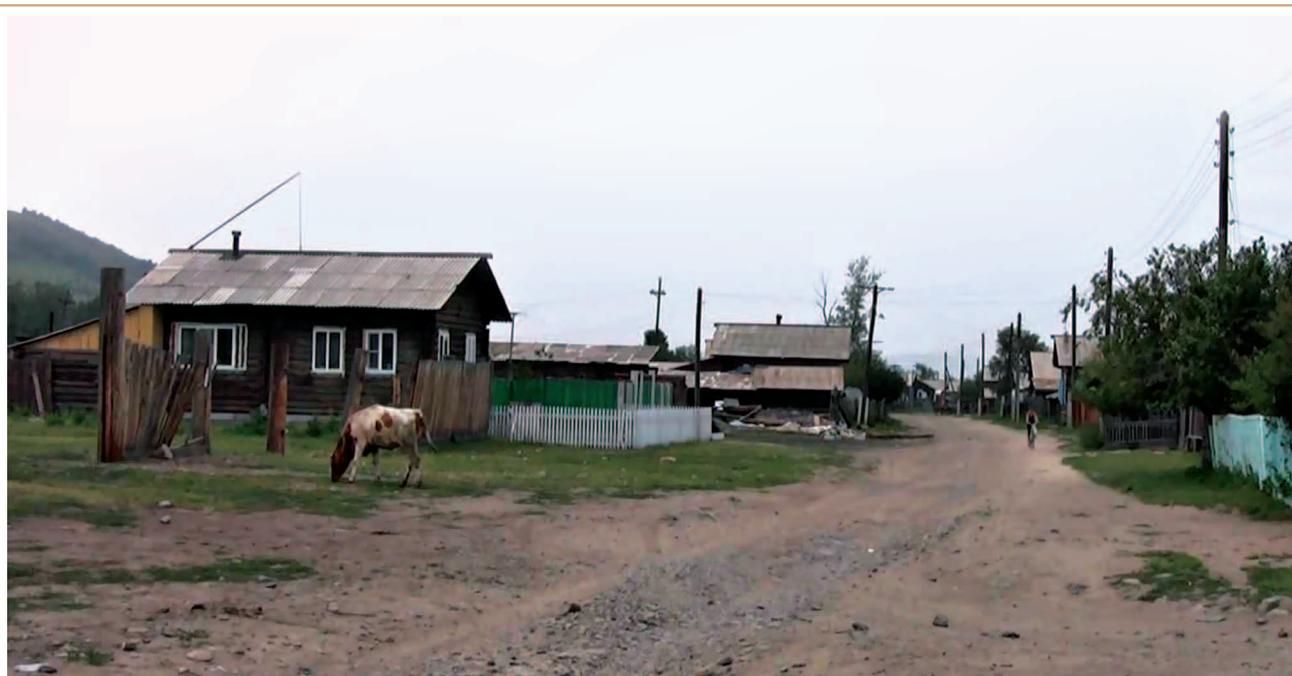

дома, а погребение умершего устраивалось без отпевания. Икон не держали в доме, жили замкнуто, запрещали песни, пляски и другие развлечения. Толк просуществовал до середины девятнадцатого века. Небо и земля становятся «церковью», и Александр Афанасьев, знаменитый народовед девятнадцатого века, писал: «Староверческие толки (беспоповщина и нетовщина) до последнего времени исповедовали грехи свои, зря на небо или припадая к земле»²⁶.

Увы, вместе с древлеотеческими обрядами, за кою Аввакумовы единомышленники — огнепальные *обрядолюбцы* — шли на великие страдания и даже сжигали себя в скитских срубках,

рую дохристианскую веру (выделено мною. — А.Б.)»²⁷. Неясно, о какой старой дохристианской вере идет речь, поскольку под старой понимается православная вера до церковного раскола²⁸, но не в дохристианский период русской истории, когда славянское язычество *бесам жряху*. А.П. Шапов и вовсе с расколом связывал возрождение языческих верований, волхований и чародейства²⁹. В.Я. Пропп, повторяя языческую точку зрения на староверчество, пишет: «Изучение языческой сущности праздников лишит их ореола святости»³⁰.

Через страдания, отчуждения от государства долго хранили старообрядцы испоконный

Село Бичура в Бурятии (фото: i.ytimg.com)

старообрядцы из простолюдыя не изжили из повседневной и праздничной этики отзвуки языческих суеверий и более общеправославных *тешили беса* в поклонении «самосвятой» земле. В отличие от общеправославных крестьян старообрядцы, оберегши до середины XX века даже во внешнем облике исконно славянскую статью, сохранили и многие верования древнеславянского язычества. Историк русской православной церкви Н.М. Никольский писал: «Крестьянская «старая вера» имела мало общего со старой верой профессионалов или посадских людей, и если напоминала старую веру, то ста-

народный дух, но, не одолев лукавые искушения, раскололись... воистину, раскольники... на тьму толков и согласий, нередко еретических или языческих. Староверы оказались более суеверными, нежели троеперстные сибирцы, о чем и свидетельствуют былички, записанные автором в семейском селе, не приложенные к очерку лишь из соображений малой журнальной площади. Впрочем, Бог всем судья, а не я, грешный, а что грядет в семейский мир, опять же Бог весть.

Примечания

1. Из первого послания игумена Псковского Елеазаровского монастыря старца Филофея к Великому князю московскому Василию III, которое было написано между 1514 и 1521 годами.

2. Автор очерка, прихожанин Иркутского Михаило-Архангельского (Харлампиевского) храма Московского Патриархата, высоко оценивая крестьянский талант, домостройность, исконный русский дух в речевом, песенном, сказовом, художественно-прикладном творчестве, в обычаях и обрядах староверчества, тем не менее, согласен со святыми отцами, обличавшими «огнепальцев» в расколе; а среди обличителей старообрядчества преподобный Серафим Саровский, святители Димитрий Ростовский, Феофан Затворник, Игнатий Брянчанинов, Иоанн Кронштадтский и другие святые, в земле Российской просиявшие. И кто прав, кто виноват в церковном расколе, о сем во второй главе повествования; в данной главе о мистической русской трагедии лишь упоминается, а речь пойдет о великой роли старообрядчества в хозяйственном, этическом, эстетическом утверждении русских в Восточной Сибири.

3. *Ключевский В.О.* Курс русской истории. – М., 1988. – Т. 3. – С. 205.

4. Цит. по: *Болонев Ф.Ф.* Старообрядцы Забайкалья в XVIII–XX вв. – Новосибирск, 1994. – С. 27.

5. Андрей Иванович (Иоаннович) Журавлёв (более известный как Андрей Иоаннов; 9 (20) августа 1751, Москва – 19 марта 1813, Санкт-Петербург) — протоиерей Русской Православной Церкви, деятель единоверия, историк старообрядчества. Изначально сам старообрядец, принадлежал к беспоповскому толку федосеевцев. Был хорошо знаком с учениями старообрядческих согласий. После присоединения к православной Церкви был рукоположен во иерея и в 1787 году был назначен священником Большеохтинской кладбищенской церкви в Санкт-Петербурге. Когда на юге России в рядах старообрядцев возникло движение к единоверию, митрополит Санкт-Петербургский Гавриил (Петров) в 1788 году отправил отца Андрея в стародубские слободы на Черниговщине для содействия им. Обратив в единоверие значительную часть населения Климовского посада, Журавлёв обустроил единоверческие церкви в посадах Клинцовском, Злыньском, Зыбковском и в Никодимовой пустыни и собрал много редких материалов и устных преданий о первых временах раскола. В 1791 году вернулся в Петербург протоиереем.

6. Поп Козьма из прихода на Кулишках в Москве.

7. *Иоаннов (Журавлев) А.* Полное историческое известие о древних стригольниках и новых раскольниках, так называемых старообрядцах. – Ч. IV. – СПб., 1795. – С. 86–88.

8. Цит. по: *Болонев Ф.Ф.* Указ. соч. – С. 29.

9. Там же. – С. 35.

10. *Абрамов И.С.* Старообрядцы на Ветке... // Живая старина. – 1907. – № 3. – С. 118–119.

11. *Абрамов Я.* Выговские пионеры // Отечественные записки. – СПб., 1884. – Т. GGLXIII. – С. 89–90.

12. *Распутин В.Г.* Россия: дни и времена. – Иркутск, 1993. – С. 163.

13. *Попова А.М.* Семейские (Забайкальские старообрядцы). – Верхнеудинск, 1928. – С. 26.

14. *Мотицкий В.П.* Старообрядчество Забайкалья. – Улан-Удэ, 1976. – С. 27.

15. Цит. по: *Болонев Ф.Ф.* Указ. соч. – С. 9.

16. *Распутин В.Г.* Указ. соч. – С. 176.

17. *Болонев Ф.Ф.* Семейские. – Улан-Удэ, 1985. – С. 127.

18. Гураны — русские забайкальцы, помешанные с звенками или бурятами.

19. *Элиасов Л.Е.* Словарь русских говоров Забайкалья. – М., 1980. – С.251.

20. *Распутин В.Г.* Указ. соч. – С. 175.

21. У староверов в Имени Бога одно «и».

22. Не родит сокола сова. – М. : Вече, 2011. – 409 с. – (Сибирриада).

23. Полное историческое известие о древних стригольниках и новых раскольниках, так называемых старообрядцах, собранное из потаенных старообрядческих преданий, записок и писем церкви Сошествия Святого Духа на Большой Охте. – М., 1890.

24. *Мотицкий В.П.* Старообрядчество Забайкалья. – Улан-Удэ, 1976. – С. 18.

25. Там же.

26. *Афанасьев А.* Поэтические воззрения славян на природу. – М., 1865. – Т. 1. – С. 143.

27. *Никольский Н.М.* История русской церкви. – М., 1930.

28. Впрочем, РПЦ считает раскольников *нововерами*, а никониан — *староверами*, путем церковных реформ возродивших исконное, истинное Православие, кое приняла Древняя Русь от восточного (константинопольского, царьградского, греческого) православного христианства, но с веками исказила в церковных обрядах и богослужебных книгах.

29. *Щапов А.П.* Русский раскол старообрядчества, рассматриваемый в связи с внутренним состоянием русской церкви и гражданственности в XVII веке и первой половине XVIII. – Сочинения. – Т. 1. – СПб., 1906.

30. *Пропп В.Я.* Русские аграрные праздники. – Л., 1963.

2002–2015 гг.

Продолжение следует

- **ДАнный ВО СПАСЕНИЕ**
О Валентине Распутине
и его книге
«Сибирь, Сибирь...»

Валентина Сидоренко

- **СВЕЧА**
Рассказ из повествования
«Раны»

Алексей Зверев

- **ГОТОВЬСЯ, РУСЬ...**
Поэма

Василий Забелло

Иркутский рассвет
(фото Сергея Аникина)

ДАННЫЙ ВО СПАСЕНИЕ

О Валентине Распутине
и его книге «Сибирь, Сибирь...»

Валентин Распутин во время экспедиции по Ангаре в зону затопления Богучанской ГЭС
(фото А.Бызова. 2009 г. — по материалам сайта «Твой Иркутск», www.irk.ru)

Валентина Сидоренко

Всякая добродетель навлекает на себя зависть и ненависть, и всякого избранного преследует ненависть великая.

*Памятник древнерусской культуры
«Александрия», XV в.*

«**У**дивительно и невыразимо чувство Родины... Какую светлую радость и какую сладчайшую тоску дарит оно, навещая нас то ли в часы разлуки, то ли в счастливый час проникновенности и отзвука! И человек, который в обычной жизни слышит мало и видит недалеко, волшебным образом получает в этот час предельные слух и зрение, позволяющие ему опускаться в самые заповедные дали, в глухие глубины истории родной земли.

И не стоять человеку твердо, не жить ему уверенно без этого чувства, без близости к деяниям и судьбам предков, без внутреннего постижения своей ответственности за дарованное ему место в огромном общем ряду быть тем, что он есть. Былинный источник силы от матери — родной земли представляется ныне не для избранника, не для богатырей только, но для всех нас источником исключительно важным и целебным, с той самой волшебной и живой водой; при возвращении человека в образ, дух и смысл свой, в свое истинное назначение... И тот, кто потерял это чувство земного притяжения на земле, кто ведаёт одну лишь жизнь свою без неразрывной связи прошлого, настоящего и будущего — вечного, значит, огромную тот потерял радость и муку, счастье и боль глубинного своего существования...»

Прости, читатель, за длинную цитату. Но рука, взявшись переписывать изначалие статьи Валентина Распутина «Иркутск», так и не смог-

ла прервать ее целостность. Неблагодатный это труд писать¹ о таких редкостных мастерах, как Валентин Распутин, чье имя давно неразрывно связано с именами Иркутска, Сибири и России. Все кажется, что твое слово блекнет и мельчает рядом с чистыми жемчугами живого слова писателя. Да и что можно добавить к этой цитате. Только то, что, наверное, ее суть стала венцом как всего творчества Валентина Распутина, так и новой книги, выпущенной издательством «Молодая гвардия», «Сибирь, Сибирь...». Не только сибиряк оценит по достоинству ясность и красоту высокой и протяженной этой песни писателя о Сибири, но ее неспешность, несуетность, мистическую проникновенность как в глубинные слои истории Сибири, так и национально провидческий смысл событий, суровость и размашистость интонации поймет кровно, наверное, только сибиряк.

Первая глава книги так и называется — «Сибирь без романтики». Название это сразу отмечает розовые туманы и «запахи тайги», которыми так привыкли окутывать свои писания о Сибири не в меру ретивые очеркисты, лихими набегамы посещавшие наш край. И туманы, и стройки, и ЛЭПы, и дешевые песенки, и «звонкий смех девчат» — этот трескучий журналистский набор пишущих о Сибири немало подзабыт в наши тяжелые времена, но в начале 80-х, когда писалась эта книга, он был нарасхват. С первого же предложения: «Слово «Сибирь» — и не столько слово, сколько само понятие, давно уже звучит вроде набатного колокола, возвещая что-то неопределенно могучее и предстоящее» — с этого зачала уже повеяло силою таинства, откровениями иного рода, вещим смыслом, пониманием которого наделяется человек свыше.

По сути, это первая книга о Сибири, русской Сибири, где пристально вглядывается в древние черты своей Родины, ее сны сам сибиряк, пытаюсь разобраться в родовых корнях и загадках своего характера и судьбы. И в этой первой главе о Сибири без романтики писатель как бы дает общую характеристику сибиряка, выводит его родословную из русских первопроходцев, отдает дань их мужеству, напору, нравственной силе и сдержанности. «Сибирь взяла с них свою дань сполна. Они выходили в пути крепкими и телом и духом казаками, готовыми к любым лишениям, из которых едва ли могли предвидеть и десятую часть, и они заканчивали их, кому удавалось закончить, людьми какой-

Фото Галины Кулагиной. 2008 г.

то особой, сверхъестественной силы и выдержки, людьми, под которыми должна была преклониться земля». Выходцы из Великого Новгорода, Великого Устюга, Киева, Рязани, Московии в лицах своих, говорит писатель, несли очертания своей Родины, в душах — ее нравственную мощь и благодатный огонь веры, той, которая и наделяла их сверхъестественной силой и вывела из родимых краев осваивать чужие и дикие земли. Как много писалось еще десятилетие назад об освоении Сибири строителями ЛЭПов, БАМов, целлюлозных комбинатов и лесхозов. Они якобы несли культуру и свет цивилизации в темную и глухую сторону. Как несметно их было, самодовольных, многословно отщелкивающих гладкие газетные фразы, поимевших немало от этой богатой и щедрой земли. И несметно их убыло и несметно осталось, а она, Сибирь, столетиями назад освоенная, облагороженная, край глубокой культуры, истинной, народной, духовной, склонялась пред ними целомудренно девичьими северными оконными наличниками и по-матерински принимала их в великие свои просторы, чтобы обновить их, выделать и духовно родить сибиряков, для которых, как сказал Распутин, Сибирь станет родиной дороже и ближе всего на свете. Эта «униженная и оскорбленная», темная и дикая...

Особое место в книге «Сибирь, Сибирь...» писатель уделил легендарному Ермаку. Рассуждая в связи с Ермаком о казачестве, он говорит о казаках как о заступниках России, ступивших из беглого уголовного мира под цареву руку и ставших верной опорой Отечества. «Говоря о фигуре Ермака, трудно не приостановиться и не отдать дань нашей российской слабопамятливости и небрежению...» — говорит писатель. На этой-то слабопамятливости и возникли, как грибы на плесени, многочисленные легенды о жестокости и коварстве Ермака. И можно ли сравнивать его со знаменитым бунтарем, уголовником по нашему, казаком Стенькой Разиным! «Но если Степан Разин, — говорит писатель, — искал своим бунтом воли на старых русских землях, Ермак открыл, как распахнул, для воли земли новые, сказочные, не имеющие, казалось, ни конца ни края». Значит, и героизм Ермака качественно иной, чем у Стеньки Разина. Ермак, пожалуй, ближе к

подвижничеству. И если и был на нем грех, то грех, в котором он, как мы видим из преданий, и перед царем раскаивается, и пред Богом. Разин не раскался в своих злодеяниях. Он ближе, пожалуй, к еретику. Да и предания о них в памяти народа разные. Так, Карамзин в своей «Истории Государства Российского» приводит народное предание о том, что могила Ермака многие ночи после убийства светилась и потому была опознана. Впрочем, писатель еще вернется к образу Ермака в очерке о Тобольске, назвав его самой загадочной исторической личностью.

Мало кто из современных писателей так силен в понимании и описании природы, как Распутин. Здесь он могуч и волен. Язык чист, гибок, целомудрен и красочен. «Зато осени стоят долгие и тихие. Конечно, год на год не приходится и бывает по-всякому... И не редкость: обманутые неурочным теплом, во второй раз за сезон набухают почки, и расцветает по склонам гор багульник, любимый сибиряками кустарник, по виду неказистый, корявый, но так радостно, так самозабвенно цветущий фиолетовым или розовым роспуском. И подолгу горят-догорают леса, пламенея широким разбросом осенних красок, здесь особенно чистых и сияющих, высоко и радужно наполняющих собой воздух».

Как устал сегодня читатель от «жареного» газет, политической болтовни, деловой направленности, мертвых конструкций и деланного языка. И к роднику припадаешь в тихом лесу, и пьешь эту сладкую живую воду живого русского языка и напиток не можешь. Это старое сравнение, но, пожалуй, для языка Распутина самое точное и неразменное.

Вообще книга «Сибирь, Сибирь...» удивительно целостно и объемно построена. После очерка «Сибирь, Сибирь...», где представлен сибиряк с характером, родословной и судьбой, стоит очерк о старинном сибирском городе, первом, почитай, граде Сибири, Тобольске. Затем о душе Сибири — Байкале, а там родимый Иркутск со своей стариной, деревом и храмами. Затем очерк «Горный Алтай» с Беловодьем, Катунью, Шукшиным. И Кяхта, промысловая, торговая, сметливая и бойкая. И дальше, дальше на Север к старообрядцам, к тундре, к Русскому Устью. И книга закольцована очерком «Моя и твоя Сибирь».

Покоритель Сибири (гравюра И.И. Хелмицкого со скульптуры М.М. Антокольского «Ермак»)

Очень сильна в этом писателе генетическая память. Когда читаешь очерк о Тобольске, то кажется, что писатель не побывал там — он его вспомнил всей озарившей его силой памяти, заложенной в нем многими и многими поколениями. И первая же фраза: *«В сибиряке Тобольск, хоть бывал он в нем, хоть не бывал, живет так же, как в россиянина Москва, как в славянине Киев»* — подтверждает это. Отсюда такое глубинное проникновение и в летописную и архитектурную память самого города. Жаль только, что не позволил себе написать живыми красками сам образ Ермака. Может, он и прав, но мне лично хотелось бы увидеть распутинского Ермака. Образ завоевателя Сибири у автора едва мерцает в плотных слоях времени. Сам писатель только вступает в бой за честь Ермака с многочисленным роем историков-доброхотов, старательно пытающихся принизить подвиг первопроходца и унижить его самого. И оглядываясь в этом споре на Ермака, Распутин, узнавая его, как бы не доверяет себе: он ли, не он ли... Здесь сказывается известная совестливость и добросовестность писателя. Зато начало Тобольска, победное его рождение, битву у Чувашского озера писатель легко одарил своей памятью. Тут уж хорошо видать, как спускается на струганых ладьях дружина письменного головы Данилы Чулкова и как за одно лето рубится острог с небольшой церковкой в честь Живоначальной Троицы и «понеже ту бысть победе и одолеси на окаянных... вместо царствующего града Сибири старейшина бысть сей град Тобольск...» Изначала история Тобольска предстает перед читателем с распутинской дотошностью. Отечественное сознание его высоко и цельно. Он нетороплив, спокоен, самостоятельно непокладист. Он вглядывается в события и лица, уже сам оценивая все по достоинству. Это его Сибирь и его Тобольск с незаметными, Богу угодными делами, с его губернаторами, заводчиками, купцами и иконописцами, строителями «картинного» неповторимого Тобольска. Распутин один из первых, если не первый, повернул общественное сознание и внимание от громких строек, металла, нефтяных скважин в глубь истории, к истинным основателям, преобразователям, просветителям и духовникам Сибири. В этом его значение неоспоримо, и тут уж не

переоценить несколько. Он шел точно, открыв этот единственный путь своей удивительной генетической памятью, путь негромкий, невидный, старательно затушеванный и оболганный тогдашними идеологами. Думается, поэтому и поднялась эта бесноватая ругань, разгулялись, закрутились бесы, чтобы ни зги не видно было до небес, чтобы крутило и куражилось вокруг него, — оклеветать писателя, значит, оклеветать и этот путь его, ведущий на родину, через которую и проложена по духовному закону дорога в жизнь.

Перечитывая очерк «Иркутск», — а написан он едва ли не первым для этой книги, — я удивилась, что он довольно краткий по объему. А когда-то казался большим. И сейчас духовно объемён, целен и памятливы. Иркутск — духовный преемник — наследовал корону и столичное первенство Тобольска. Его история менее загадочная и более удачливая, чем у его духовного отца. И, кажется, написана она с большим чувством, легкостью и волнением. Это понятно. Родной город писателя, его первая любовь, юность, начало, которым он не изменил. И если Тобольску отдана дань чести, высокого уважения, и мы склоняем вслед за писателем голову перед сибирским старейшиной, то Иркутск любим и уж «по милу хорош». Чувства писателя пробиваются даже через распутинскую сдержанность. А он не любит высоких слов и безоглядных порывов.

«Есть особенный час, в который легко отзывается Иркутск на чувство к нему. Приходится этот час на раннюю пору летнего рассвета, когда еще не взошло солнце и не растопило, не смыло горячей волной настоявшиеся за ночь, взятые из недр своих запахи, пока не разнесли их торопливые прохожие, а редкую и недолгую тишину не погубил машинный гул». Здесь уже слились и любовь к городу, и понимание неразрывности с ним, и тоска «по недрам своим», природе, селу — материнскому лону, которое создало его внутреннего духовного человека. Столь же внимательно вглядывается писатель в иркутские летописи, избирая особенно останавливаясь на родственно дорогих ему достопочтенных именах купцов, губернаторов, промышленников, деятелей культуры, верой и правдой служивших городу. Степенные, сановитые, расчетливо сметливые, умные —

Кафедральный собор Богоявления в Иркутске (фото из архива Т.А. Крючковой. 2009 г.)

столпы, одно слово. Распутин возвращает читателя к изначальным истинам, отмечая мишуру и нервный треск «романтического» бреда. Описывая красоту иркутских храмов, их величие, писатель внимателен к мастерам, создавшим для нас это богатство. Он не устает перечислять их имена. Равно не забывая и тех, кто причастен к разрушению этих храмов.

«Народ наш (и это не досужая выдумка автора) с обостренным вниманием следит за судьбами тех, кто в свое время, хоть и в качестве исполнителей, повинен был в уничтожении и забвении памятников старины, и всякое неблагополучие в их жизни готов принимать за законное возмездие».

Сибирь изначально была местом ссылок. Есть в этом что-то от Божьего милосердного промысла. Несметно их прибыло в кандалах на сибирскую землю, с тяжелым грузом, зачастую и смертным грехом, но, хлебнув одиножды сибирской мурцовки, коснувшись крепкого сибирского духа, открывши Божии и человеческие истины, они, сбросив кандалы, навек оставались в щедрой, богатой и благодатной для них Сибири. Они становились ее защитниками, государственниками, законниками до мозга костей. И я знаю многие семьи, хранящие кандалы своих дедов и прадедов. Прибыли в кандалах сюда и декабристы. Еще десятилетия назад для декабристоведа благодатное было время. Они писали книги и диссертации, получали степени и премии, путешествовали по Европе, выискивая родственников декабристов, их вещи, автографы. Они захламили эту тему вымыслами и неправдою, создавая повсеместно лживо-розовые музеи, портреты, чтения и фильмы.

«Птенцы гнезда Петрова», вскормленные гремучей смесью из духовных идей французских просветителей, постулатов иудаизма, байронизма и масонства, эти гордые буревестники революции, не дрогнув сердцем подписали смертный приговор России. В их программе, как известно, было полное физическое истребление царской династии. Так что товарищ Свердлов оказался только примитивным палачом этих жестоких судей российской истории. Большинство из них страдало абсолютным незнанием своего языка, народа и религии, и большинство это впервые встретилось наконец

со своим народом на бескрайних просторах сибирских земель. Сохранилось предание, что преподобный Серафим Саровский, так ласково любящий всех своих посетителей, однажды с криком выгнал из своей кельи блестящих молодых офицеров, как оказалось потом, членов тайного общества. На вопрос «почему» он указал на знаменитый Дивеевский источник, сотворенный Самой Богородицей, и алмазный родник, бьющий живительною водою, вдруг замутился — замутился и наполнился смрадными нечистотами. «Вот что они хотят сделать с Россией», — сказал он. И если в придворных кругах, живущих как бы в безвоздушном пространстве, зловещая поза Лунина еще могла кого-то обольстить и показаться героической, то здесь, в Сибири, где нужны истинные человеческие качества, благодать Божия и полная вера в него, эта поза стала совсем неуместной. И лучшие из декабристов, такие как Кюхельбекер, поняли это, раскаялись, многие остались в Сибири, но многие так и упорствовали в своей нелепой гордыне. Бог им судия. Страшней сейчас те, кто создает из них фантомы духовных светильников, и горят эти призывно фальшивые огни над самыми губительными пучинами отечественного сознания.

Распутин, оставаясь верным исторической правде, на протяжении всей книги о Сибири добросовестно перечисляет их имена, указывает на их могилы. Он как бы видит их в черед живущих в Сибири, но не дает оценки их деятельности. Нравственное чутье, точное и цельное, после указания их фамилий заставляло умолкнуть писателя. И действительно, какой протест здесь можно считать подвигом. На дикой суровой земле топориками да руками возводятся прекрасные храмы. Только Большой колокол, который веревками тянули на колокольню Богоявленского собора, весил 761 пуд. Отлил его мастер Алексей Унжаков. Какой нужен Божий дар, талант, мастерство и смелость, чтобы загудел всем великолепием над городом этот красавец! Поди, секрет мастерства из рода в род передавался, его берегли и возвращали. А знаем ли мы их, строителей теремов иркутских, церквей, дворцов, больниц? Купцов, державших сиропитательные дома, так воспитывавших сирот, что их разбирали гувернерами в

А.М. Шилов. Ожидание. 1979 г.

самые богатые и знатные дома России? Нет, не знаем. Зато декабристов знаем всех. На Иерусалимской горе снесли могилы жителей Иркутска, отдавших городу жизни, создававших и любивших его. Оставили лишь могилы декабристов: они протестовали!

«Пережитое не может быть темным, — говорит Распутин, — темно будущее, когда сдвинуто со своего места прошлое и когда настоящее, не имея твердого основания, требует подпорок». Сильно сдвинули мы прошлое. Не тех героев поставили на нравственные пьедесталы, перепутали или совсем смыли духовные ориентиры. Горька нынче нам чаша возмездия, а что делать? — хлебать надо. Сами заварили.

«Язык мой — крест мой. Тяжкий, непосильный», — с горечью воскликнул писатель в очерке «Горный Алтай», Ему кажется, что не в силах он написать то, что увидел в этом сказочно прекрасном краю. «Сколько, сколько раз за время своих поездок на Алтай замороженный окружающим меня природным волшебством, лихорадочно перебирал я, что могло бы во мне хоть в слабой мере ответствовать его содержанию, и всякий раз беспомощно оцепеневал»... Да, наверно, тяжек крест такого дара. Поднять как на ладони перед читателем такой великий край. Со всею потрясающею красотой, величием, богатством, водами, ветрами, людьми, историей, бедами и радостями... «В начале было слово». Слово несет в себе зерно духовной энергии. А мир, как известно, управляется духовно, и слово — самый чуткий инструмент человеческого духа, оно управляет миром. Когда писатель пишет природу, он зачастую как бы в воздухе, в полете над землею. И она как бы замирает перед ним, чтобы он рассмотрел ее получше. Царственна надмирность Распутина. Все он знает, все понимает и все может в этом чистом и родимом просторе. Говорит ли он о Байкале с его голомянкой, нерпой и сармью, о горном Алтае с Беловодьем, Белухой, озером гордых духов, о Русском Устье с тундрой, оленями и строганиной, он видит далеко и полно, слышит мудро и потаенно, и внутренний человек его безоглядно уходит в это родное ему красочное, звучное, высокое, чтобы полностью раствориться в нем. И это все с северной сдержанностью и простотой. Вот когда он спускается к людям, тут начи-

нается очерк. Хороший, добротный, писательский. Будь ли это Байкальский дневник и беды вокруг целлюлозного комбината, или разговор с директором Катунской ГЭС и партийным работником Чаптыновым, или беседа в Полярном с охотником Караченцевым — мы с вами из певучей надмирности падаем на грешную землю, слишком узнавая цивилизованные наши беды и бедность.

Вообще, написана еще одна из вечных книг о Сибири. Книга, глубины которой редкостно слили в себе воедино Слово, Мысль и Память. Чего мне не хватило в этой книге? Распутин здесь еще язычник. Светлый, оглашенный, но язычник. Он как бы расстелил перед небесами мать-сыру землю, одушевил ее сокровенной своей любовью, одухотворил и подготовил к тому, чтобы однажды в этих великих и малых озерах и реках отразился высокий лик Творца.

* * *

Удивительна судьба Валентина Распутина, вот уже почти три десятилетия живущего на виду у всей России. Имя его у кого в душе, у кого на слуху, у кого на языке. Один из самых высоких столпов так называемой «деревенской прозы», он повернул сознание уже достаточно обеспамятшей в своем стремлении к прогрессу России к духовным истокам, к деревенской колыбели, откуда вышла вся русская нация. Он заставил вспомнить книжную нашу интеллигенцию своих матерей и бабушек, на которых держалась Россия все военное и послевоенное лихолетье. И мы обернулись к ним, старухам Аннам, Дарьям, Миронихам и посмотрели им вослед. Я иногда думаю, может, это были последние дети России. Люди еще того последнего русского духа, люди иного мира, чистые, безгрешные до глубокой старости старухи, с детскими ясными ликами, беззлобные, терпеливые, все пережившие, они тихо ушли в Божии пределы. Неоценима заслуга Распутина в том, что он вместе с Абрамовым, Беловым, Залыгиным, Астафьевым разбудил общественное сознание, как бы указывая на них: поглядите, очнитесь, запомните... вот ваш народ, вот чьи вы дети, чьего вы рода и корня! Россия, на миг очнувшись, все-таки вгляделась в эти последние

Тобольский кремль (фото А.Г. Елфимова)

и прекрасные русские лица и, кажется, впала в еще большее беспамятство.

Плотно плотски приблизились волны вавилонские к России. Заглянула наша земля в глубины сатанинские, познала вкус вавилонского тайнознания, и помутился совсем ее разум. Антихристов дух разлит, кажется, в самом воздухе нашей страны, и сыны противления и гибели правят ею. И было бы странно, если бы лучшие сыны России, особенно Распутин, были бы угодны им. Отсюда и жестокая, бесноватая и нечистая травля русского этого писателя. Но для него как для христианина времена наступили благодатные. Он прошел более опасные искушения. Слава — может быть, одно из самых сильных испытаний, которым испытует Господь. И он прошел его достойно, с той сдержанной простотою, которая так свойственна его характеру и дару. А гонения для христианина верный знак, что он идет по Божьему пути. «Быть в безопасности от гонений есть тягчайшее из всех гонений; это хуже самого гонения. Безопасность наводит на душу сон, производит великую невнимательность и беспечность, возбуждает всякого рода страсти», — говорил святитель Филарет. Вот в этом и провидческий смысл гонений на Распутина и на Россию. Потому что два этих имени едины сегодня. И с ним произойдет то, что произойдет с Россией.

Клевета этих гонений, как ядовитая мошара, будит русского в России, а Распутина подвигает хранить и держать в чистоте и готовности во имя спасения России свой высокий дар. Потому что, как говорил Св. Ефрем Сирин, в последние времена будет несметно «ищущих живого слова... они будут проходить землю от востока к западу и от севера к югу, ища такого слова — и не найдут его».

Надо отметить, что испытания клеветой Распутин проходит так же достойно, как и испытание славой. Он так же прост, ясен, мужествен и честен. И сегодня в этой книге это тот же Распутин, который написал старуху Анну, Дарью, Настену и спокойно встречает все, что положено праведному в России. «Ибо я уже становлюсь жертвою; и время моего отшествия настало. Подвигам добрым я подвизался, течение совершил, веру сохранил; а теперь готовится

мне венец правды, который даст мне Господь, праведный Судия, в день оный...» (2 Тим. 4:8).

Но это уже следующее его течение по пути духовной лестницы вверх, начало которому он положил статьями о Преподобном Сергии Радонежском и Православии.

Примечания

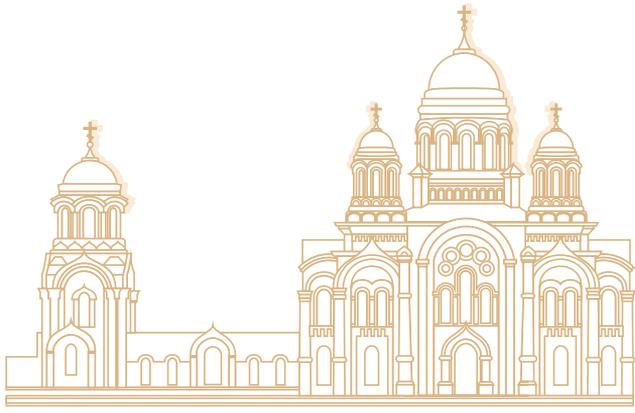
1. Статья была написана для газеты в начале девяностых годов прошлого столетия; ныне же, спустя четверть века без малого, автор, по его признанию, многое из того, что изложено в статье, переосмыслил, посему некоторые события в русской истории и культуре, некоторые исторические личности получили бы иное освещение. Но эта статья теперь как документ, запечатлевший то время и так, как чуялось, мыслилось в то время.

*Восточно-Сибирская правда,
30.11.1991 г.*

СВЕЧА

Рассказ из повествования «Раны»

Алексей Зверев

... **К** Трунову он (солдат Гневышев) относился доверительно: подкупали очки, расколотые в двух местах и так и не починенные. А может, потому, что за две недели перед тем как выехать на фронт, перешивал взводному шинель из солдатской в офицерскую и тут успел приглядеться к своему командиру. В минуту отдыха он подсаживался на край нар спиной к спине лейтенанта и молчал, покуривая. Он курил, глядя в землю и покашливая, и Трунову казалось, что солдат хотел сказать что-то и все сдерживался, все не решался заговорить. Раз повернулся к нему Трунов и, похлопав по спине, спросил:

— Ну, как, Гневышев, письма из дому пишут?

Это был традиционный вопрос командира к подчиненному. Он сам собой задавался, если разговора начать было не с чего.

— Но, — ответил солдат.

— Дома жена, дети есть?

— А как же, — сказал он не сразу, словно сам спросил: — как же без этого?

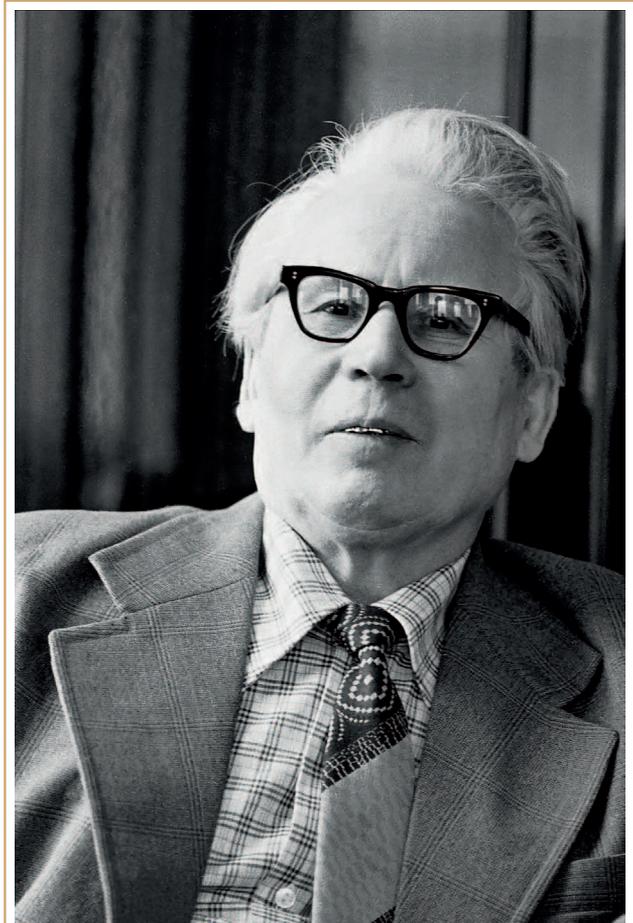
— Все, значит, в порядке?

— Да в порядке-то в порядке. Что может стрястись? Как у всех.

Слышалось, что солдат думает сейчас не о том, и Трунов спросил:

— Вот ты все что-то молчишь, вроде тоскуешь. Это так?

— Да кто же нынче не тоскует? — ответил он, всем корпусом повернувшись к Трунову, и глянул на него желтыми глазами, слепо глянул, Трунов сразу и не понял, отчего слепо, и лишь после разобрался: слепо-то оттого, что очень уж малы были зрачки в них, такие маленькие — как прокол игольный. Трунову тогда

А.М. Зверев (фото: www.irkipedia.ru)

подумалось, что вот как человек не хочет глянуть на солдатчину, чужую ему, вот как живет он всем оставленным дома, как надоела ему эта затянувшаяся война. Она была в ту пору в самом разгаре, и если сравнить ее с костром, то все подбрасывались и подбрасывались в него поленья, котел парил, кружилась вода, а не закипала, кружилась, ждала пару, и с ним, новым, начнет плескаться, начнет заливать огонь. И вскипит, и огонь зальет, и все пойдет на убыль. Пока костер войны полыхал во всю силу, и в нем горели надежды на спасение, на то, выживешь ли, или чья-то рука швырнет тебя в пламя, и ты вспыхнешь и испепелишься. Трунов думал: видно, этот солдат за тысячи верст от пламени войны подсушил себя, изготовился сгореть — на нем это было заметнее, чем на других ребятах взвода. Был он старше многих, ходил вялой походкой, забывчиво курил до самых пальцев, обжигая их.

— Что же тебя тосковать-то заставляет, если дома все в порядке? — спрашивал Трунов.

— Да то же самое, что и тебя, лейтенант, — отвечал он и улыбался едва заметно.

— Что же все-таки?

— А ты не думаешь, что умрешь?

— На фронте все случается.

— А я умру, лейтенант, убит буду. Это я чую всем нутром. Не думай, что трушу. Не-е-е-ет. Ты так не думай, лейтенант, а просто знаю, что убьют, и все.

— Да как это тебе втемяшилось думать так? Кто из нас может знать о том? — повысил голос Трунов.

— Я до самой до Оби — ничего не чуял, и в лодку сел, и по воде плыл — ничего. А как ступил на берег, так не могу повернуться, чтобы глянуть на своих, на тот берег-то. Не могу, и все, и так и не глянул, так скорее за угол зашел, улочкой побежал, не оглянулся — там сзади-то смерть шагала за мной, так шагах в двадцати: потом уж я попривыкнул к шагу ее и оглядывался, она как-то вся таяла от взгляда, не любит, чтобы на нее засматривались. Ты бровками дергаешь, лейтенант, ну и дергай, ну и не верь. Я тебе не сказку рассказываю. Теперь она не ходит за мной, приучила к себе, и хватит. Ну что же, умру. Не я первый, не я последний.

— Полно-ка, Гневышев, ерунду плести, — сказал Трунов тоном утешения, деланно сказал, по должности, а сам ждал, что скажет тот еще.

— Тебе одному сказал. Человек ты образованный. Материшься вон как неумело, — продолжал он, — думаю, легче тебе понять, отчего у меня грудь в табаке, пилотка разъехалась, шинелишка черт знает как сидит, ем не чисто. Ну, повоюю, повоюю еще, не сразу же приду и хлоп тебя. А тебе скажу такое, — наклонился он к самому уху Трунова, — не жалею меня, не приглядывайся. Я сказал тебе не затем, чтобы жалеть. Не-е-ет.

— Хватит, Гневышев, ты нас всех похоронишь, а сам цел останешься. Что с тобой? Не хитришь ли? Да что за хитрость — хоронить себя заживо? — проговорил Трунов, как бы размышляя, и увидел, как Гневышев закачал головой и вроде уже раскаивался, что поведал свое предчувствие, и прутиком зарисовал по земле, буркнув:

— Я в четвертый раз туда иду. По четвертому кругу.

— В четвертый! И такие разговорчики? — позавидовал, удивился и возмутился вместе Трунов, отходя от солдата.

* * *

К фронту, к пеклу того года, о котором уже говорила вся земля, подбирались они как-то исподволь. Под Москвой простояли полмесяца, под Тулой запнулись дня на два, потому что где-то задерживался хлеб. Солдаты ворчали. Командир полка то и дело вызывал к себе начпрод и, видимо, пробрал его порядком, и тот, явно для отвода глаз, направил Трунова просить хлеба в городе. Кто же в войну так просто хлебом разбрасывается? Толкнули его, случайного и вовсе непробойного человека, чтобы тем временем хлеб свой поджидать: он был на подходе. Хоть молод был Трунов, но так и понял приказ. Он поглядел, кого бы взять с собой из солдат, на глаза попался Гневышев, и он приказал ему собираться. Прихватив вещмешок, солдат враскачку пошагал к машине, и они поехали.

Трунов обежал полдюжины хлебных учреждений, убеждал, что полк голодный, просил выручить, а там уж сполна рассчитаются и даже лишку прибросят, потому что через день у них всего будет навалом. На лейтенанта глядели с улыбкой, пожимали плечами, отсылали в другую организацию, а один дядька сказал:

— Над вами подшутили, товарищ лейтенант.

Гневышев то с лейтенантом вместе заходил к начальству, то оставался в коридоре или в машине и нужен был ровно столько, если бы его вовсе не было. Трунов уже решил возвращаться. Гневышева у машины не было. Шофер погудел многократно, сбегал в соседний магазинишко, в столовую, на почту — не нашел. Трунова охватила печаль — солдата проворонил. Такая печаль тронула его, что он и про хлеб забыл. Тотчас они махнули на станцию — там все углы обсмотрели, вдоль состава раза три пробежали, все вагонные тамбуры оглядели — солдата не нашли. Трунов почернел от беды, сел рядом с шофером и голову свою руками охватил, браня себя: ворона, хлеба не добыл и солдата проворонил. Но тут до слуха долетел тихий кра-

дущийся звон колокола, и Трунову пришло нелепое предположение: да не хоронить ли себя пошел Гневывшев? Трунов сам не понимал, как эта мысль могла прийти в голову — не Богу ли помолиться пошел солдат перед фронтом. Может, не все такие, как он, Трунов, проживший короткую жизнь без Бога.

— Давай-ка жми к церкви, — приказал он шоферу, — может, там он, подлец.

Гневывшев стоял на паперти и нахлобучивал разношенную пилотку. Трунов тотчас подбежал к нему, хотел за воротник схватить и встряхнуть, как мешок, — тот глянул на него желтыми немигающими глазами.

— Удрать вздумал! — заорал Трунов и изматерился.

Гневывшев махнул рукой и брезгливо сморщился. Трунов посадил Гневывшева в кабину, сам в кузов забрался. Они проскочили несколько деревень и остановились у колодца. Гневывшев оторвался от цепи, вытер рукавом губы и пробормотал:

— Какое время... Свечи не достанешь.

— Ты что! И вправду ходил молиться? — спросил Трунов.

— Я за себя хотел свечку поставить. Я в ее, в церкву-то, за жизнь ногой не ступал. Тут надо.

— Крайность? — все еще косился Трунов на Гневывшева. — А как не нашли бы тебя, куда бы ты, раб, двинул?

— Я бы ране вас к полку вернулся. Вон какая прорва машин идет. А свечку поставить надо было. Я там еще, когда от берега отходил, так почуял, что река эта — грань моя, я тогда сразу и подумал: свечку где бы за себя поставить...

Трунов был молод и мало знал людей, иных и замечать не хотел. Война на них открыла глаза. В каком же мире жил Гневывшев, если о свечке задумался? Зачем ему свечка, что она может открыть, кого и как она может утешить!

— Душа просит свечку, и все тут, — заговорил Гневывшев, словно подслушал размышления лейтенанта. — Думаю, поставлю, и во мне поворотится, смягчится, сгладится что-то, и я обрету ровность. Что же я мучиться-то буду. Мне ровность нужна, особо сейчас, когда на фронт еду. Мне надо какую-то шишку сшибить с сердца.

— Ты раньше в комсомоле был, Гневывшев? — спросил Трунов зачем-то.

Солдат поглядел на него отчужденно и сказал как о чем-то самом обыкновенном:

— Как же, бывал. Потом как-то с годами и выбыл. Я и в ем что-то искал. И нашел вроде. Ну, вроде заглянул за гору какую. Славно так, хорошо было, и парни хорошие собрались. Ты вот помалу привыкаешь ругаться, а мы в ем отвыкали. И креститься отвыкли, не то что верить в Бога, и сейчас себе не сумею креста на грудь наложить — забылось. Дай балалайку, я с завязанными глазами сыграю, а перекреститься — нет, не получится.

— А свечка? — спросил Трунов.

— Не в свече дело, говорю, — сказал Гневывшев. — Свеча — это, может, первое, что осенило... Ну, лучше высказать не могу, — махнул Гневывшев рукой и пошагал в кабину.

* * *

За рекой фронт уже чуялся. Не было слышно ни орудийного гула, ни отдельных выстрелов, а было непрерывное фыркание машин, упрямо лезших на подъемчик, да чавканье ботинок, да тихий осторожный говор людей, едущих туда и бредущих по скользким обочинам дороги. Чуялось, что если не за двумя-тремя вот такими угорчиками, то за пятью была передовая. Другие машины спускались с подъемчика навстречу, грохоча и поскрипывая пустыми кузовами, в них сидели то один, то два солдата, с забинтованными головами и руками, легко раненные шли пешие, и по белым еще чистым повязкам тоже понималось, что бои шли где-то рядом. Казалось, что раненные были довольны собой и даже веселы. Один подмигнул Гневывшеву и, махнув белой рукой, крикнул:

— Езжай не оглядывайся, там тебя поджидают.

Гневывшев помахал и ему и все следил за машинами и людьми, возвращающимися с передовой и, потрогав Трунова за локоть, сказал:

— Так бы вот ранило, и хорошо.

— Хорошо бы, да, — сказал и Трунов.

— Нет, скажи, лейтенант, — насупив брови и блуждая глазами, спросил Гневывшев. — Как это понять: жили люди, землю пахали, корми-

лись, рожали детишек — и бах, давай железом резать друг друга? А? Это зачем кормились, зачем рожали?

— А если это враг? — спросил Трунов. — Если он придет да семью твою прирежет?

Трунов понимал, что разговор такой не ко времени и не к месту. Люди ушли как бы в себя, и отдельные выкрики, команды были невольные и вовсе не нужные. И разговор этот с Гневышевым должен тоже погаснуть. Но солдат поправил за спиной карабин и продолжал:

— Но я же ведь не о том. Я о том — что же такое враг? Отчего сила такая за этим словом? Может, эта волюшка вся по глупости нашей. По нашему ничтожеству. Мы тут воюем, а миру-то в большую и в малую сторону конца нет. Мы над муравьями смеемся — дерутся, грызутся, зачем им грызться? А кто-то из того большого миру над нами потешается: глядите, ползут в каких-то железных скорлупах, дымок пускают, соринки щекотливые в воздух пыряют, руку подставил этот великан, а в нее соринки тычутся, то есть наши страшные снаряды. И ему — это муравьиная драка не боле: вишь, копошатся, вишь, грызутся, дураки, только мы, великаны, делаем умное дело. Так они думают о себе и забывают, что над ними есть еще больший мир.

— Ну, повез, — сказал лейтенант и отмахнулся, но и прихватил себя на том, что и он думал так, думал о большом и малом мире и с этой-то линии величия и бесконечности как тщетны и смешны потуги людей что-то сделать и изменить. В пламени-то Вселенной, в огнях бесконечных сколько червячно и ничтожно это дело — война. И если ты пришел в этот мир, то главное — как понимать мир, главное — твой гнев и прозрение и, конечно, любовь. Почему люди вместо войны не найдут то главное, что сделало бы прекраснее трагически малое время жизни, равное мгновению. В каком-то храме бы пребывать, какие-то свечи зажигать, да вот она, свечка-то Гневышева. И при свете их твердить — люблю, люблю, люблю. И любить бы трепетно, высоко, божественно, пить бы этот нектар мгновения, парить бы в радости, мотылек земли, человек.

От редакции: ...Уходила в память Гражданская война, утихомирился печально поредевший русский народ и, вроде, оклемался, повеселел в азартном державном труде; но... не дремал сумеречный князь мира сего, ненавидящий Россию, остатный Божий приют на земле; и его холопы — христопродавцы, царящие в мире, — двинули на русские земли германскую орду.

Великая Отечественная война... Через год после начала войны сельский учитель Алексей Васильевич Зверев окончил военно-минометное училище и воевал в 4-й гвардейской танковой армии минометчиком, вначале командиром огневого взвода, затем командиром взводу управления батареи, а после командиром взводу управления полка. Участвовал в Курско-Орловском сражении и в освобождении Правобережной Украины. В 1944 году был тяжело ранен; до конца войны промаялся в госпиталях и чудом оклемался... Но война, если не убьет, не искалечит, не изувечит, то здоровье подорвет, коль доводилось солдату в долгих марш-бросках денно и ночью топтать сквозь вьюги и ливни, париться на палящем солнце, стыть в морозящих осенних дождях, месить холодную весеннюю грязь раскисшими валенками, «купаться» в ледяной воде; и нервы натянуты, как струны, того гляди, и лопнут. До последнего вздоха тревожили и ныли фронтовые раны Алексея Васильевича, и не обретала покоя израненная душа, когда перед обмершим, опечаленным взором вдруг с чадом и грохотом, с предсмертными стонами вздымалась война.

— Война — дело отвратительное, тяжкое, — поминал Алексей Васильевич, — но Отечественная война породила и великое братство и товарищество, а посему до боли щемит сердце и бросает в тоску и в слезу, когда уходит из жизни военный друг... Дикость войны, подавление всего человеческого меня угнетало. Я пришел на нее учителем, и оттого я хватался за единственное, что там осталось от души, — за воинское товарищество. Будучи крестьянином, не воином по рождению, я наблюдал, как в счастливые минуты отдыха и формировок оттаивал в солдате умерший человек, как он хватался, радуясь, за пилу и топор, за долото и рубанок, строя себе землянку или какую-то дыру-временку. Как он был рад ухватиться за какое-нибудь дело: за починку обуви и одежки, за поделку ложки, за сказку или байку, и даже за дело, которое никогда не бывало у него в руках...

Странно... а может, так и бывает?... но лишь тридцать лет спустя Алексей Зверев, солдат и писатель, заговорит в книгах о Великой Отечественной войне; явятся на свет одна за другой удивительные по силе переживания, по чистоте слова, простонародно мудрые повести «Выздоровление», «Раны», «Передышка». «Лицом к лицу, лица не увидать; большое видится на

расстоянии», — писал Сергей Есенин. Видимо, нужны были тридцать лет, чтобы не так больно поминалась война, чтобы разглядеть трагедию, осмыслить ее при ярком и верном свете — свете любви Христовой. У Алексея Васильевича, полвека прожившего посреди царствующего безбожия, христианское осмысление войны, даже без религиозной символики, интуитивное, было похоже на пробудившийся в душе голос православных предков.

Через тридцать лет поутих барабанный бой в военной прозе, крики «ура» на фоне штабной отчужденности от рядового солдата; стала уходить в небытие «генеральская» проза, потом «лейтенантская», и пришло время горькой «солдатской» прозы — страшной окопной правды, которая запечатлела, словно в камне, непостижимую меру солдатских страданий, высветив великий подвиг окопного воина. А подвиг и был, перво-наперво в том, чтобы пройти через ужасы, кровь и смерти, через холод и голод, через хаос войны и остаться человеком, подобием Божиим.

Показывая «вшивую, окопную» правду войны, Алексей Зверев избежал беды, коя на старости лет постигла Виктора Астафьева, в предсмертном романе «Прокляты и убиты» с присущим талантливому художнику писательским мастерством написавшего солдата, способного на мерзости и не способного на подвиг за други своя, за Россию-родину. Эдуард Володин, известный российский философ, публицист, проповедник православно-самодержавного, имперского устройства Русской земли, писал в статье «Иудино время»: «Суета вокруг Виктора Астафьева заставила вспомнить его последние подвиги, художества и достижения. Без всякого сомнения, талантливый писатель, автор «Царь-рыбы», «Пастуха и пастушки», «Оды русскому огороду», ставших достоянием нашего национального самосознания, он вместе с горбачевской перестройкой резко поменял позиции. <...> И вот появляется мерзость под названием «Прокляты и убиты» — роман о Великой Отечественной войне и о ее солдатах и офицерах. Более подлого сочинения вряд ли найдешь и в мировой литературе. <...> Оболгано было все, что свято для народа, оболган был сам народ и его героическая армия».

Алексей Зверев, писатель и фронтовик, ушел в горный мир раньше, чем явилось в дольний тяжкое и смутное повествование Астафьева «Прокляты и убиты»; а прочти, может быть, и разочаровался бы в писателе, в коем души не чаял. В военной прозе Зверева, в отличие от романа «Прокляты и убиты», есть и солдатский, и офицерский подвиг, хотя есть и полное неприятие войны — события бесчеловечного.

Накануне сражения солдат Гневывшев грустно и обыденно оповещает Трунова, что убьют его нынче; и,

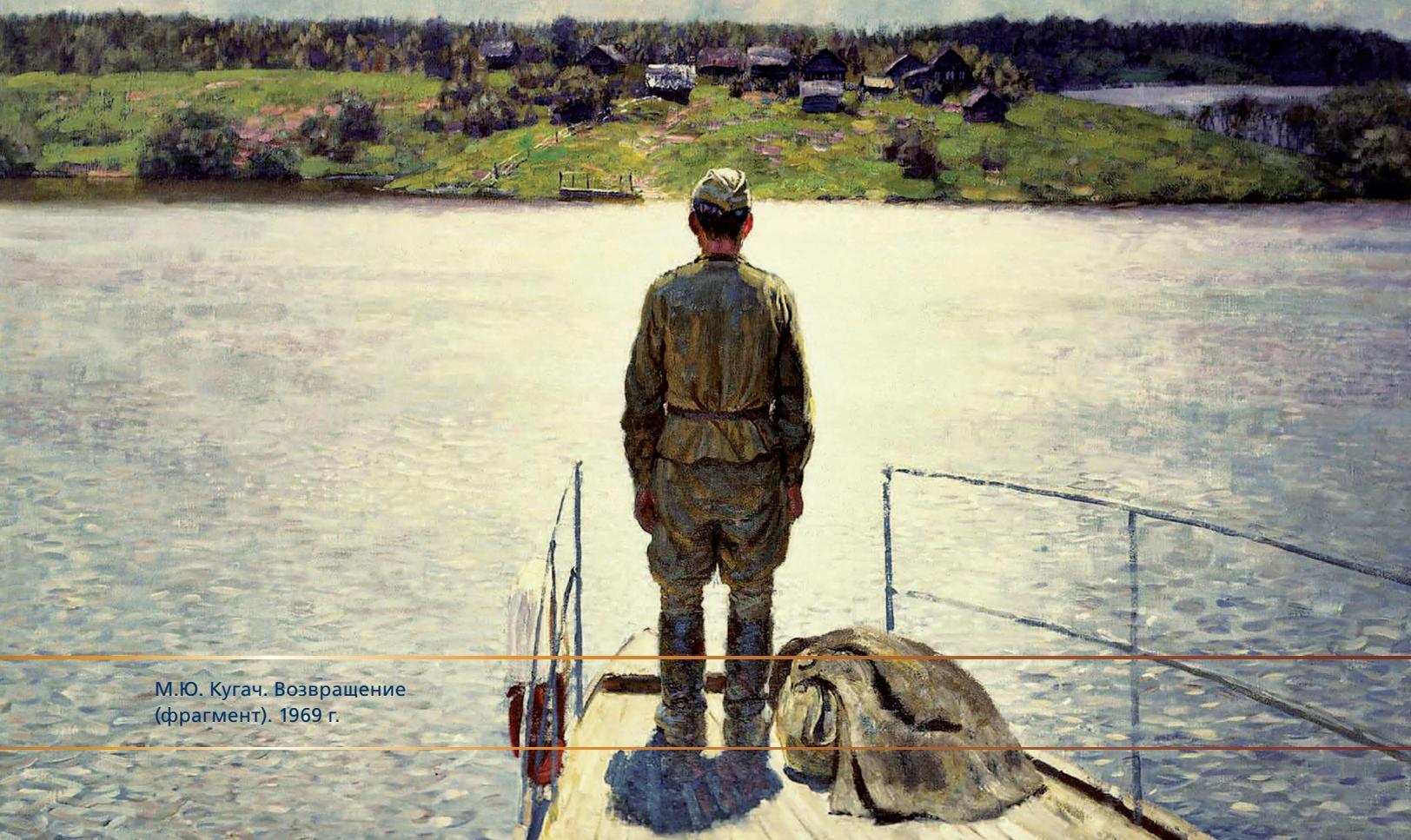
покаясь, помолясь Богу... может, втайне... Евлампий, раб Божий, сложил смиренную жизнь за други своя, за Святую Русь.

Военные повести Алексея Зверева высоко оценили сибирские писатели, а Валентин Распутин, писавший ранее предисловие к одной из книг Зверева, печатно похвалил повесть «Раны», будучи уверен: от критиков похвалы не дождешься, критики либо осторожны, либо своекорыстны и пасут знаменитых, в надежде погреть руки и душу в лучах писательской славы.

«Я помню, какое большое впечатление произвела на меня, когда я в первый раз прочитал повесть «Раны», фигура Гневывшева, — писал Валентин Распутин. — Мы много рассуждаем о русском национальном характере, начиная от Платона Каратаева и кончая героями и Василия Белова, и Федора Абрамова, и Виктора Астафьева. Но говоря об этом национальном характере, ощущение, что чего-то все-таки не хватает в нем. И вот тут, когда я увидел фигуру Гневывшева, я понял, чего не хватает. То есть она как бы дополняет те необходимые черты, которые отсутствовали в этом русском национальном характере. Ведь посмотрите, какая действительно трудная жизнь выдалась этому герою, Гневывшеву. И пришлось ему помытариться, пришлось пройти войну от начала до конца и пострадать на этой войне, и раны принять, и все что угодно, все тяжести, которые выпадают человеку в жизни, достались ему. И все-таки не растерял он и сердца, и души, не растерял мягкости, и терпения, и добросклонности, и всего того лучшего, что отличает русский национальный характер. И вот эта-то фигура, этот человек как раз — а тут можно говорить о герое, черты которого совпадают с чертами человека, — и есть как бы живой человек, и принимаешь его как живого человека — когда встречаешься с таким героем, когда встречаешься с таким человеком, то тверже уверенность и в народе нашем, в том, что сохранит он все-таки свои национальные черты и сохранит свое богатство, и сохранит все, что нажил он за века своей истории».

ГОТОВЬСЯ, РУСЬ...

Поэма

М.Ю. Кугач. Возвращение
(фрагмент). 1969 г.

Василий Забелло

За мой, отцы, сегодняшней покой
С вас крепко взяли кровью и любовью,
Чтоб перед сном, склоняясь к изголовью,
Трепал я сына нежною рукой...
Когда-то так батяня делал мой.
Был сенокос... Он вовремя успел,
Один из четырех — и тот контужен...
Воткнув косу, бежала Уля к мужу,
А сын стоял в сторонке не у дел
И на пришельца, съездившись, глядел.
Но вот щетина щечку обожгла!..
Обвил ручонкой бронзовую шею
И уж до дома не расстался с нею,
А рядом Уля перышком плыла,
Через войну любовь их пролегла.
Из четырех один пришел солдат...
Суровы, как предзимние дубровы,
Вослед глядели замершие вдовы.
Ну кто способен вынести их взгляд?..
Я в тот же год победный был зачат.
И принял я последствия войны:
Задолго до рождения во чреве
Я ел от мамки лебеду и ревень,
А народившись, стволиком спины
Я ощутил насаду старшины.

Лебедушный, но с пузом короля,
Мой брат в Байкале хариуса удил.
Тогда, спасаясь, шли к Байкалу люди
И даже те, что были у руля,
Пока вставала колосом земля.
В тайге батяня зверя добывал,

А я под завывания метели
Играл его медалями в постели,
А позже и «в пристеночек» играл,
И где-то так бесследно закатал.
Я помню, с трубкою и в сапогах,
Напротив лубочных княжны со Стенькой,
Усатый вождь поглядывал со стенки,
Он чаще, чем Христос, был на устах,
Но «божеству» сопутствовал и страх.
И поучала бабушка меня:
«Не дай Господь, обмолвишься где плохо...
Сгребут отца и дядьку выпивоху,
Вокруг семьи и так уже возня...»
НКВД боялись как огня.
Но помню я, немного погодя,
Молилась бабка... а в скорбящей яви
Кто горько плакал, кто глаза слюнявил,
Шли паровозы, день и ночь гудя, —
Не стало вдруг великого вождя.

Тогда не понимал я высших сфер,
Подумаешь, не стало — так не стало —
Со стен его убрали, с пьедестала,
Развешали другого — не в пример...
Я был тогда всего лишь пионер.

Мой брат изжил рахитовый живот...
И по вербовке, с полной семилеткой,
Тянул к Иркутску западную ветку,
Но не успел, отправился во флот...
И долго мать стояла у ворот.

А позади, осекшись на бегу,
Поникнула бесправная невеста...
Найдет судьбу, пристанище и место
Мой брат на чужедальнем берегу,
Чем пересуды вызовет в кругу...

Как надлежало мальчикам села,
Я пас коров, доил, с собакой бегал,
Возил дрова на мерине на пегом...
А за рекой черемуха цвела,
И юность незаметно подошла.

А с ней пришла и первая любовь...
Как сказано в блистательном романе,
Мы были вместе на покосном стане
И было нам, известно, не до снов,
Поскольку тучи вились комаров.

А где теперь увижу я покос,
Седой от одуванчиков и кашки,
В янтарных косах яркие ромашки...
О юность, юность! Невозвратность грез,
Мой берег дальний, дальний стук колес...

Северо-Муйский участок БАМа. 1970-е гг.

Сегодня тех излучин не найти,
В тени ольхи спасались мы от мошек.
И ситцевое платъице в горошек
Уж не мелькнет, как прежде, на пути —
Всё вылилось в кричащее «Прости!»

За грех какой вдруг наши берега,
Залитые лазурью и цветами,
Пришли топтать стальными башмаками,
И на пустынные и мирные стога
Легла стеной чахоточная мга?

А весело, как помню, началось:
Со всех краев, откуда лишь возможно,
По доброй воле и недоброй тоже
Народцу одичалого взялось...
Уклад села поехал вкривь и вкось.

Попробуй-ка, хозяин, удержи
Набеги разгулявшейся галерки.
Ни лайки не помогут, ни запорки.
Обычным делом стали грабежи,
Где в ход идут и фомки, и ножи.

И мой отец, подальше от греха,
Ушел от разворованных зимовий,
Устроился на выгонок коровий,
Но и оттуда... коль беда лиха,
Коль «химия» к селянину глуха.

«Даешь Байкальск и Братскую даешь!»
И дела нет до девственной морали.
Огнем, потопом поселян карали,
Теперь их слезы к делу не пришьешь,
Не двадцать раз на свете ведь живешь.

Немало моих сверстников тогда
Под лиходеев сладостные звоны
Пополнило ряды колючей зоны.
Невольники советского труда
Лепили недоноски-города.

А комсомол?.. Ну что ж, и комсомол
Всей грудью шел за зековской спиною
Ударной, всесоюзной, горевою.
Поистине, великий был помол —
С боков овчарки, а в затылок ствол.

В ту пору улыбался со стены
В косоворотке, выписан изрядно,
Идейный вождь с башкой, как шар бильярдный,

Поборник и сподвижник сатаны...
И всё ж при нем ослабили штаны.

Вино лилось не только на пирах,
Глушили все от мала до велика
И становились массою безликой,
Погрызшей в смертных и иных грехах,
Забывшей славу русскую в веках.

Прошло еще немного бражных лет.
Теневики-правители шутили:
«На бровеносца лысого сменили».
И засылали дочек в кабинет...
Невестам сионцам — высший свет!

Прости меня, читатель дорогой,
Залез я в дебри, сам того не зная,
Ведь я пишу, когда с Михайлом Рая
Трясут пред Бушем русскою мошной,
Поэтому вернусь я в дворик свой.

Душа живет, не помня черных дней,
Ей родина мила во все години.
Отцовский дом — под окнами рябины,
И плач в ночи высоких журавлей,
Как песня мамы умершей моей.

Смахну с лица не капельки росы...
Ушел отец к реке покосным лугом.
Как быстро убрались вы друг за другом...
Замкнулся путь, и стал беспутным сын,
И обомшел накренившийся тын.

За всю любовь, за детство, за покос,
За ласточат под крышей сеновала,
За всё, что в жизни душу согревало, —
Спасибо вам... В тени густых берез
Лежите вы без боли и без слез.

Но есть к отцам претензия своя:
Поставив пол-Европы на колени,
Вы бесшабашно отдались затмению.
Поругана священная земля,
Где бьюсь изгоем ненавистным я.

Родной земли беднее стал глагол.
Его полон означился в эфире,
И, благо, место выделяют в сортире,
Чтоб нерусью заполнить каждый холл,
Чтоб языки другие не смолот.
Теперь Байкал навряд ли нас спасет —

Донельзя он отравами измучен,
Научной ложью связан и окручен,
Но правды Божьей все же час пробьет —
Всем по делам Всевышний воздаст.

Отцы, отцы, ну как же так, отцы!
Отечество за пьянкой проглядели.
Дома и пашни разом опустели,
Разор, раздор метут во все концы...
И где же Русь? — не всплачут бубенцы.

Как дальше жить? Как Родине служить?
Жулье у власти воронами кружит.
Иван, штаны затягивай потуже,
О лучшей доле сильно не тужи —
Поболее начнутся грабежи.

Невиданный всполохнется костер,
Губатыми смутьянами раздутый,
Готовься, Русь, очиститься от смуты —
На всех скорбящих братьев и сестер,
На жизнь, на смерть заносится топор...

1991 г.

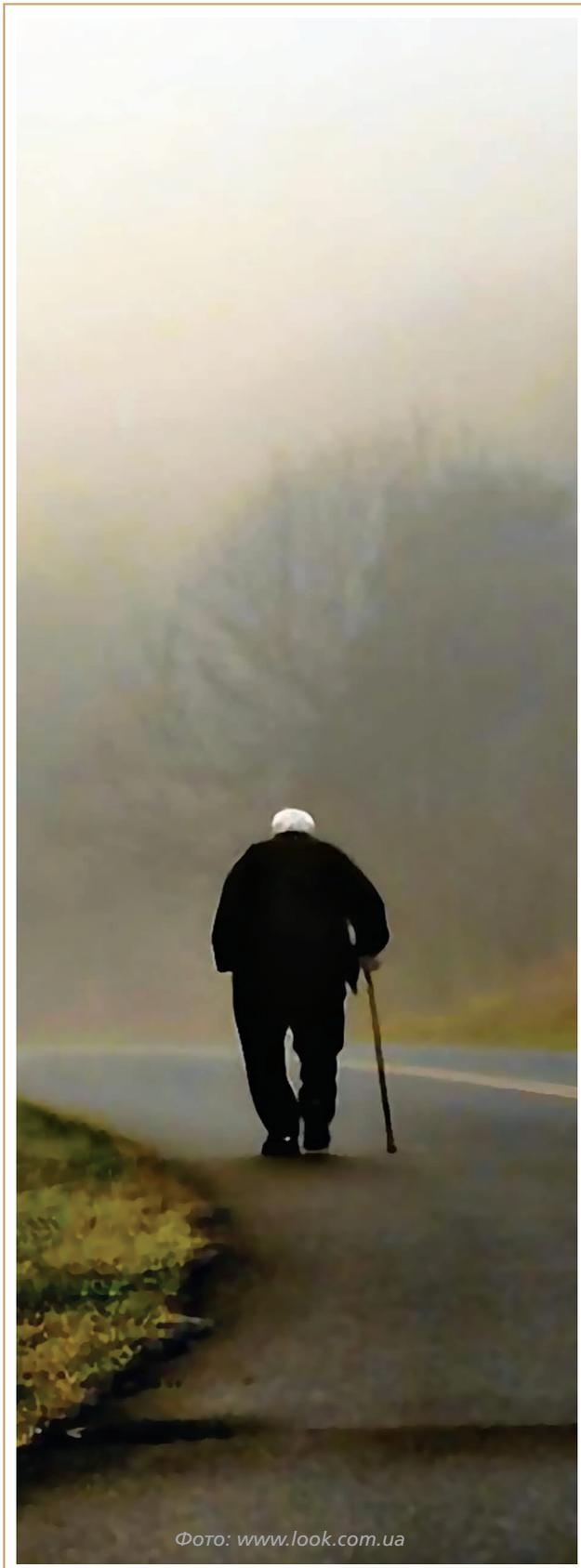

Фото: www.look.com.ua

- **ПОСЛЕДНИЙ СРОК**
Памяти
Валентина Распутина

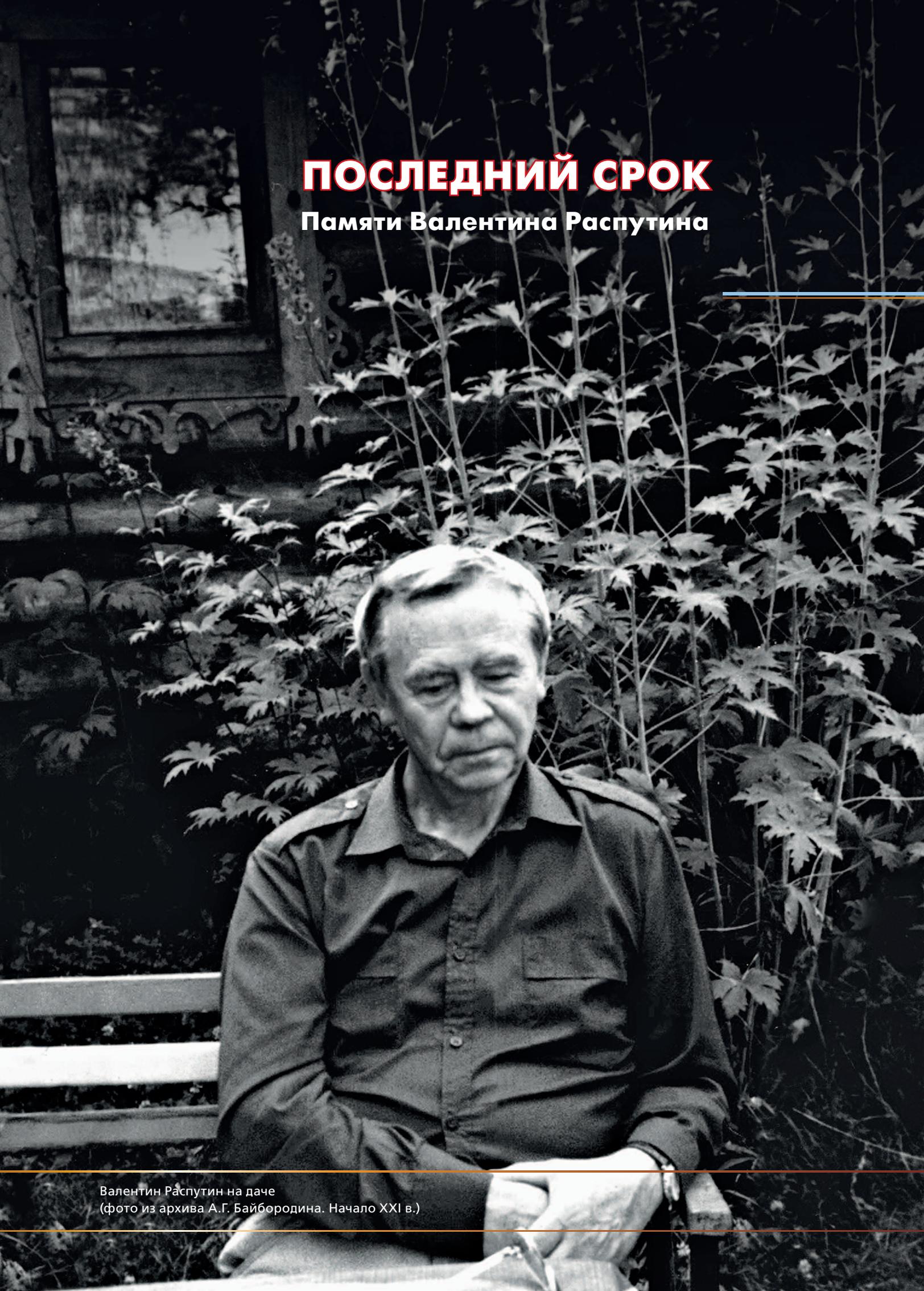
Владимир Личутин

- **УПОКОЙ, ГОСПОДИ...**
Памяти
Александры Нефедьевой

ПОСЛЕДНИЙ СРОК

Памяти Валентина Распутина

Валентин Распутин на даче
(фото из архива А.Г. Байбородина. Начало XXI в.)

Владимир Личутин

Накануне своего дня рождения умер Валентин Григорьевич Распутин, замкнулось золотое кольцо жизни вечной-бесконечной. Он сошел в землю, но дух его, но образ его будет долго жить среди нас, освобождаясь от плотских примет и земной обыденной шелухи. Человек живет, пока его помнят. Мне кажется, что я помню Распутина с младенчества. Хотя Валентин старше меня на три года, но, как воспринимаю его нынче, он стал нянькою над моей литературной колыбелью и постоянно надзирал меня, не приближаясь близко, но и не отодвигаясь совсем, чтобы я случайно не заблудился, не вильнул с русской стражи в тихую гавань национального беспамягства. То и дело напоминал о себе: то заметкою о моем творчестве, то коротким, но емким анализом литературного стиля, хотя близости дружеской не было, не было и тех сокровенных разговоров, которые возникают меж родными по духу людьми. Распутин был и на расстоянии от меня, но и возле, его обращение ко мне как бы постоянно висело в воздухе, но я не признавался себе в этом, ибо внутренне мы были едины, но натурою в полную противоположность. И потому мы не стремились к дружбе. Он не искрил, не полыхал гневом в споре, я не видал его разгоряченным, — это была сама тихость, ибо вся сердечная работа происходила внутри, недостижимая для посторонних. Внутри себя он и горел, и взрывался, и сокрушался, наверное, рыдал в минуты отчаяния, но так, чтобы слез его никто не видел, не присутствовал при его минутной человеческой слабости, которая, конечно же, случается с каждым; кого-то он презирал, кого-то особенно ненавидел (врагов отечества). Это был сложный внутренний человек, боящийся внешним необязательным

словом расплескать энергию, словно бы Распутин знал ее количество, данное судьбой, и не хотел истратить прежде назначенного срока.

Распутин был хранителем тайны и сам — тайна. Кстати, удивительное качество было у Валентина — жить вроде бы в самой гуще событий, участвовать в них внешне, но взгляд его был чаще полуопущен и странно задумчив, словно бы он постоянно решал трудноисполнимые задачи, которые преследовали его. Но, я думаю, что так никто и не узнал его, что это был за человек. Он шел по жизни неторопливой поступью, как некий посланец небес, и старался не показывать свою земную суть. Вот он ушел, поклонник матери-сырой земли, дитя Богородицы, и мало, наверное, кто, а может быть, даже и никто уже не сможет распечатать его истинное обличие, так мало он оставил свидетельств о себе внутреннем. Он и свою-то жизнь практически не запечатлел, свою глубину страданий и личных страстей, которые тоже обуревали его, как поэтическую личность. Ему даже слов-то не хотелось тратить на себя, считая всю внешнюю славу, поклоны и почитания чем-то вызывающе лишним, ненужным, относящимся к какому-то другому человеку, его двойнику, но не к нему. Многие из русской жизни он запечатлел: создал характеры, судьбы, драму русской земли, а себя забыл, иль оставил между строк.

Каким-то образом в литературном направлении «почвенников», писателей от земли из самого «низа», он вдруг оказался, несмотря на молодость, тем самым буксиром, который тянул писательский караван по бурной стремнине для совершения промыслительных задач для будущей России. Это направление неслучайно возникло в России в конце шестидесятых. Нужно было разрешить корневой вопрос национального бытия, о который мы споткнулись в дни «гнилой оттепели». Надо пробудить русского человека, чтобы он проснулся после двухсотлетнего сна и понял, что он русского племени во всех его особенностях, чтобы вспомнил себя, полузабытого. Нас сотни лет, начиная с Петра Первого, заставляли забыть, что есть русский человек, что у него за нутро такое странное, в чем его задачи, русского человека. Произошло онемение нации, внутреннее обнищание и забывание себя. Но главное искривление души случилось в городском мещанстве, чиновничестве и «образованцах», что жадно глядели на Запад, дожидаясь именно оттуда манны небесной. Они не хотели замечать

простеца-человека, который их поит-кормит, презирали его, полагали крестьянина за быдло, за несовершенство, за какую-то немощь черную, отчего-то бытующую на земле и мешающую прогрессу и просвещению. Это такое было состояние определенной породы людей, зараженных гуманизмом.

Но вдруг свежим ветром потянуло по Руси. Появились Абрамов, Носов, Солоухин, Балашов, вспомнили Шергина, что-то необычное шелохнулось внутри русской души. Горожанину стало думно, вдруг захотелось узнать себя, свои корни, почему русский народ победил в страшной войне с дьяволом, в чем его качество, что за особенность его и тайна. Орда варягов и дикарей шла на Русь, и эта Русь самодовольную, сытую орду поставила на колени. И как требование нации появились произведения Белова, Астафьева, Лихоносова, Дмитрия Балашова, Казакова. Распутин в этой когорте казался вроде бы замыкающим. И вдруг он почему-то оказался во главе отряда «почвенников», как бы стал за атаманца, проповедника. А ведь еще молоденький совсем. И все, главное, признали совершенство стиля, глубину пророческого ума. Слух о Распутине прошел по всей России. Ему внимали, им любовались, в его работы вчитывались как в святые письма. Это удивительно, конечно.

Когда я сделал первые шаткие шаги в литературе, слышал в себе тягу к писательству, он уже был знаменитым. Я был еще неразвитым дитем в литературной повозке, а он-то уже сидел на облучке. А ведь было почти бездорожье, ухабы, раскаты, в колеса охочие до принудилки вставляли палки. Шолохов был еще жив, но страшно одинок, либеральная трясина подползала к самым Вешкам, чтобы проглотить гения; и как вовремя появились Белов, Распутин и Астафьев, встали под его державную руку и подхватили русское начало во всей глубине.

Помню, как ездили гуртом по окраинам России, — Карелия, Мурманская область и так далее, целая орда русских почвенников-писателей. Белов, Астафьев, Балашов, Залыгин, Бондаренко, Крупин. Много было доброго народа. В том числе и я к ним пристал. Я помню, как народ спешил взглянуть на гостей из столицы. Как будто какие-то сверхлюди прибыли

и надо непременно посмотреть, выслушать Распутину. Удивительно, как народ тогда стремительно просвещался духовно, просыпался в национальном чувстве после долгого опойного сна. Залы были забиты битком, сидели на полу, на подоконниках, стояли в коридорах, в фойе, только чтобы поймать вдохновенное слово, которое непременно изменит такую затрапезную унылую жизнь...

Распутин был носителем, утвердителем сверхзадачи писателя, для которой он является в мир. Он полагал, что если литератор взялся за перо, он невольно становится путеводителем, маяком, светильником, вожатаем, ибо в русской литературе, как заведено от века, писатель несет в себе не только нравственное начало, но и учительское. И так до сих пор... Хотя церкви и возрождены, но до сих пор писатель играет роль учителя, священника, философа и пророка. Этой задачи у русского писателя никто не отнимал. Он все равно должен нести на себе этот крест.

Как раз Распутин вмещал в себе, нес все эти Божьи наставления. Он был и учителем, и ясновидцем, он и страдальцем, и крест, который он водрузил на себя, был тяжек. Он был посвященным человеком — пострадать за русский народ. Труды его — это покаянные молитвы, взывания к совести и небесам. Народ понимал и слушал его, внимая. Распутин писал учительно, выводя каждую букровку бисерным почерком, который даже трудно было разглядеть; вот так же неторопливо, вслушиваясь в себя, говорил в микрофон, вывязывая слова в строчку, словно боялся сказать что-то лишнее, промахнуться в мыслях. Я всегда удивлялся, слушая Валентина, как он верно складывает слова, сколько они несут внутренней мысли, как эта мысль бьется, вырываясь на простор из темницы.

Так и письмо Распутину трудно раззять, настолько крепко, точно пригнано слово к слову, как кирпич к кирпичу в старинной монастырской кладке, куда лезвие бритвы не просунуть.

Прежде я отрицал какую-то учительную роль Астафьева, Белова, Распутина, но на самом-то деле я вырос как литератор именно на их учительных книгах, на «Привычном деле» Белова, «Последнем поклоне» Астафьева и «Последнем сроке» Распутина. Когда стра-

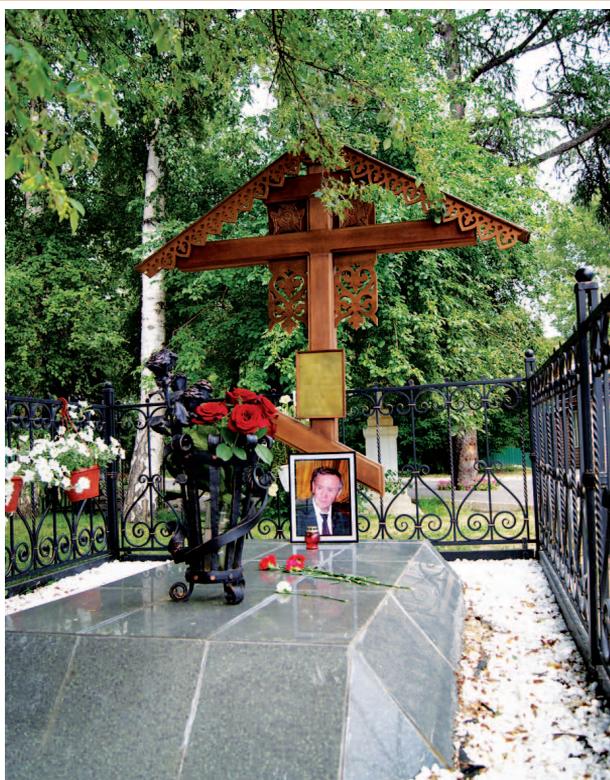
дающая русская семья в обстановке какого-то безгласия, духовного упадка распадается окончательно, нет прежнего общинного мира, рассыпается избяной уклад, ибо иссыкает, уходит в неги тысячелетний природный опыт, древние предания, этика и эстетика жизни на земле, иссыхают корни, которые и держат в крепости крестьянское древо. Деревня еще жила, но жилы ее уже рвались, больное древо рода с мучительным стоном обрушивалось к земле, предрекая России грядущие несчастья, которые,

увы, уже стояли «при дверях». В повести «Последний срок» чувствовалось предсмертное биение сердца, вопль городу, убивающему деревню. Государство своими руками упорно удушало пахаря. Продолжался насильственный генетический отбор нации, когда город уже столетие лучших забирал к себе в услугу, а слабых и стесненных заботами и невзгодами оставлял на земле, как стадо, недостойное сытой пристойной жизни. И вот тогда писатели и восплакали по уходящей деревне, вострубили в жалостные трубы. Но когда уже деревня практически ушла, вся Центральная Русь про-

пала, заросла бурьяном, чертополохом заросла, и не стало нынче ни попечителя, ни страдателя по Руси. И так случилось, что Распутин оказался последним поводырем в настигших Русь угрюмых потемках, которому все-таки не удалось во всей полноте сдвинуть Россию в национальный русский путь.

И вот ушел от нас последний литератор «из русской почвы», откуда появились Абрамов, Солоухин, Носов, Астафьев, Белов, которые много лет волновали русский ум, возбуждали надежды, что все затеянное в веках

непрерывно случится. Случатся коренные перемены в России, и заботный русский человек среди этого сплава народов почувствует себя именно русским, руководителем, вожаком, поводырем для всех малых племен, которые объединились неслучайно вокруг русского человека. Да, ничего не бывает вечным, случился закат духовного, религиозного, крестьянского, избяного пути в литературе, государство выстроило ему засеки, утопило в неправдах и повальной лжи.

Могила Валентина Распутина
у стен Знаменского монастыря в Иркутске

Закат — явление печальное, но природное, его не отодвинуть; но как говорят в народе, солнце западает в запад, в глухой угол, но наступает утро, и солнце победно встает с востока. Благословенное русское солнце никогда не умирает. И литература как солнечное, духовное, религиозное явление никогда не потухнет. Появятся новые имена, новые люди выйдут с захолустьев, с дальних засторонков Руси. Ухоженная земля, если она не в запустении, дает хорошие всходы. Все равно появится новое движение, продолжающее прежних учителей. Русская пашня всегда будет родить.

Да, сегодня она заросла чертополохом, сосенником, бурьяном, чернолесьем. Пашня не умерла — она просто отдыхает. Но все равно появится день, когда пройдет плуг русской правды по всей этой чертополошине, вспорет землю, перевернет влажным пластом на солнце, и там появятся новые всходы русской литературы, продолжающие дело Валентина Распутина.

УПОКОЙ, ГОСПОДИ...

Памяти Александры Нефедьевой

Спасская проезжая башня Илимского острога в музее «Тальцы» (фото В.Т. Щербина, 2005 г.)

После тяжелой и продолжительной болезни скончалась Александра Карповна Нефедьева, известный сибирский этнограф, заслуженный работник культуры Российской Федерации, автор альманаха «Иркутский Кремль» и прихожанка нашего Михаило-Архангельского (Харлампиевского) храма. Александра Карповна родилась 20 января 1941 года в селе Лопатино Скопинского района Рязанской области. Дед был раскулачен и сослан на Урал.

Оттуда, из Усолья-Уральского, Ермак Тимофеевич по слову царя Ивана Великого и Грозного пошел в Сибирь для утверждения на диких и вольных землях русской православно-самодержавной власти. Здесь в Усолье-Уральском собралась вскоре вся семья, здесь Александра Карповна училась до пятого класса.

Двенадцати лет от роду пошла работать упаковщицей химикалий в артели имени Чкалова, и с пятого класса училась в вечерней школе рабочей молодежи. После окончания школы пыталась поступить в Свердловский политехнический, но не прошла по конкурсу. Уехала в Сибирь; в Красноярске год работала на шинном заводе. Опять решила поступать, теперь — в Иркутский государственный университет, где и училась на историческом факультете в 1962–1966 годах.

После окончания университета работала директором Октябрьской средней школы в поселке Веселый Чунского района. С 1970 года — сотрудник Иркутского областного краеведческого музея, затем — заместитель директора по науке в архитектурно-этнографическом музее

Александра Карповна на фоне стены Илимской Казанской церкви во время праздника иконы Казанской Божией Матери в «Тальцах» (фото Т.А. Крючковой. 2004 г.)

В архитектурно-этнографическом музее «Тальцы» (фото: www.bor1.users.photofile.ru)

«Тальцы». Более тридцати лет одновременно с непосредственной музейной, научной работой совершала экспедиционные поездки по деревням и селам Восточной Сибири, где проводила детальные исследования и описания старинных жилых, хозяйственных построек (избы, бани, амбары, завозни, стайки и прочее), сбор экспонатов, отображающих быт сибирских крестьян. С мужем, иркутским писателем Валерием Нефедьевым, и маленьким сыном на яхте обошла весь Байкал, исследуя старинные байкальские поселья. Долгие годы занималась организацией перевозок и восстановлением старинных крестьянских усадеб, которые и ныне красуются в архитектурно-

сывала быт, обычаи, обряды русского православного крестьянства, воспевая крестьян как христиан, в имени коих Христос и Крест, в душе любовь к Вышнему и милость к ближнему, а милостивые — блаженны и наследуют землю.

«Помяни, Господи Боже наш, в вере и надежде живота вечного престаившагося рабу Твою, сестру нашу Александру, яко Благ и Человеколюбец, отпускай грехи и потребляяй неправды, ослаби, остави и прости вся вольная ея согрешения и невольная, избави ея вечныя муки и огня геенскаго, и даруй ей причастие и наслаждение вечных Твоих благих, уготованных любящим Тя: аще бо и согрешит, но не отступи от Тебе, и несум-

Галина Витальевна Афанасьева-Медведева и Александра Карповна Нефедьева беседуют со старожилом Заларинского района (фото Р.В. Поповой. 2005 г.)

этнографическом музее «Тальцы», что на сорок седьмом километре Байкальского тракта.

Итогом многолетней исследовательской работы стала книга «Московский тракт», посвященная жизни и быту иркутских крестьян в притрактовых деревнях и селах. Автор многих статей, среди которых особо значимы «Восьмое чудо света» (о строительстве Кругобайкальской железной дороги), «Без корня и полынь не растет», «Памятники Илимска в архитектурно-этнографической музее «Тальцы», «Без Бога ни до порога».

Будучи крестьянского кореня, Александра Карповна в статьях с любовным знанием опи-

ненно во Отца и Сына и Святаго Духа, Бога Тя в Троице славимаго, верова, и Единицу в Троицу и Троицу во Единстве православно даже до последнего своего издыхания исповеда. Темже милостив тому буди, и веру яже в Тя вместо дел вмени, и со святыми Твоими яко Щедр упокой: несть бо человека, иже поживет и не согрешит. Но Ты Един еси кроме всякаго греха, и правда Твоя, правда во веки, и Ты еси Един Бог милостей и щедрот, и человеколюбия, и Тебе славу возсылаем, Отцу и Сыну и Святому Духу, ныне и присно и во веки веков. Аминь».

Редакция альманаха «Иркутский Кремль»

В архитектурно-этнографическом музее «Тальцы» (фото В.Т. Щербина. 2005 г.)

- **В ПАМЯТЬ О ПОБЕДЕ**
Размышления
после выставки
Владимира Гуляева

Взгляд

В ПАМЯТЬ О ПОБЕДЕ

Размышления после выставки
Владимира Гуляева

Когда уклонились от пути, который Он завещал им, то во многих войнах они потерпели весьма сильные поражения, отведены в плен, в чужую землю, храм Бога их разрушен, и города их взяты неприятелями.

(Иудифь 5:18)

Одни на войне погубили тело, а иные — душу. Первые потеряли меньше. А некоторые душу свою обрели, и они истинные победители.

Святитель Николай Сербский

«Символично было начало войны — она началась в день Всех Святых, в земле Российской просиявших, символично и ее окончание — полный разгром фашистской Германии пришелся на праздничные дни памяти Георгия Победоносца, которые совпали с празднованием Пасхи Христовой. Закончилась война нашей победой и Пасхой — торжеством победы жизни над смертью. Парад Победы 1945 года прошел в День Святой Троицы — 24 июня. И даже сам выезд маршала Георгия Жукова на белом коне напоминал икону его небесного покровителя. Все говорило о том, что победа была не только завоевана, но дарована свыше»¹.

В своем слове в День Победы 9 мая 1945 года Патриарх Московский и всея Руси

Алексий I сказал следующее: «...Бог посрамил дерзкие мечты злодеев и разбойников, и мы видим их теперь несущими грозное возмездие за свои злодеяния. Мы уверенно и терпеливо ждали этого радостного дня Господня, — дня, в который изрек Господь праведный суд Свой над злейшими врагами человечества, — и Православная Русь, после беспримерных бранных подвигов, после неимоверного напряжения всех сил народа, вставшего как один человек на защиту Родины и не щадившего и самой жизни ради спасения Отечества, — ныне предстоит Господу сил в молитве, благодарно зывая к Самому Источнику побед и мира за Его небесную помощь в годину брани, за радость победы и за дарование мира всему миру.

Но только ли сознание радости несет победа? Она несет также сознание обязанности, сознание долга, сознание ответственности за настоящее и будущее, сознание необходимости усилить труд, чтобы закрепить победу, чтобы сделать её плодотворной, чтобы залечить раны, нанесенные войной.

Много еще предстоит нам трудного дела, но мы теперь можем дышать свободно и радостно приняться за труд, — тяжелый, но созидательный.

Если во время войны в непоколебимой вере в конечное торжество правого дела мы победоносно преодолели все трудности, все лишения, все тяготы на фронте и в тылу, то с какою же удвоенной силой мы примемся за воссоздание наших городов, из которых каждый — герой войны; наших дорогих и священных памятников, — всего того, что создала могучая воля и державная мощь нашего великого народа.

С благоговением вспоминая подвиги нашего доблестного воинства и тех наших близких и родных, кто положил за наше счастье временную жизнь в надежде воспринять вечную, — мы никогда не перестанем молиться о них и в этом будем черпать утешение в скорби о потере дорогих сердцу и укреплять свою веру в бесконечное милосердие Божие к ним, отошедшим в горний мир, и во всеильную помощь Божию нам, оставленным для продолжения земного подвига и для благоустройства жизни во всем мире...

Бог мира да продолжит благословения Свои на родную землю нашу и да споспешествует вождям и правителям нашим мирным оружием государственной мудрости и правды побеждать все, что враждебно миру и благу великого Отечества нашего и совокупными трудами народов-победителей установить во всем мире такой порядок, при котором невозможно было бы повторение ужасов войны.

Святую Церковь нашу в лице ее архипастырей, пастырей и верных чад призываю с таким же усердием и с такою же пламенной верой молиться о мирном преуспейнии нашей страны, с какими она молилась в годину испытаний за победу над врагами нашими. И да будет эта молитва так же благоугодна пред Богом.

Благословен еси, Боже, звери укротивый и погасивый огонь... Аминь».

Чтить этот великий день мы никогда не перестанем, — выстраданный непомерными лишениями и горчайшими утратами, он воссиял над нашей многострадальной землей, над всем нашим народом священным огнем искупления за былые промахи и заблуждения, за брато- и цареубийство, за богоотступничество, вылившееся в погибельное для России отрицание дарованного свыше исторического предназначения быть духовным оплотом всего земного мира.

С креста не сходят, с него снимают.

Отступление от назначенного пути, отречение от положенного Господом земного

креста сулит неподъемно тяжкие горести-несчастья и непреодолимые преграды, а упорствование в грехе приводит к неминуемой гибели. Именно эту очевидную истину постигала Россия на полях сражений, преодолевая духовный разброд, порожденный первой русской революцией и нараставший вплоть до катастрофы 1917 года... Именно там, на Курской дуге и в Сталинграде, в блокаде Ленинграде и под Москвой воссоединялась Россия, переступая через чужеродную ненависть гражданского раскола 1918–1920 годов, осквернившего русскую землю братской кровью... В Брестской крепости и на рубежах Севастополя, в сожженной Хатыни и молодогвардейском Краснодаре, в Орловских и Тульских лесах, на Смоленщине и под Выборгом поднималась Россия на непостижимую высоту

жертвенного подвига, — горчайшая цена за горделивое своеволие 20-х и бессмысленную жестокость 30-х годов двадцатого столетия...

Не только на огневых рубежах, но и в тылу усваивала Россия урок всенародного сплочения. И стар и млад смиренно приняли тяготы голода, холода, мирской необустроенности и непомерного труда, въяве воплощая евангельские добродетели — веру и любовь, милосердие и взаимопомощь, терпение и кротость, пост и молитву...

Великой скорбью, покаянно обретала Россия силы, необходимые для исправления когда-то искаженного пути. Подвиг народа воссиял благословенной Победой, ознаменовавшей свершившееся духовное очищение.

Сегодня, спустя 70 лет, еще явственнее и глубже видится колоссальное значение великого триумфа 1945 года, — последующие за ним десятилетия год за годом все мощнее утверждали истину бесценного откровения

Победы: всенародное духовное единство, осененное верой Христовой, — самый безошибочный путь к великой — созидающей и непобедимой — России. Любая попытка свернуть с предначертанной Богом стези оборачивалась для нас разрушительными бедами и напастями, тяжелейшим духовным обессиливанием.

Мы, наследники этой Победы, не вправе забывать, какой ценой отстояли Россию наши отцы, деды и прадеды. Мы не вправе забывать слезы, которыми Россия омыла миллионы павших на поле брани, в плену, в блокаде, на

окупированных врагом землях... не вправе забывать непомерно тяжкий труд тех, кто ковал победу в тылу. Наш долг не только помнить, но и бережно хранить победоносное наследие духовного единства великого народа.

Примечания

¹Священник Сергей Павлов. О Великой Победе. — URL: <http://www.balashovblag.ru/index.php/2011-12-23-08-36-26/2012-01-19-07-55-17/943-2012-05-04-06-16-49.html>

*В публикации использованы фотографии
Владимира Гуляева*

Детторы Нюмера

Карл Шпицвег.
Книжный червь. 1850 г.

**Святитель
Лука
(Войно-Ясенецкий),
архиепископ
Симферопольский
и Крымский**

родился 27 апреля 1877 года в г. Керчи, в семье провизора. В 1903 году с отличием окончил медицинский факультет Киевского университета. В январе 1904 года во время войны с Японией направлен с госпиталем Красного Креста на Дальний Восток. Работал в г. Чите заведующим хирургического отделения госпиталя; земским врачом в губернских больницах.

В 1921 году в день Сретения Господня профессор Войно-Ясенецкий был рукоположен во диакона, 12 февраля — во иерея и назначен младшим священником Ташкентского кафедрального собора, оставаясь и профессором университета. В мае 1923 года отец Валентин принял пострижение в монашество с именем Луки, в честь св. апостола и евангелиста Луки, который, как известно, был не только апостолом, но и врачом, и художником. 12 мая того же года он хиротонисан тайно в г. Пендженте во епископа Ташкентского и Туркестанского.

В 1934 году вышла в свет его книга «Очерки гнойной хирургии», ставшая настольной книгой хирургов, в конце 1943 года — второе издание «Очерков гнойной хирургии», переработанное и увеличенное почти вдвое, а в 1944 году — книга «Поздние резекции инфицированных огнестрельных ранений суставов». За эти два труда архп. Луке была присуждена Сталинская премия I степени.

Кроме трудов на медицинские темы, архп. Лука составил много проповедей и статей духовно-нравственного и патриотического содержания. В 1945–1947 годах он работал над большим богословским трудом «Дух, душа и тело», в котором разрабатывал вопрос о душе и духе человека, а также учение Св. Писания о сердце как органе богопознания.

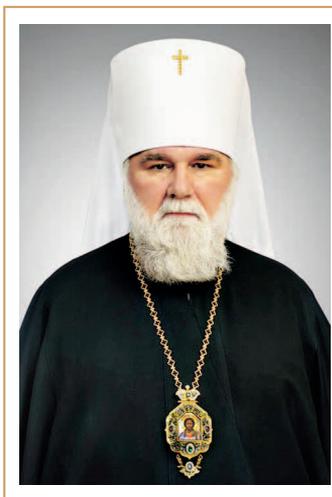
Скончался архиепископ Лука 11 июня 1961 года.

**Иоанн
(Снычѳв),
митрополит
Санкт-Петербургский
и Ладожский**

— в миру Иван Матвеевич Снычѳв — родился 9 октября 1927 года в семье крестьянина в с. Ново-Маячке Каховского района Херсонской области. После демобилизации из армии в 1945 году поступил келейником к архиепископу Чкаловскому и Бузулукскому Мануилу (Лемешевскому) (впоследствии — митрополиту), который стал его духовным учителем. В 1946 году принял монашеский постриг. В 1949 году поступил во второй класс Саратовской духовной семинарии. В 1951–1955 годах учился в Ленинградской духовной академии, которую окончил со степенью кандидата богословия. С 1965 года — епископ РПЦ. В 1976 году возведен в сан архиепископа. За труды по восстановлению кафедрального Покровского собора награжден орденом преп. Сергия Радонежского II степени. В 1988 году за прочитанные для корпорации Ленинградской духовной академии 4 лекции по истории РПЦ 1920-х годов получил звание доктора церковной истории. С 20 июля 1990 года — митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский, постоянный член Священного Синода (по кафедре). В начале 1990-х годов становится духовным лидером патриотической и русской националистической оппозиции в России. Неоднократно выступает с публицистическими статьями в газетах «Советская Россия», «Завтра», «Русский вестник» и др. В либеральных кругах критиковался за традиционализм, антисемитизм, монархизм, национализм и антизападничество. С февраля 1992 года — председатель Синодальной богослужебной комиссии. За этот период были подготовлены и утверждены: тропари и кондаки Собору новомучеников и исповедников Российских, Пресвятой Богородице в честь иконы «Целительница»; молитва на освящение Святого мира. Скончался 2 ноября 1995 года. В 1994–1995 годах петербургское издательство «Царское Дело» опубликовало главные труды митрополита Иоанна на тему судьбы России и русского народа, православия, российской истории: «Самодержавие Духа (Очерки русского самосознания)», «Голос вечности (Проповеди и поучения)», «Одоление смуты (Слово к Русскому народу)», «Стояние в вере (Очерки церковной смуты)», «Русь Соборная (Очерки христианской государственности)» и др. В либеральных кругах бытовало мнение, что фактическим автором книг и статей за подписью митрополита в 1990-х был К.Ю. Душенов. Сам Душенов категорически утверждает авторство митрополита Иоанна, а читатели русского историка уверены, что владыка

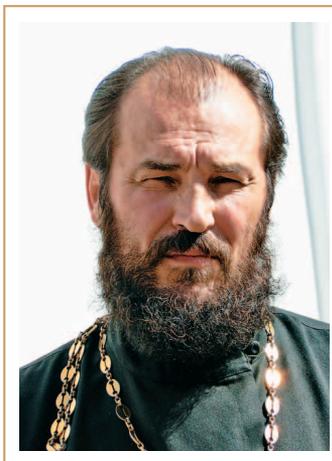
не взял бы на душу великий грех — подпись под чужими историческими трудами, что являлось бы обманом всего православного народа.

Вадим (Лазебный), митрополит Иркутский и Ангарский

родился 14 октября 1954 года в г. Губкине Белгородской области в семье рабочего. В 1977 году закончил Одесскую духовную семинарию, а в 1981 — Московскую духовную академию

со степенью кандидата богословия. Пострижен в монахи с именем Вадим. В течение ряда лет проходил послушание в Отделе внешних церковных сношений Московской Патриархии, был клириком и настоятелем ряда крупных храмов (в Старом Осколе, Владивостоке, Иркутске). 4 февраля 1990 года хиротонисан в епископа Иркутского и Читинского. С 21 апреля 1994 года — епископ Иркутский и Ангарский. С 1999 года в сане архиепископа. 5-6 октября 2011 года решением Священного Синода владыка Вадим назначен главой новообразованной Иркутской митрополии и временным управляющим новообразованной Саянской епархии. 8 октября 2011 года возведен в сан митрополита. Научные труды, публикации: «Реформа духовного образования в Римско-Католической Церкви в свете решений II Ватиканского Собора» (кандидатская диссертация).

Протоиерей Евгений Старцев

— настоятель Харлампиевского храма Иркутской епархии Русской Православной Церкви, главный редактор альманаха «Иркутский Кремль» и детского журнала «Звонница» — родился в 1962 году в г. Улан-Удэ, окон-

чил Восточно-Сибирский технический институт, обучался в духовной семинарии г. Тобольска. В 1998 году рукоположен в сан иерея. С 1998 по 2006 год при Читинской и Забайкальской епархии занимался восстановлением церквей, служил настоятелем в приходах: Свято-Троицкий, Свято-Одигитриевский, Свято-Успенский г. Улан-Удэ, Свято-Никольский с. Турунтаево, Свято-Георгиевский п. Сосновый Бор, Свято-Богоявленский с. Ильинка, Свято-Никольский с. Троицкое. Автор научных трудов и статей по истории Русской Православной Церкви; издатель серии книг «Храмы Иркутска», а также русской православно-исторической, историко-этнографической литературы.

Наталья Александровна Вертлиб

родилась в Иркутске. Закончила медицинское училище при ИГМИ, Иркутское художественное училище, декоративное отделение. Высшее художественное образование получила в Иркутском государственном техниче-

ском университете на кафедре монументальной живописи профессора В.Г. Смагина. Участник международных и всероссийских художественных выставок. С 2005 года член Союза художников России. С 2000 по 2012 год преподавала в Иркутском государственном университете на факультете сервиса и рекламы. С 2010 года — руководитель художественного отделения православной студии искусств при Михаило-Архангельском (Харлампиевском) храме.

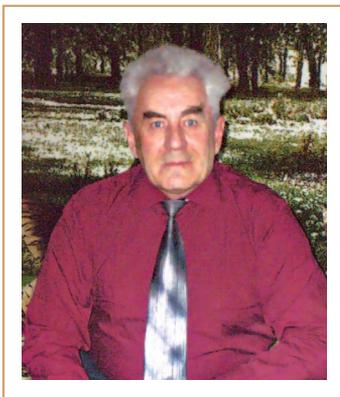

Александр Иванович Голованов

— журналист, кинодраматург, продюсер. Родился 15 ноября 1945 года в г. Иркутске. Журналистское образование получил в Иркутском государственном университете. Работал корреспондентом газет, областного телевиде-

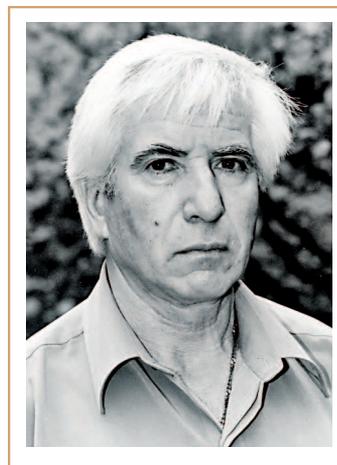
ния, Агентства печати Новости. Писал сценарии документальных фильмов для Центрального телевидения СССР, европейских телеканалов, национального ТВ Японии (NHK). С 1981 по 1998 год — директор Восточно-Сибирской студии кинохроники. С 1999 по 2008 год — председатель Иркутской государственной телерадиовещательной компании. За последние десять лет выпустил два авторских документально-исторических телесериала: «Иркутские хроники» (12 фильмов) и «Сибирские дивизии. Засекреченный подвиг» (5 фильмов). На всероссийском журналистском конкурсе «Патриот России» 2008 года телесериал удостоился специального приза «За лучшую работу с архивными материалами». Первый фильм серии «Сибирские дивизии. Засекреченный подвиг» под названием «Сибирь стояла под Москвой» получил приз «Серебряный Пегас» — вторую награду Московского кинофестиваля. Жюри международного фестиваля «Вечный огонь» назвало сериал «Сибирские дивизии. Засекреченный подвиг» лучшей исторической телепрограммой 2005 года. А.И. Голованов также стал лауреатом Центра национальной славы России (Фонд Андрея Первозванного). В общей сложности А.И. Голованов восемь раз становился лауреатом международных фестивалей и конкурсов. Он награжден также знаком «Золотое перо Иркутской области», золотым знаком с бриллиантом «Мэтр журналистики». Его работа отмечена званием «Заслуженный работник культуры РФ», благодарственным письмом Президента РФ В.В. Путина и другими знаками отличия.

**Эдуард
Викторович
Демин**

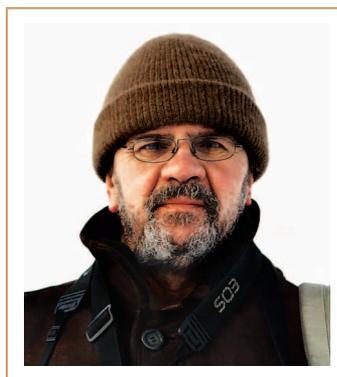
— известный сибирский краевед — родился в 1937 году в г. Улан-Удэ; окончил Бурятский сельхозинститут по специальности «инженер-строитель» и аспирантуру Воронежского строительного института; работал в Тюменьцелинстрое и Восточно-Сибирском технологическом институте (затем университете), где был проректором по науке и длительное время заведующим профилирующей кафедры. Кандидат технических наук, доцент, заслуженный инженер Бурятии. Имеет награды, дважды переизбирался в Президиум Бурятского отделения Всероссийского общества охраны и использования памятников культуры;

был ведущим и соавтором телепрограммы, посвященной охране культурного наследия, автором и членом редколлегии журнала «Байкал» и альманаха «Троицкое слово Забайкалья»; автор историко-краеведческих книг: «Посольский монастырь на Байкале» (2002), «Чикойский Иоанно-Предтеченский монастырь» (2004), «Антология Провала» (2005), «Удинск-Верхнеудинск (Улан-Удэ) в описаниях и лицах» (2006), четырехкнижная «Золотая россыпь» Селенгинска» (2009, 2010, 2015), «Удинск. Очерки начальной истории, нераздельной с Селенгинском» (2014) и других, а также многих статей.

**Василий
Константинович
Забелло**

— поэт, прозаик — родился в 1947 году в с. Утулик Иркутской области. После окончания школы и службы на Тихоокеанском флоте работал на Байкальском целлюлозно-бумажном комбинате. Первая поэтическая публикация — во флотской газете «Тихоокеанская вахта». В 1979 году удостоился диплома Иркутской областной конференции «Молодость. Творчество. Современность». Стихи публиковал в областных и столичных журналах. Автор шести книг поэзии и прозы. Член Союза писателей России. Лауреат премии Губернатора Иркутской области и премии им. Святителя Иннокентия Иркутского. Живет в г. Байкальске.

**Владимир
Ильич
Иовлев**

родился в 1947 году в семье офицера Советской Армии, закончившего войну в Кенигсберге и позднее проходившего службу на Дальнем Востоке. Окончил Московский электротехнический институт связи в 1970 году и по распределению прибыл в Иркутск, где работал на предприятиях связи в различных

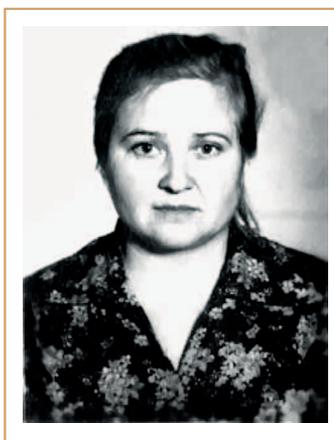

должностях. Печатался в газетах «Русский Восток», «Родная Земля», «Русская беседа» и других, а также в литературном альманахе «Сибирь». Член Союза журналистов РФ. Лауреат конкурса среди журналистов «Золотая запятая».

Валентин Григорьевич Распутин

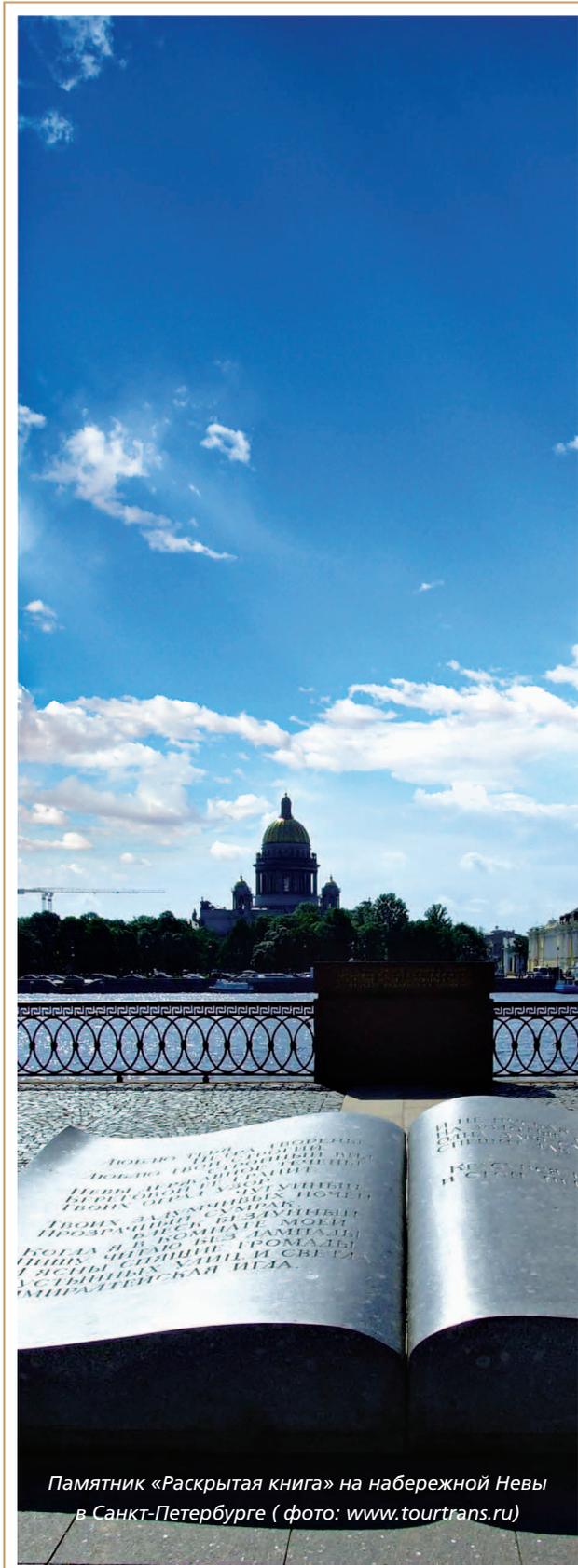
— русский писатель, публицист, общественный деятель — родился 15 марта 1937 года в селе Усть-Уда Восточно-Сибирской области, детство прошло в селе Аталанка, которая попала в зону затопления после строительства Братской ГЭС. Окончив в 1959 году историко-филологический факультет Иркутского государственного университета, несколько лет работал в газетах Иркутска и Красноярска, часто бывал на строительстве Красноярской ГЭС и магистрали Абакан — Тайшет. Очерки и рассказы об увиденном вошли в его сборники «Костровые новых городов» и «Край возле самого неба», воспевающие трудовые подвиги комсомольцев на ударных сибирских стройках. Очерки получили высокую оценку в ЦК ВЛКСМ и принесли писателю всесоюзную известность. Очерк «Я забыл спросить у Лёшки», запечатлевший комсомольца, искренно верящего в грядущий коммунизм и погибшего во имя коммунизма, напомнил читателям роман Николая Островского «Как закалялась сталь». Очерковые сборники были удостоены премии Иркутского комсомола имени Иосифа Уткина (1968). Если в первых книгах писатель воспел индустриализацию, воплощенную в строительстве гидростанций и комбинатов, то позже в повести «Прощание с Матерой» уже критически оценил великие комсомольские стройки, описывая затопление ангарских земель в связи со строительством Братской ГЭС. Повести и рассказы Валентина Распутина были изданы, а потом переизданы в сотнях книг, переведены на все языки мира и удостоены многих самых высоких правительственных наград и престижных литературных премий Советского Союза и Российской Федерации. Награды: орден «Знак Почёта» (1971); орден Трудового Красного Знамени (1981); орден Ленина (1984); Герой Социалистического Труда (Указ Президиума Верховного Совета СССР от 14 марта 1987), орден Ленина и золотая медаль «Серп и Молот» — за большие заслуги в развитии советской литературы, плодотворную общественную деятельность и в связи с пятидесятилетием со дня рождения; орден «За заслуги перед Отечеством» III степени (8 марта 2008 года) — за большие заслуги в развитии отечественной литературы и многолетнюю творческую деятельность;

орден «За заслуги перед Отечеством» IV степени (28 октября 2002 года) — за большой вклад в развитие отечественной литературы; орден Александра Невского (1 сентября 2011 года) — за особые личные заслуги перед Отечеством в развитии культуры и многолетнюю творческую деятельность. Премии: Лауреат Государственной премии СССР (1977, 1987), премии им. Л.Н. Толстого (1992), премии Александра Солженицына (2000), премии Президента Российской Федерации в области литературы и искусства (2003), премии им. Александра Невского «России верные сыны» (2004), премии Правительства России за выдающиеся заслуги в области культуры (2010), премии «Ясная Поляна» (2012), Государственной премии Российской Федерации за выдающиеся достижения в области гуманитарной деятельности 2012 года (2013) и многих других. Основные произведения писателя экранизированы. Скончался 14 марта 2015 года в Москве.

Валентина Васильевна Сидоренко

— известный русский поэт и прозаик — родилась в г. Иркутске, здесь же закончила среднюю школу. Впервые Валентина Сидоренко заявила о себе как о писателе на конференции «Молодость. Творчество. Современность» в 1970 году, когда получила диплом первой степени за рукопись стихов. В 1981 году была принята в Союз писателей СССР, в этом же году в Иркутске вышла её книга повестей «Сок подорожника». В 1984 году сборник повестей и рассказов «Завтра праздник» вышел в Москве, в издательстве «Современник». В 1991 году издан сборник повестей «Поле небороненным» в серии «Современная сибирская повесть». Позже вышла в свет книга повестей «Дело житейское». В 80-е годы Валентина Сидоренко была среди тех, кто участвовал в экологическом движении, кто вставал на защиту традиционных культурных ценностей России, а с конца 80-х отдаёт много сил для возрождения православия. Газета-альманах «Литературный Иркутск» (1988–1993), составителем-редактором которого являлась Валентина Васильевна, стала изданием ярко выраженного православного характера и получила известность во всем русском читающем мире, о чем свиде-

Памятник «Раскрытая книга» на набережной Невы
в Санкт-Петербурге (фото: www.tourtrans.ru)

тельствовала большая популярность газеты в России и за рубежом. По инициативе писательницы создается в Иркутске просветительное Общество духовного возрождения с чтением лекций на религиозные, исторические и литературные темы. В начале нынешнего века Валентина Сидоренко, вновь обратившись к поэзии, издает три книги стихов, получивших высокую оценку.

**Анатолий
Григорьевич
Байборodin**

(псевдонимы: Анатолий Андриевский, Иван Краснобаев, Иван Житихин)
— родился в 1950 году в забайкальском селе Сосново-Озерск. После окончания Иркутского государственного университета

занимался журналистикой, литературой, преподавал практическую стилистику русского языка и русскую народную этику на факультете филологии и журналистики ИГУ, работал директором издательства «Иркутский писатель». Ныне — исполнительный редактор альманаха «Иркутский Кремль». Автор книг, изданных в Иркутске и Москве. Романы, повести, рассказы, фольклорно-этнографические, историко-публицистические, литературно-художественные очерки печатались в научных и литературных журналах Москвы, Новосибирска, Омска, Томска, Барнаула. Составитель книг «Россия древняя и вечная», «Русский месяцеслов», «Думы о русском с древнейших до нынешних времен».

НА ЗАЩИТЕ БЛИЖНЕГО

Бог послал тебе нуждающегося...

Любовь к ближнему является важнейшей христианской добродетелью. Сам Спаситель заповедовал нам любить ближнего своего как самого себя. В нашем нездоровом обществе нужно много потрудиться, и особенно среди молодежи, чтобы возродить истинные духовные традиции и ценности, которые способны укрепить семью и государство в целом. Но заботиться об этом должна не только Церковь, а и само общество, — та его здоровая часть, которая заинтересована приносить пользу людям. Именно с этой целью, вовлечения иркутян в социальные проекты и работу на пользу нуждающихся, и был создан в прошлом году **благотворительный фонд «Спаси и сохрани»**.

Идею организации фонда предложили сами прихожане Харлампиевского храма, которые были готовы заниматься благотворительной деятельностью либо участвовать своим трудом в поддержке социальных проектов фонда. Отец Евгений поддержал идею создания такой общественной организации, которой является фонд «Спаси и сохрани», и получил благословение владыки Вадима на то, чтобы быть наставником фонда. Так, в январе 2014 года был создан иркутский фонд «Спаси и сохрани».

Его деятельность началась с разработки программ, определения миссии, основных приоритетных задач. Практически с первого дня регистрации фонда была открыта «горячая линия» — телефон (3952) 75-48-38, на которую может позвонить любой нуждающийся. А нужда у людей бывает разной, кому-то нужен приют, кому-то юридическая помощь, а кто-то просто остался без родных и близких.

Сохранить жизнь и нести свет

Главная задача фонда — просветительская и благотворительная деятельность, работа над дальнейшим восстановлением Харлампиевского храма. Кроме того, фонд ведет работу по организации реконструкции исторического здания первого детского воспитательного учреждения в Восточной Сибири, которое находится на территории Харлампиевской церкви. В нем сейчас размещается православная студия искусств и воскресная школа.

Кроме того, есть еще одна важная задача —

сохранение детских жизней и поддержка материнства. Речь идет о системной работе против абортотворения, которую фонд «Спаси и сохрани» проводит сегодня на территории Иркутской области, как на уровне региональной власти, так и среди населения. Так, в этом году благодаря деятельности сотрудников фонда и его учредителей, в Иркутской области на уровне правительства региона, а именно, министерства здравоохранения, было принято распоряжение о необходимости обязательной беседы психолога с беременной женщиной, намеренной сделать аборт. Тем самым, власти Иркутской области этим решением продемонстрировали свою позицию по отношению к абортотворению и готовность к сотрудничеству с фондом «Спаси и сохрани» и обществом в целом.

В этом же году министерство здравоохранения региона и фонд «Спаси и сохрани» подписали Соглашение о совместной деятельности в части мероприятий, направленных на сохранение жизни и здоровья материнства, детства и, в целом, поддержки семьи, ее духовного и физического здоровья.

Поэтому сегодня в Иркутской области, в отличие от многих других городов России, созданы условия для организации работы с женщинами, которые находятся в ситуации кризисной беременности. Приказом № 1 от 12.01.2015 г. министерство здравоохранения Иркутской области утвердило специальный порядок оказания медицинской помощи при искусственном прерывании беременности в сроке до 12 недель. Главной особенностью документа является то, что при первичном обращении женщину, желающую прервать беременность на раннем сроке, врач-гинеколог в обязательном порядке должен направить на консультацию к психологу.

По замечанию Александра Розума, директора фонда «Спаси и сохрани», с момента появления такого распоряжения о необходимости обязательной беседы беременной женщины с психологом, каждая третья женщина после такой беседы принимает решение в пользу жизни и сохранения беременности. Кроме того, он сообщил, что на его личном счету за полтора года деятельности фонда уже четверо родившихся ребятишек. Сам Александр также консультирует женщин, выезжает по телефонному звонку, знакомится с условиями жизни семьи и в случае необходимости от имени фонда оказывает в том числе и материальную помощь беременным.

Помимо этого фонд «Спаси и сохрани» проводит бесплатные консультации врача, юриста, психолога, священника для беременных женщин, оказавшихся в трудной жизненной ситуации, и для всех нуждающихся по семейным проблемам. **Телефон горячей линии фонда (3952) 98-11-18.** Достаточно сделать всего один звонок, чтобы почувствовать, что женщина и ее будущий ребенок не одни в этом мире, — рядом есть люди, которые готовы оказать реальную помощь, в том числе в случае острой нужды, и финансовую поддержку.

Всем миром для пользы людей

Общими задачами и целью создания фонда «Спаси и сохрани» изначально являлось формирование имущества фонда на основе добровольных имущественных взносов и других, не запрещенных законом поступлений, и использование данного имущества на благо и для содействия в российском обществе формирования духовных ценностей, укрепления традиционной семьи, создание условий для сохранения в обществе института традиционной семьи, спасение и сохранение национальных семейных ценностей, разъяснение духовного смысла рождения и жизни человека, его промыслительного предназначения и неразрывной связи с Богом, оказание бескорыстной помощи.

— Сейчас мы работаем по восьми направлениям, — рассказывает его директор Александр Розум. — Основное из них, отличающее нас от других благотворительных организаций, — анти-абортная программа. Второе — профилактика социального сиротства. Общение с женщинами, отказывающимися от детей. Мы работаем с женщинами, которые решили отказаться от своих детей в критической жизненной ситуации. Выясняем причины, оказываем помощь в поисках временного приюта, в оформлении документов на социальные пособия, на медицинское обслуживание. Также помогаем детям-отказникам в больницах. И крайне важная для нас работа — восстановление здания первого в Восточной Сибири детского сада. Это здание находится во дворе Харлампиевской церкви. Детский сад был открыт в Иркутске в конце 60-х годов XIX века. В этом здании сад стал располагаться с 1982 года. Деревянный двухэтажный терем стал украшением улицы Амурской (ул. Ленина). В 1938 году, когда на главной улице города потребовалось расчистить место под строительство спецполиклиники, все же не решились снести архитектурный шедевр, а перенесли его в глубь квартала — прямо на погост Харлампиевской церкви. И уже тогда здание потеряло часть деталей и элементов. И в таком состоянии находится до сих пор, сохранив свою уникальность. От окончательного разрушения его может спасти только реставрация. Сегодня в здании первого иркутского детского сада располагается воскресная школа Харлампиевской церкви. Около ста ребятишек обучаются по нескольким дисциплинам: Закон Божий, история казачества, прикладное творчество и пение, народный танец. В числе обычных детей — сыновья, дочери, внуки прихожан, среди них есть аутичные дети, ребятишки с синдромом Дауна. Им уделяется особое внимание, с ними работают профессионалы. На протяжении всего периода работы фонда мы выплачиваем деньги на изготовление проекта реставрации этого памятника архитектуры. Проект этот очень дорогостоящий. Мы должны соблюсти все условия, поставленные Центром сохранения наследия. Когда он будет готов, надо будет искать средства на реставрацию здания.

Сегодня у фонда есть два серьезных попечителя — это фирма «АСФ» и его руководитель Игорь Викторович Шпаков и акционерное общество «Ермак» и его президент Олег Анатольевич Геевский. Создан также Попечительский совет фонда, в который вошли известные люди Приангарья. Среди них директор Иркутского драматического театра имени Н.П. Охлопкова, почетный гражданин города Иркутска Анатолий Стрельцов; журналист, кинодраматург, продюсер Александр Голованов; художник Александр Москвитин; сам настоятель Михаило-Архангельского Харлампиевского храма, протоиерей Евгений Старцев; частные лица и предприниматели.

В июле этого года протоиерей Евгений Старцев и Александр Ковтунец, автор и руководитель Общенациональной программы «В кругу семьи», договорились о сотрудничестве и создании региональной дирекции Программы «В кругу семьи» в Байкальском регионе, возглавить которую предстоит отцу Евгению. Митрополит Иркутский и Ангарский Вадим благословил его на эту работу.

Сегодня многие региональные проекты фонда «Спаси и сохрани» смогут войти в общий перечень проектов Общенациональной программы «В кругу семьи», особенно в части тех направлений, которые защищают основы семьи, материнства и детства.

Кстати говоря, у прихожан Харлампиевского храма уже есть опыт участия в Международном фестивале театра и кино, который Программа «В кругу семьи» проводила в Иркутске в прошлом году. Как рассказал Александр Розум, сотрудники фонда и прихожане храма вместе с подопечными — ребятишками из приютов — смогли принять участие в некоторых мероприятиях фестиваля «В кругу семьи».

Ведь миссия фонда — формирование духовных ценностей у иркутян, спасение и сохранение национальных семейных ценностей, разъяснение духовного смысла рождения и жизни человека, его промыслительного предназначения и неразрывной связи с Богом — всего того, что способствует условиям сохранения в обществе института семьи.

Пресс-служба Михаило-Архангельского Харлампиевского храма г. Иркутска

Благотворительный фонд помощи нуждающимся «Спаси и сохрани»
664025, Иркутск, ул. 5-й Армии, 59

ИНН: 3808234118
КПП: 380801001
Р/сч.: 40703810818350000072
Байкальский Банк Сбербанка России
Кор./сч.: 30101810900000000607
БИК: 042520607

Директор: **Розум Александр Павлович**
Тел.: 8-914-898-11-18
E-mail: Aleksandrozum1976@yandex.ru

